

ХVII.

СБОРНИКЪ

Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества.

ЖИЗНЬ И ПОВѢРЬЯ

крестьянъ Купянскаго уѣзда, Харьковской губерніи.

П. В. Иванова.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Печатное Дѣло“, Клочновская, 5.

1907.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Предисловіе	1	Веснянки	108
Дни недѣли	6	Апрѣль 8, 17, 23, май 9, 10, 11 .	136
Годовой кругъ	21	Троицынъ день	141
Декабрь 12, 24, 25, 31	21	Пѣсни во время молотбы	143
Вирши на Рождество Христово	26	Петрівка	146
Колядки	38	Іюнь 13, 23, 24, 29, 30	147
Щедривки	57	Пѣсни во время сѣнокоса	150
Январь 1	65	Купальскія пѣсни	155
Посыпальницы	66	Іюль 8, 18, 19, 20, 27, 28, 30 .	164
Январь 5, 6, 8, февраль 2, 11, 20, 29	70	Пѣсни во время жатвы	167
Масляница	77	Августъ 1, 6, 15, 29	173
Великій постъ	80	Сентябрь 1, 4, 6, 8, 14, 23	175
Мартъ 1, 5, 9, 17, 25, 26	80	Октябрь 1, 26, 28	177
Крестопоклонная недѣля	82	Ноябрь 1, 21, 24, 30	177
Похвальная недѣля	85	Легенда о Космѣ	177
Вербная недѣля	86	Декабрь 1, 4, 5, 6, 9	179
Страстная недѣля	86	Легенды о св. Николаѣ	180
Пасха	93	Вечерницы	185
Пасхальные вирши	99	Игры въ карты	196
Проводы	106	Предметный указатель.	

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Давно уже во многихъ органахъ нашей печати раздаются голоса, настойчиво приглашающіе нашу интеллигенцію въ деревню, гдѣ, будто бы, хранится истинно русская жизнь, гдѣ работаетъ неиспорченный русский человѣкъ. Съ другой стороны не менѣе настойчиво указывается на деревню, какъ на гнѣздо самаго темнаго невѣжества, грубыхъ суевѣрій, повальнаго пьянства, косности и лѣни. Такая рѣкая противоположность во взглядахъ на одинъ и тотъ же предметъ свидѣтельствуемъ, между прочимъ, о недостаточномъ знакомствѣ представителей этихъ взглядовъ съ бытовой пародной жизнью. Хотя для представленія жизни деревни въ надлежащемъ свѣтѣ требуется особое подробное изслѣдованіе всѣхъ ея сторонъ; но и сырые матеріалы, почерпнутые изъ самаго источника ея, изъ крестьянской семьи, могутъ способствовать правильному разрѣшенію затронутаго вопроса, если они просто, такъ сказать, съ лѣтописной безискусственностію, передаютъ бытовые данныя.

Такой спокойной простотой, чуждой какихъ бы то ни было публицистическихъ цѣлей, отмѣчаются матеріалы, внесенные въ настоящій сборникъ.

Нерѣдко приходится слышать разсужденія о вредномъ вліяніи праздниковъ на нравственность крестьянъ и на ихъ хозяйство. Говорятъ, что праздники, отнимая у крестьянъ много рабочаго времени, вносятъ разстройство въ хозяйство ихъ, что праздники пріучаютъ крестьянъ къ лѣни, отвлекаютъ мысль ихъ отъ работы, затрудняютъ введеніе въ хозяйство новыхъ рациональныхъ пріемовъ и системъ полеводства, и что, поэтому, необходимо уменьшить число праздничныхъ дней въ году. Но разсуждая подобнымъ образомъ, мы обнаруживаемъ лишь свое малое знакомство съ обыденною жизнью крестьянской семьи.

Прослѣдивъ же изо дня въ день эту исполненную тяжелаго труда жизнь народа, вникнувъ въ обычаи, обряды и преданія, пріурочиваемые крестьянами къ праздникамъ, мы скоро убѣдились бы въ односторонности

сказаннаго взгляда, въ ошибочности приведеннаго заключенія о непроизводительной, будто бы, тратѣ крестьянами времени на праздники и въ вытекающей отсюда необходимости ограниченія числа праздничныхъ дней.

Хотя праздники съ обставляющими ихъ обычаями, примѣтами, преданіями, и составляютъ консервативное начало въ жизни деревни, но тѣмъ не менѣе они охраняютъ ее только отъ быстрыхъ переменъ и скорыхъ увлеченій повизною, но не замыкаютъ окончательно отъ современныхъ вліяній и не заграждаютъ доступа къ ней окружающему свѣту. Къ сожалѣнію, свѣта-то этого въ окружности деревни мало, а проникаетъ въ нее и того меньше,—но тутъ уже праздники не причемъ. Тоже приходится сказать относительно непроизводительной будто бы траты на нихъ времени, благоприятствующей, молъ, лишь крестьянской лѣни. Высказывающіе подобное мнѣніе забываютъ, что только немногіе праздничные дни въ году проводятся крестьянами праздно, безъ запятій по хозяйству, и что большинство праздниковъ для крестьянъ, особенно въ рабочую пору, не болѣе какъ полупраздники, потому что работа прекращается только до обѣда, а послѣ обѣда трудовая жизнь вступаетъ снова въ свою обычную колею.

Сверхъ того, соединенные съ праздниками обычаи, повѣрья и преданья хотя и вносятъ въ исключительно матеріальныя заботы деревенской жизни нѣкоторый духовный элементъ и придаютъ ей поэтическую отчасти обстановку, но все же, слѣдуетъ сказать, и въ эти дни мысли крестьянина не поднимаются выше сферы хозяйственныхъ интересовъ, не улетаютъ далѣе загоры, поля, нивы. Такъ что, говоря о народныхъ праздникахъ, приходится сожалѣть не о томъ, что ихъ очень много, а скорѣе о томъ, что и во время праздниковъ мысль крестьянина рѣдко имѣетъ случай выйти изъ тѣснаго круга сельскохозяйственныхъ заботъ, что духовныя его потребности и во время праздниковъ рѣдко падаютъ для себя здоровую пищу, въ видѣ ли религіознонравственныхъ собесѣдованій въ церкви или назидательныхъ чтеній въ домашнемъ кругу.

Нижепредлагаемый календарь обычаевъ, обрядовъ и примѣтъ представляетъ не мало данныхъ, подтверждающихъ высказанное заключеніе. Для поясненія сказаннаго не лишнимъ считаемъ воспользоваться сейчасъ же собранными матеріалами. Посмотримъ, какъ нашу крестьянину встрѣчаетъ и проводитъ, на примѣръ, первый праздникъ въ году, Новый Годъ,—на чемъ сосредоточены въ этотъ день его мысли, куда и на что направлены его заботы.

Солнце еще не взошло, а крестьянинъ уже занятъ дѣломъ: онъ выдергиваетъ изъ стоговъ колосья разнаго хлѣба, даетъ ихъ скоту, чтобы

тотъ былъ сплывный и тучный, жирный; онъ зажигаетъ въ саду собранный за святки въ хатѣ и теперь вынесенный сюда соръ, чтобы не заводилась на деревьяхъ гусеница; онъ трясеть съ тою же цѣлью вѣтви плодовыхъ деревьевъ, наконецъ, онъ стучитъ топоромъ по стволамъ тѣхъ изъ нихъ, на которыхъ въ истекшемъ году не было плодовъ, грозя срубить ихъ, если они окажутся безплодными и въ наступившемъ году.

Пойдетъ, затѣмъ, крестьянинъ въ церковь, то и здѣсь онъ не упуститъ замѣтить, какъ горять свѣчи въ папикадилѣ, стоятъ ли сгорѣвшіе фитили свѣчь прямо или же согнулись крючкомъ, такъ какъ и это служитъ ему одною изъ примѣтъ относительно будущаго урожая. Въ то же время хозяйка, съ своей стороны, также старается заглянуть въ таинственное будущее: сажаетъ на порогъ перваго вошедшаго въ хату посыпальщика и спинаетъ у него съ ноги сапогъ. Все это продѣлывается съ тою же постоянною заботою о хозяйствѣ: о курахъ, о гусяхъ, о свиньяхъ. Что дряхлый дѣдъ обувается не на холодной землѣ, а сидя на теплой печи,— даже и этому дѣйствию приписывается хозяйственное значеніе: «чтобы свиньи плодились», а не забота о здоровьѣ старика. Послѣ обѣда, несмотря на праздникъ, женщины отказываютъ себѣ въ удовольствіи поискать другъ дружкѣ въ головѣ изъ болязи, чтобы въ наказаніе за неуваженіе къ празднику куры не разгромили у нихъ стоговъ хлѣба; отказываютъ также въ другомъ удовольствіи: погрызть подсолнечныхъ сѣмянъ, потому что въ противномъ случаѣ воробьи выклеваютъ все подсолнечники. Скажутъ: все это пустяки, бабы выдумки, пелѣпости, свидѣтельствующіе только о невѣжествѣ деревни. Такъ, вполне справедливо. Но тѣмъ не менѣе эти то самыя пелѣпости громко кричатъ о томъ, что у крестьянина мысли о хозяйствѣ слились со всѣмъ его даже праздничнымъ обиходомъ и что, поэтому, о лѣпости тутъ не можетъ быть и рѣчи.

Явится у бабъ желаніе повеселиться, кутнуть самимъ безъ мужчинъ. Чтожь свое желаніе выпить объясняютъ ли онѣ необходимостью отпраздновать день своего рожденія или своихъ имянинъ, или поводъ къ выпивкѣ пахотять въ воспоминаніяхъ какой-либо семейной радости? Нѣтъ, и въ этомъ случаѣ привыкшая вращаться въ тѣсномъ кругѣ хозяйственныхъ пуждъ мысль крестьянки находитъ предлогъ къ выпивкѣ въ традиціонныхъ обычаяхъ, соблюденіе коихъ объясняется также какими-нибудь хозяйственнымъ заботами: то, чтобы коровы были ласковы къ телятамъ, то, чтобы зоны въ ишеницѣ не было, то косарямъ слѣдуетъ ложки помыть, то лукъ вытолачивать. Пусть это пустой предлогъ, простая шутка, располагающая къ выпивкѣ, но въ томъ то и сила, что предлоги эти и шутки подводятся все подъ тѣ же заботы о хозяйствѣ. Впрочемъ, за

желаніе выпить, повеселиться въ свободное отъ труда время, во время праздника, думаемъ, пельзя бросать имъ слова осужденія: праздники — радость, красота, поэзія жизни.

Періодичность въ занятіяхъ крестьянъ обусловливается періодичностію измѣненій природы; вслѣдствіе ежегодной повторяемости сами занятія приобрѣтаютъ характеръ устойчивости, порядокъ ихъ дѣлается обычнымъ, неизмѣннымъ; время какъ бы освящаетъ его. И дѣйствительно, пока новыя культурныя вліянія не проникаютъ въ земледѣльческую среду, до тѣхъ поръ и жизнь крестьянина земледѣльца течетъ вполне согласно съ годовымъ цикломъ и обрядовая сторона остается неизмѣнной. Когда же внѣшнія вліянія начнутъ вносить новыя понятія въ жизнь деревни, древній обычай начинаетъ мало по-малу терять свое господство и только нѣкоторыя изъ его поэтическихъ сторонъ сохраняютъ свое значеніе отчасти измѣняясь, отчасти приспособляясь къ новымъ условіямъ. Хранительницами древняго обряда въ его семейныхъ мелочахъ являются женщины, а главная роль въ праздничномъ весельи принадлежитъ молодежи. На этомъ основаніи внесенные въ настоящій сборникъ матеріалы записаны преимущественно со словъ старухъ или молодежи.

Г. Купянскъ.
15-го Января 1891 года.

Сокращенія названій селеній.

Примѣчан.:

1. Г. К.	Городъ Купянскъ.
2. А. Ар.	Слобода Араповка.
3. Б. Бор., Б-я.	„ Боровая.
4. Вб.	„ Волоско-Балаклейка.
5. Гонч.	„ Гончаровка.
6. Гор.	„ Гороховатка.
7. Гус.	„ Гусинка.
8. Дв. Дв-я	„ Двурѣчная.
9. Ег.	Хуторъ Егоровъ.
10. Каб. Кб-я	Слобода Кабанья.
11. Ка., Кам.	„ Каменка.
12. Кол., Коля	„ Колодежная.
13. Куз.	„ Куземовка.
14. М., Мал.	Хуторъ Маліевъ.
15. Мѣл.	Слобода Мѣловатка.
16. Н-С.	Хуторъ Нижній Соленый.
17. Н.-Ек., Ново-Ек.	Слобода Ново-Екатеринославль. (Сватова-Лучка).
18. Н-Н., Ново-Ник.	„ Ново-Николаевка.
19. Н-Ос.	„ Ново-Осинова.
20. Пп.	„ Петропавловка.
21. Пок., Пръ, Пъ.	„ Покровскъ.
22. Поп.	„ Поповка.
23. Пря, Пя	„ Преображенная.
24. Р-П.	„ Радьковскіе Пески.
25. С-Л.	„ Сватова-Лучка (Ново-Екатеринославль).
26. Сва., Св-ка	„ Свистуновка.
27. Ст.	„ Стельмаховка.
28. Т., Тар.	„ Тарасовка.
29. Т-п	„ Тополи.
30. Тор., Тя	„ Торская.

Дни недѣли.

1. Неделя (воскресенье).

Неделя (воскресенье) считается малороссами большимъ праздникомъ. Старухи говорятъ, что работа въ «недѣлю» составляетъ болѣе тяжкій грѣхъ, чѣмъ работа въ иные изъ болѣе чтимыхъ, чѣмъ воскресенье, церковью праздниковъ. За нарушеніе святости праздника слѣдуетъ наказаніе обыкновенно въ тотъ же самый день до вечера, а затѣмъ если наказанія не послѣдовало, значить, его и совсѣмъ не будетъ. За непочитаніе же «недѣли» человѣкъ можетъ быть наказанъ въ теченіе цѣлыхъ семи лѣтъ и только по истеченіи этого срока можетъ успокоиться: грѣхъ за оскорбленіе святости воскреснаго дня ему прощенъ. Особенно грѣшпорубить въ воскресенье что нибудь топоромъ; паколотъ въ этотъ день щепокъ и то грѣхъ: ихъ слѣдуетъ въ воскресенье ломать, а не колоть. Одинъ заоскольскій крестьянинъ отрубилъ топоромъ въ воскресенье кончикъ ремня отъ налыгача, и что же?—жена этого крестьянина родила ребенка съ разсѣченной верхней губой. Прибавляютъ, что отрубленное въ воскресенье полѣно по прошествіи семи лѣтъ, если сохранить его, непременно само загорится и сгоритъ.

Рано по утру въ воскресенье послала богатырка (богатая женщина) свою работницу на ливаду нажать корму для коровъ. Работница, взявши серпъ, отправилась въ ливаду и только что, перекрестившись и сказавши: «Боже, благослови и поможи!» наклонилась, чтобы начать жать траву, вдругъ слышитъ: «Богъ не благословляетъ работы въ праздникъ!» И видитъ передъ собою старика, который приказываетъ ей не жать травы. «Какъ же не жать», говоритъ удивленная работница: «хозяйка приказала мнѣ нажать корму для коровъ?».—Пойди скажи хозяйкѣ, что сегодня большой праздникъ, что работать сегодня грѣхъ. Хозяйка, выслушавъ рассказъ своей работницы, побранила ее и вторично послала за травой

на ливаду. Слова появился старикъ и опять запретилъ работницѣ жать. Раскричалась хозяйка на работницу, прогнала ее въ третій разъ и сказала: «иди жни, а не то побью и тебя и того, кто осмѣлился распоряжаться въ моей ливадѣ!» Пришла работница въ третій разъ въ ливаду, перекрестилась и сказала: «Боже, благослови!» И опять услышала слова: «не благословляетъ Богъ работы въ праздникъ» и снова стоитъ передъ нею суровый старикъ, грозно глядя на нее гнѣвные очи и повелительно указываетъ ей на небо рука. Разсердилась хозяйка, узнавъ, что работница не пажала травы, вырвала пзъ рукъ у нея серпъ, съ брашью отправилась сама въ ливаду, грозя по своему раздѣлаться съ непрошеннымъ учителемъ. Пришла—никого не видно, только поютъ пташки да на травѣ блеститъ роса. Перекрестилась, сказала: «Боже, благослови!» и хотѣла жать, по тотчасъ же услышала слова: «не благословляетъ Богъ работать въ праздникъ, а караетъ творящихъ беззаконіе». Не испугалась богатырка этихъ словъ, а живо возразила: «посмотрю, кто не позволитъ мнѣ жать на моей ливадѣ: для лѣтняевъ всё праздники! много такихъ праздниковъ въ году! Видишь—Богъ не благословляетъ, да я и безъ Бога пажу травы!» И захвативъ рукою кустъ травы, взмахнула серпомъ... глядь—апъ травы нѣтъ. Выпрямилась, трава снова передъ нею, такая высокая, густая, сочная. Опять поклонилась, замачнула серпомъ... чисто: травы ни стебля. Что за чудо? подумала богатырка: видно голова закрутилась. Протерла глаза—трава опять на мѣстѣ. Въ третій разъ попробовала жать,—повторилось прежнее. Увидала тогда богатырка, что воскресенье дѣйствительно великій праздникъ, поняла что согрѣшила, и говорить сама себѣ: пойду къ добрымъ людямъ, спрошу, какъ замолить грѣхъ, или лучше пойду къ попу, пусть наложитъ покуту. «Зачѣмъ идти къ попу—я паложу на тебя покуту», сказалъ появившійся предъ богатыркою старикъ: «выбирай одно изъ двухъ: три года быть въ ссылкѣ на поселеніи, или три года кормить троихъ дѣтей». Подумала богатырка: если пойти на поселенье, то за три года безъ меня все мое добро пропадетъ, а потомъ и не наживешь; лучше прокормить троихъ дѣтей три года. Какъ только сказала она старику о своемъ согласіи кормить троихъ дѣтей, вдругъ бросились на нее изъ травы три гадюки (змѣи) и повисли, двѣ на грудяхъ, а третья—не знаю гдѣ. Пошла злосчастная жепщина ходить по свѣту съ тремя дѣтьми—гадюками: кормить ихъ, кается передъ людьми да учить ихъ почитать воскресный день. Ходила три года, возвратилась домой. Кончился назначенный срокъ, гадюки исчезли, но и сама она черезъ три дня померла (г. Купяпскъ. Со словъ крестьянки Марфы Столяревской).

— Повстрѣчались въ г. Купянскѣ на базарѣ двѣ кумы, одна живущая въ городѣ, другая—въ заоскольскомъ хуторѣ, поздоровались; хуторянка и говоритъ: «а я тобі, кумочко, шось рѣзскажу, шо було моему хлопцеві. На тымъ тыжни погнавъ винъ на стерны скотынку пасты, а самъ сивъ пидъ копы въ холодокъ. Дывытця, а тутъ иде до ёго старенькій человичокъ съ сиденькою бородкою. Поздоровкався тай сивъ быля него и пытае: «чи вмієшь ты, хлопче, молитвы».—Вмію, дидусю», каже мій хлопецъ. «А ну прокажи!» Хлопецъ проказавъ, а дидусъ и каже: «пидешь же ты до дому такъ скажи батькови и матери, всимъ домашнимъ и сусидамъ, шобъ диты почиталы батькивъ и материвъ, а батьки та матери жаловалы бѣ дитей; шобъ ны лаялысь, ны спорылысь, шобъ и съ сусидами дружно жили, а найпаче шобъ святу недилю штылы: до церкви ходылы та Богу молылысь. А то, бачъ, Богъ давъ урожай. Урожай хорошій та треба спишиты ёго убраты, а то може кому не достанетця и исты. Будуть дожди таки, шо и копы поплывуть. Гляды, якъ пидешь до дому, то такъ усимъ и розскажи, а тыперъ давай я тобі просця посію». Вынявъ жменю проса тай посіаявъ. А воно замисто проса выросло три яблоньки, а на кажпій яблоньци по одному яблочку. Дидусъ стряхнувъ яблоньки, а яблочки и упалы. Винъ и каже: «ото жъ я стряхнувъ съ тебе, хлопче, уси твои грихи. Завтра прихоль опьять сюды». Вставъ и пишовъ одъ хлопця. Дывытця хлопецъ ему въ слидъ, ажъ въ его ступенькахъ по писку повно воды стоить,—вода чиста—чиста, якъ слѣза. На другій день мій хлопецъ поззавъ товарищивъ и погнамы скотыну на тажъ мисто. Ждалы, ждалы весь день дида, а винъ и не прыйшовъ. О такъ то, моя кумочко; чога намъ треба ждаты.—и сами мы незнаемо, а воно шось та буде!» (Записано со словъ городской кумы, кр. М. Столяревской, 10 іюля 1888 г.).

— Пишла одна жинка у недилю вытягаты зъ рички лёпъ, якій тамъ бувъ помоченый нею. Вона, якъ прыйшла до рички, уже було пивдня, начала вытягаты по одній горстци лёпу и выкыдаты на берегъ для сушки. Отъ вона тягала, тягала и вытягла увесь зъ рички лёпъ, тико осталась тамъ одна горстка, вона и за тією ползла у воду. Якъ стала браты іи—ныможе й выиты на берегъ: такъ днѣмъ и ночью стоить вона тамъ зъ горсткою, а якъ прыйде недиля, то та жинка усе хлюпоще ту горстку лёпу у води и зубамы скрыгоче. Люды бояця іи трогаты. Въ такпмъ положеніи вона була зъ мисяць, а потимъ того хтой зна де вона и дилась, никому нызвисно (хут. Малієвъ. Сообщ. уч. М. Нетреба).

— Въ воскресеніе молодая замужняя жепщина не должна расчесывать волосъ на головѣ, а не то тѣ волоса, что остаются на гребнѣ

задушать во время родовъ ея ребенка, а тѣ волосы, что падаютъ при расчесываніи головы на полъ, улетать въ 12 домовъ и причинять тамъ кому нибудь болѣзнь пальцевъ, такъ называемую «волось» (сл. Ново-Николаевка. Сообщ. уч-ца А. Склобинская).

— У неділю жинки овси не чешутця, а ливки до окончанія службы—грихъ (сл. Шейковка).

— Въ неділю жытного хлиба не годятся пекты, а то Богъ въ поли хлибъ запече (сл. Ар.).

2. Поньдилокъ (понедѣльникъ).

Этотъ день весьма почитается малороссіянками и олицетворяется ими въ видѣ старика, встрѣчающаго и провожающаго души умершихъ на пути ихъ въ загробную жизнь. Еще изстари многія женщины въ малороссіи «поньдилкувалы»; да и въ наше время большинство старухъ—хуторянокъ не ѣсть по понедѣльникамъ скоромной пищи, чтобы, какъ онѣ объясняютъ, имъ послѣ смерти легче было итти по дорогѣ въ будущую жизнь: «Якъ старому скверно йты на гору бизъ палки, такъ и на той свить скверно йты бизъ поньдилка». Мы не имо скоромнаго въ поньдилокъ за тымъ самымъ, шо па тымъ свити Поньдилокъ—перва стрича: стрине насъ и проведе; того, хто ёго почитае, за того винъ п заступытца на тымъ свити». (см. Н. Н.).

Иныя изъ крестьянокъ во время болѣзни даютъ обѣтъ постить по понедѣльникамъ; другія—вслѣдствіе совѣта стариковъ, третьи—илъ подражанія; вообще же «поньдилкуютъ» весьма многія.

— Довго хворала одна жинка и сказала: «якъ выздоровію, то буду поньдилкувать». Выздоровила вона и поньдилкувала годивъ три. Разъ вона забула, шо поньдилокъ, и попила каши съ саломъ; а здумала про поньдилокъ тоди, якъ наилась уже каши. Дило було вечеромъ. Навившись каши, полизла жинка па пичъ и заспула. Спала—ныспала, а шось торкъ їи за плыче,—вона глянула, а воно сидый дидъ сыдыть у куточку та й каже: «ты нашо сѣгодня ила кашу съ саломъ? Гляды-жъ! у другый разъ шобъ сѣго ны було, а то бырыжись!» И дидъ хто-зна де й дивсь. Тоди та жинка догадалась, шо до неи являвсь поньдилокъ. (X; М.).

— Я поньдилкую, говорить крестьянка, ще покойни родытели. дай Богъ царство ихъ души, поньдилкувалы, такъ и я звыкла. А ось недавно па старосты лить Богъ наказавъ. Дома нашихъ никого не було, тилько я одна, такъ я у неділю и до церкви не пишла, и у слободи

не була; такъ коло хозяйства прогаяла весь день: то сэ, то тэ робыла. У насъ на хутори якъ до церкви не идешъ, такъ мовъ и не праздныкъ. Въ поныдилокъ ранкомъ встала и байдуже якій день; подоила корову,— у печи не топыла: одна, ни къ чему—, справылась коло хаты, зъила шматокъ хлиба и нишла на огородъ. Полола до обидь. Сонце стало на обидь, я въ холодку лягла, спочила, та опять за тэжъ, Бачу сусиды вже повднычають и мини истъ захотплось, ажъ коло серця пече. И чого жъ?—кислого молока забажалось. Нишла въ хату и поила того молока; сама й байдуже якій день; съ тымъ и спаты лягла, не схаме- нулась. Тилько шо жъ мини приспылось? Непаче якій-сь ираздныкъ; я иораюсь коло печи и думаю иты до церкви, а не дуже, бачъ, поспи- шаю, а самій исты хочетця. Ото непаче узяла видризала на правой руци палець, посолыла та й зъила. И такій винъ мини гарный, солодкій здавсь. ажъ поцмакувала, тай й стала вбыратця до церкви, а руку, бачъ, усе ховаю, шобъ не побачылы, шо у мене одного пальца нема. Нишла, иду и усе руку ховаю. Дохожу непаче до слободы, дывлюсь а люди зъ церкви идутъ—я опизнылась. Шо тутъ робыть? Стыдно иты на зустрічь людей, треба сховатця. И думаю, зайду у хату до кумы, побалакаю, непаче я зъ церкви, а тамъ выйду видъ кумы и пиду за народомъ навадъ,— вопы думатымутъ, шо я зъ церкви иду. И такъ мини стало стыдно и страшно: боюсь, шобъ не дозпалы, шо я палець зъила та зъивши до церкви нишла, а у церкви не була, а людямъ збрехала, шо була. Съ тымъ я прокынулась (проснулась) та й думаю: къ чому той сонъ? Та вразъ, якъ мене хто товкнувъ: а вчера поныдилокъ, а ты молока наплась! наплась, поганка, душу заскверныла та й байдуже?! Тожъ мини грихъ, указаніе, шо я не достойна у храмъ пты (сл. Тарасовка, сообщ. уч-ца В. Свѣтъ).

— Понедѣльникъ считается тяжелымъ (важкымъ) днемъ, по этому въ понедѣльникъ не начинаютъ никакого большого дѣла.

— Не слѣдуетъ выѣзжать въ дальнюю дорогу—случится несчастье.

— Но годытця надиваты билон (чистой) сорочки, або штанивъ, а то не мынешъ напраслыны.

— Не спуй холста—грѣхъ: Богъ въ этотъ день основалъ мѣръ.

— Не заваривай квасу—въ семьѣ будетъ утопленникъ.

— Не дѣлай щелоку для бѣлья, или, въ случаѣ необходимости, сдѣлавши, выпей его три ложки, иначе на томъ свѣтѣ будутъ заставлятъ пить его изъ тѣхъ яичныхъ скорлупокъ, что выбрасываются, а не сожигаются, какъ слѣдовало бы дѣлать и какъ дѣйствительно дѣлають знающія хозяйки.

— Если замужня жепщина будеть мыть себѣ голову 12 сряду понедѣльниковъ, не пропуская ни одного, то у нея умреть мужъ (Н. Н).

— Родившійся въ почъ подь понедѣльникъ будеть вѣдунъ, знахарь; для этого по понедѣльникамъ мать не должна давать ребенку груди, а когда подростеть, долженъ по понедѣльникамъ постить.

— Не слѣдуеть солить въ этотъ день мясного въ прокъ: будеть не вкусно и скоро испортится (сл. Покровскъ).

— Нельзя ніякого дила пачынатъ робыты (продолжать уже начатое можно): важный день. Кто пачне яке небудь дило въ поныдилокъ, то вже не зробе его, якъ слидь. А ще потому въ понедилокъ ничего нельзя начипаты, шо перве (?) прешествіе па тимъ свити буде въ поныдилокъ (сл. Ар).

3. Вивторокъ (вторникъ).

Вивторокъ (вторникъ) считается днемъ легкимъ, благопріятнымъ для начала работъ. Однако, приступая къ какому-нибудь важному дѣлу, напр., къ постройкѣ хаты, избирають преимущественно тѣ изъ вторниковъ, когда церковь воспоминаеть преподобныхъ, а не мучениковъ, такъ какъ начинать дѣло въ день, посвященный памяти мученика, вообще не слѣдуеть: будешь только мучиться съ нпмъ, а толку никакого не будеть.

4. Середа.

Середа—постъ. Ъсть въ этотъ день скоромное считается, по мнѣнію старухъ, пезамолимимъ грѣхомъ. Такъ могутъ дѣлать только «бурсурмане, мухамеды, турки, пехристы, жида». Даже и большой не долженъ въ середу, равно какъ и въ пятницу, ѣсть скоромнаго, чтобы такой пищей «не засквернить своей души», потому что и выздоровленіе послужить лишь «на погибель его души».

— Одна жинка ны почитала сырыды и ила скоровне тайкомъ, шобъ никто изъ семейныхъ про це ны знавъ и ны упрекавъ ии въ цѣму гриху. Одынь разъ вона сила исты жарыпу гуску, дило було у серыду. Ажъ ось у хату входе чоловикъ тии жинки, а вона мырщій заховала гуску пидъ горщокъ и сила на лави. Мужъ ии и пытае: «шо то таке у горшку паче ворущиця?» и указуе прямо на той горщокъ, де гуска. А жинка и каже: «ныма ничого!» Випъ подывывся у той горщокъ, а тамъ чырыпаха здорова-здорова сыдыть, и очи такъ и вытрищила. Воны тоди обое злякалысь тии чырыпахы та зъ хаты! Пырыгодя увійшли—ныма у горшку пи чырыпахы, ни гуски. Послеп цѣго случаю та жинка було покаялась, а дали оныять за свое: начали нарушаты серыду. Тоди Богъ наказавъ ии золотухою (х. М.).

Середа олицетворяется въ видѣ женщины и въ народныхъ разсказахъ не рѣдко смѣшивается съ святою пятницею. Она посѣщаетъ по почамъ хаты, принимаетъ близкое участіе въ жепскомъ хозяйствѣ, наказываетъ женщинъ лѣнливыхъ или работающихъ не въ урочное время, и помогаетъ чтущимъ ея день въ ихъ занятіяхъ по хозяйству.

— Въ середу дѣвушкамъ не слѣдуетъ мыть головы, заплетать косы, иначе волосы перестанутъ расти и коса будетъ плохая.

— Замужней женщинѣ тоже не годится мыть головы и расчесывать волосы,—преступившая это будетъ сильно страдать во время родовъ и до тѣхъ поръ не разрѣшится, пока святая Середа не переберетъ у нея по одному волоску всѣхъ волосъ на головѣ.

— Никому не слѣдуетъ мыть въ середу головы, иначе голова будетъ болѣть.

Подъ середу не годится бросаты на гребни мычку, а то Середа буде ии допрядаты и спихъ отбираты (сл. Араповка).

— Въ середу нельзя сновать пряжи—будешь ошибаться: перемоты будутъ, перепутается.

— Въ середу якъ пашешь билье шиты, то буде вошиве (сл. Шейковка).

5. Четверь (четвергъ).

Четверь (четвергъ)—день рабочій по преимуществу; запретъ простирается на немногія лишь работы, главнымъ образомъ на дѣланіе въ этотъ день «сиривцю» (хлѣбнаго квасу), да и то, приготовивъ его первый разъ въ чистый четвергъ, можно потомъ дѣлать его уже и круглый годъ во всѣ четверги, или же, при необходимости, сдѣлавши квасъ въ четвергъ, надо его три раза перекрестить и за тѣмъ попробовать, чтобы онъ былъ початый, такъ какъ въ непочатомъ квасу, сдѣланномъ въ четвергъ, а равно и въ понедѣльникъ, черти купаютъ своихъ дѣтей.

— Въ четверь ны годытця сиривцю вварюваты, въ тымъ сиривци буды нычиста сыла купатыця и страву соби зъ его варыты (сл. Преображенная).

— Негодытця въ четверь уварываты сиривцю, а якъ уже дуже треба, то, якъ уварышь, положи у него навхрестъ четыре уголька. Такъ, бачъ, годытця, такъ мои стари робыли и мене учили (сл. Н.-Н.).

Говорятъ, что въ четверговомъ квасу купается всякая нечисть вообще: водяные, русалки, утопленники.

— «Була въ одній слободи одна така бабка (повптуха), шо ии вси кыкалы бабуваты, а друга така, шо ии пошты ништо не кыкавъ.

Отъ одинъ разъ ня друга баба розсердылась, шо ии нихто не клыче, та й каже: «хоть бы мене якый чертъ поклыкавъ бабуваты». Въ тужь ничъ прыхало шось тройкою кпнымы за тыю бабою, клыче ии бабулаты. Вона рада, мерци зибралась и поихала. Прывезлы ии въ дворъ; дывытся вона, а въ двори не хата, а горпыця. Вона ще дужче зрадила: дума, шо ии до пана прывезлы бабуваты. Ввели ии въ горныцю до породили, и давай вона тамъ бабуваты. Отъ тилко родылась дытына, а хазяинъ и каже работникамъ: «пидить и заберить сиривецъ у тыхъ жиннокъ, шо въ четверъ уварювалы: треба въ ёму выкупаты породилю и дытыну; а тоди внять однести его туды, де бралы». А баба и дума: для чого отъ вняъ вельты оце робыты? Отъ стали хрыстыны справляты. Дывытся баба—чудни хрыстыпы: и кумивъ не клыкалы, и дытыны до попа не посылалы, не посылалы хрыстыты, а тилко зибралы гостей, посажаны за стиль и подають имъ исты жабъ жареныхъ. Догодалась тоди баба, що це ий прыйшлось бабуваты у водяного, и такъ вона злягалась, шо насылу жива диждалась, поке ии одвезли до дому, та съ тыхъ поръ николы не ходыла бабуваты». (сл. Араповка. М. Скубакъ).

— Отъ Пасхи до Вознесенія по четвергамъ не зольты (не бучать) бѣлья, «щобъ зона хлиба не пападала.

— Въ четвергъ не слѣдуетъ сѣять и насаживать бакчи, а не то народится множество червей и подѣдятъ всѣ всходы.

— Въ четверъ неззя зольты,—коровьяче масло неудачне будетъ. (сл. Шайковка).

6. Пятныця (пятница).

Пятныця (пятница) день постный, олицетворяется въ видѣ дѣвушки; пользуется среди крестьянокъ большимъ уваженіемъ, хотя образъ ея въ народномъ представленіи смѣшивается съ образомъ Доли. Почитаніе пятныцы, кромѣ церковнаго культа, поддерживается обращающимися въ народѣ печатными и рукописными сказаніями о 12-ти пятныцахъ. Сказанія эти нерѣдко присоединяются къ извѣстнымъ анокрифамъ: «Сопѣ Богородицы», «Хожденіе Богородицы по мукамъ», «Эпистолия о недѣлѣ», «Іерусалимскій свитокъ», встрѣчающимся въ домахъ мѣщанъ и у грамотныхъ крестьянъ.

— Кто не поститъ въ пятницу, къ тому въ этотъ день ночью приходитъ подъ окно свята Пятыцка и голосе стоя пидъ викномъ, или станеть у изголовья, горько плачетъ и проситъ Матерь Божию помиловать этого грѣшника или грѣшницу. Если послѣ двухъ явленій св. Параскевы не послѣдовало покаянія и исправленія, то третье появленіе

святой дѣвы смертельно: тотъ, кому она явится въ третій разъ, скоро умретъ (сл. Т.).

— Бувъ такіи чоловікъ, шо ны почитавъ ны сырыды, ни пятницы: живъ вишь у панивъ у роботныхахъ. Разъ паць пославъ его въ поле обляхаты степь и на стоги подывыця. Винъ, якъ прихавъ до стогивъ, заразъ выпявъ хлѣбъ и сало, та й начавъ йсты пилъ однимъ стогомъ. Дило було у пятницю. Тялко випъ узявъ у руки сало, гадюка изъ стога заразъ ему прямо на руки и укусила его — ны успивъ и сала зыисты: руки попухлы и випъ ускорахъ умеръ. Людей, живущихъ на стыпи и ны почитающихъ постивъ, Богъ наказуе укушеніемъ гадюки, а не то нападе пропасныця (лихорадка).

— Бувъ въ одному монастыри такіи мапахъ, шо ны почитавъ ни сырыды, ни пятницы. Разъ вишь у пятницю пвъ курячи яйца, а архимандрить случайно зайшовъ до его у келію. Випъ толи ти яйца, шо пвъ, заховавъ у рукавъ. Архимандрить тоди и каже ёму: «повыкидай гадюки зъ рукава, шо заховавъ!» Той мапахъ хотивъ яйца повытрусюваты, колы вытрусывъ, а воно гадюки посыпалысь, та такъ и пыщать! Тоди архимандрить прыстыдивъ мапаху, шо випъ ны сполнявъ манашескій долгъ и цымъ прогнывавъ Бога. Напала того мапаху пропасныця и довго мучила ёго (х. М.).

— Полаявся одынъ сапожникъ съ сыномъ и сивъ чоботы шиты, а дило було у святу Пятницю. Отъ вишь, якъ ставъ шиты, та усе шиломъ себе нычаянно и шпыгивъ у щеку, и шпыгивъ. И покы шпыгавъ, покыи попавъ соби шиломъ у воко и выколовъ ёго. После цего случаю вишь ставъ слпый на одно око, и ставъ всимъ людямъ заказуваты, шобъ штылы святу пятницю (х. М.).

— Въ пятницю прясты грѣхъ. Особенно большой грѣхъ прясть на прялкѣ, которую выдумаль нечистый. Прясть на прялкѣ это все равно что въ этотъ день тащовать, то есть оскорблять святу дѣву Пятницу.

— Ныгодыця въ пятницю прясты. Кто въ пятницю пряде, той веретенамы тыка и гребанкамы дыре св. дивоньку-Пятинку. Святая Парасковія-пятинка постоянно Бога молю о насъ гришныцахъ. Вона довго терпыть, а якъ бачы, шо хто и ны дума каяця, того и наказуе. Стари люды розказують, шо було десь такъ: Жило соби дви ятровкы, одна же штыла пятницю, а друга ни. Отъ разъ въ пятницю у вечери перва тамъ по хазяйству справлялась, а друга сыдыть та мычки мычи. Перва уже й справлялась и лягла, а та знай, мычи; мыкала до пвночи, а дали и соби лягла спаты. Це въ саму глупу ничъ чие перва, шо шось

«скрипнуло двырьмы; дывыця, ввійшла якась дивка зъ роспущеннымъ волосьямъ и вся зтыкана и зодрана. «Дывысь!» каже Пятынка, — бо це вопа була, — дывысь, якъ твоя ятровка мыпе зтыкала та зидрала! Я вже тырпила, тырпила, тай мочи ны стало, а оце прыйшла йи покараты, тилко ты ны кажи йй, щобъ я ны робыла, а то и тоби те буде!» А дали пидойшла до спящой, зризала у неи черыпъ, зибрала кострыню, цо мыкалыця патрусыла зъ прядыва, и насыпала йй въ голову, а потимъ того черыпомъ накрыла та йи и изцилыла. Просыпаиця та пряха «ранци, а въ неи голова такъ болыть, цо йи на свить ныззя дывыця. Болыть голова въ неи годъ, болыть другый; вже вопа цо — ны — цо: и всихъ бабокъ обходыла, —ничого ны помогаиця. Змылосердылась надъ нею св. Пятынка, прыйшла опячь въ одну ничь до ятровки та йи каже: «Посовитай, начы видь себы, свойй прясн штеты Пятынку, то голова ип пырыстаны булыты. Огъ уранци та опячь на голову жалиця, а ятровка йй и посовитувала обрыктысь ны прясты въ пятныцю. Та нослухала. Проходы мясяць, голова ип ны такъ булыть, проходы другый, це лехчы стало, а дали йи совсимъ голова пырыстала булыты (сл. Пря.).

— Треба противъ сырыды и пятныци пыредилки допрядаты, а то Доля буды плакаиця, цо йй ны дають и въ почи спочиты (тамъ-же).

— Золыты полотно, або сорочки въ пятныцю — гряхъ. Одпа жинка золыла въ пятныцю. Прыходять до неи Богъ та святой Петръ тай гажуть: «сегодня гряхъ золыты: сегодня пятныця! и за тэ, цо ты се фобышь, выбырай соби яке хочь наказаніе съ трехъ: або дви жмени горячой золы зъижъ, або дви ложки горячого щолоку выпый, або двоухъ блызнятъ выгудый». Вопа йи согласылась блызнятъ годуваты; а йй дви гадюки и выпялось въ груды. Такъ вопа йи ходыла по всій слободи, шобъ уси люды дывылысь на пей та каялысь и ны золылы въ пятныцю (сл. А.).

— Въ пятныцу не должно спускаты щелоку, а то на томъ свѣтѣ будутъ печь балабухъ изъ той золы, цо служила для щелока, и корыть имъ тѣхъ, цо это дѣлаеть (сл. Н. П.) или, «бо на тимъ свѣти того будутъ лугомъ (щелокомъ) поиты, а шобъ цѣго наказанія не тырпыты, такъ треба, якъ золыты, три ложки лугу выпыты». (г. К.).

— Въ пятныцу грѣхъ пряхъ, мазать и бучить бѣлье въ щелокъ, мыть же въ одной водѣ можно, не грѣшно.

— Беременная женщина не должна въ пятныцу бучить бѣлья, а также расчесывать на головѣ волосъ, а не то во время родовъ будетъ сильно страдать, такъ какъ «св. пятыпочка — матиочка» не придетъ къ ней на помощь (г. К.).

— Дѣвушка не слѣдуетъ въ пятницу пѣть, иначе она не найдетъ себѣ хорошаго жениха (сл. К-я).

— Въ пятницу не должно заваривать квасу, а то въ семьѣ будетъ утопленникъ (г. К.).

— Въ пятницу орать плугомъ—грѣхъ, сохой же можно. Старики передають, что въ концѣ тридцатыхъ годовъ въ Купянской волости запрещали орать по пятницамъ, потому что признавали предыдущіе неурожайные годы наказаніемъ за работы въ поляхъ въ пятницу. Говорять, что передъ тѣмъ въ окрестностяхъ г. Купянска (гдѣ именно—не знаютъ) образовалась въ землѣ глубокая трещина, щель, куда нарочно спускали на веревкѣ человѣка. Тамъ онъ нашелъ келіику, а въ ней горящую передъ иконой лампадку и стоящую на колѣняхъ, молящуюся дѣвушку. Дѣвушка худая, блѣдная, вся въ ранахъ: истыканная, изрѣзанная, изрубленная—была никто иная какъ святая Пятница. Она молилась Богу и просила Его не карать людей голодомъ за непочитаніе ея дня.

Многія изъ старухъ чтутъ въ году 12-й пятницу. Въ эти дни онѣ соблюдаютъ самый строгій постъ и ничего не ѣдятъ до захожденія солнца. Вотъ эти сказанія о двѣнадцати пятницахъ:

Первая пятница на первой недѣлѣ Великаго поста. Кто въ эту пятницу постить, тотъ напрасною смертию не умретъ (сл. Дв-я).

— Тотъ человѣкъ отъ грѣхопаденія сохраненъ будетъ (г. К.).

2-ая—передъ Благовѣщеніемъ. Кто въ эту пятницу постить, тотъ отъ напраснаго убійства сохраненъ будетъ (сл. Дв-я).

— Отъ внезапной смерти... (г. К.).

3-я—на страстной недѣлѣ—отъ непріятеля сохраненъ будетъ (сл. Дв-я).

4-я—передъ Вознесеніемъ Господнимъ—отъ потопленія на водахъ с. б. (сл. Дв-я п. г. К.).

5-я—передъ Сошествіемъ Святаго Духа.—Отъ страха и меча с. б. (сл. Дв-я)—отъ остраго меча с. б. (г. К.).

6-ая—предъ рождествомъ Иоанна Предтечи.—Отъ великаго недостатка и скудности с. б. (сл. Дв-я).—передъ днемъ пророка Іліи.—Отъ великой муки сохраненъ будетъ (г. К.).

7-ая—предъ днемъ пророка Іліи.—Отъ грома и молніи с. б. (сл. Дв-я).

— предъ Успеніемъ Пресвятыя Богородицы.—Отъ великаго смущенія и отъ трясовицы с. б. (г. К.).

8-ая—предъ Успеніемъ Пресвятыя Богородицы.—Отъ искушенія, трясовицы и огневицы с. б. (сл. Дв-я).

— предъ Кузьмою и Демьяномъ.—Отъ великаго грѣха (г. К.).

9-ая—предъ днемъ Космы и Даміана.—Отъ великаго смертнаго грѣха с. б. (сл. Дв-я).

— Предъ архангеломъ Михаиломъ. Имя того челоѣка будетъ написано на престолѣ (г. К.).

10-я—предъ двѣмъ Архистратига Михаила.—Имя будетъ написано на престолѣ у Пресвятыя Богородицы (сл. Дв-я).

11-я—предъ Рождествомъ Христовымъ—тотъ передъ смертію узритъ Богородицу (сл. Дв-я и г. К.).

12-я—предъ Крещеніемъ Господнимъ.—Имя того челоѣка будетъ записано у самого Господа Иисуса Христа (сл. Дв-я)—на престолѣ въ концѣ имешъ ангеловъ (г. К.).

— Въ пятницу дивчатамъ слиде чесаться и мыть голову, щобъ чоловикъ гарный бувъ, а замужнымъ женщинамъ—не годытся: склыжо волосся вылиже, стылко муки перенесе, якъ буде рожаты. Въ пятницуя прясты гряхъ,—шыты можно (сл. Ар.).

— Въ пятницуя якъ не успиешъ покрааты, то въ субботу неслидъ начинаты, такъ якъ послидній день, послидня работа: «суббота не работа»; а коли начнешъ, такъ и кончы, бо якъ не кончышь, то умрешъ (сл. Шейковка).

7. Суббота.

Суббота—не работа: помый, помажь тай спаты ляжь. Такъ говоритъ пословица, но въ дѣйствительности суббота для крестьянки одинъ изъ наиболѣе тяжелыхъ рабочихъ дней недѣли. Сверхъ обычныхъ ежедневныхъ работъ, каждая хорошая ховаяка—малороссіянка въ субботу обязательно смоеетъ начисто столъ и всѣ въ хатѣ лавки, смажетъ доливку (земляной полъ хаты) и припечекъ,—впрочемъ въ горячее рабочее время ограничивается однимъ припеткомъ и небольшимъ пространствомъ около печи,—согрѣетъ воды (окрипу) или щелоку (лугу) помыть мужу и дѣтямъ голову и приготовить всей семьѣ чистое бѣлье. Малороссы падѣвають чистое бѣлье въ субботу на ночь и вообще накануне праздника; они вѣрятъ, что не соблюденіе мужемъ и женою чистоты накануне праздниковъ или постовыхъ дней влечетъ за собою рожденіе дѣтей съ разными физическими недостатками, болѣзненныхъ, уродливыхъ, недолговѣчныхъ. Изъ уваженія къ воскресному дню большинство родителей не позволяетъ своимъ взрослымъ дѣтямъ ходитъ по субботамъ на вечерниці.

— Въ субботу не слѣдуетъ начинать новаго дѣла, потому что и свѣтъ (твореніе) въ субботу кончился.

— Не слѣдуетъ бучить холста—случится пожаръ.

Говоря о почитаніи народомъ воскреснаго дня, среды и пятницы, пользя обойти молчаіемъ такъ называемаго «свитка или списка іерусалимскаго», такъ какъ онъ довольно распространенъ среди грамотныхъ крестьянъ и пользуется во мнѣніи народа извѣстнымъ значеніемъ.

Въ сказаніи, обращающемся въ г. Купянскѣ, находимъ слѣдующее: «Списокъ Іерусалимскій. Бысть во святомъ градѣ Іерусалимѣ явленіе великое и предивное чудо: во святой Божіей церкви гласъ глаголюще невидимый къ людямъ и спаде съ небеси камень малъ и студецъ во второмъ часу дня. Патріархъ же Іерусалимскій, узнавши сіе чудо, собралъ весь церковный причетъ и служили обѣдни и молебни три дня и три ночи; на четвертый день развалился тотъ камень на двое и обрѣте въ немъ списокъ сей написанъ золотыми литерами, а въ немъ пишеть самъ Господь Іисусъ Христось:

Послушайте, людіе мои, пишу къ вамъ двѣнадцатое посланіе: небо и земля мимо идутъ, а слово мое Божіе мимо не проходитъ, а прійдетъ на второмъ суду Божіемъ. И знайте вы, окаянные человѣци, многіе года и времена ваши проходятъ, послѣдніе дни приближаются; страшный судъ готовится и дѣла ваши темныя обвиняются. Рече Господь Іисусъ Христось: «тогда Азь самъ прійду судить живыхъ и мертвыхъ и воздамъ каждому по дѣлахъ ихъ». Безумные человѣци, сотворите любовь и правду между собою и другъ друга любите, воскресенье Христова и праздники Господни, а также среду и пятницу почитайте, ибо въ пятницу сотворилъ Господь перваго человѣка на земли и въ эту же пятницу меня жидове на крестъ распяша, руци и позѣ ко кресту пригвоздиша и терновъ вѣнецъ на главу мою святую возложиша, лице мое святое заплеваша, желчию мя напоиша и ребро мое копьемъ прободоша—за неправду вашу и за беззаконія ваши, но Азь въ третій день воскресъ изъ мертвыхъ и всѣхъ умершихъ воскресилъ и Адъ разрушилъ. А потому должень всякій человѣкъ почитать Воскресенье Христова и праздники Мои Господни, а который человѣкъ по воскресеньямъ и праздникамъ работаетъ и тотъ собираетъ на главу свою огонь вѣчный и труда его напрасно пропадаютъ. Я вамъ далъ законъ Божій и заповѣди, Евангеліе, святое крещеніе, а вы, безумные человѣци, Моего закона не исполняете и Моего повелѣнія не слушаете. Азь повелѣлъ вамъ въ воскресенье и въ праздники въ церковь Божію ходить, имя Мое Господне прославляйте и о грѣхахъ своихъ молитесь, что въ шесть дней согрѣшили, кайтесь Богу; другъ друга любите, матерными словами не ругайтесь, спротама и вдовамъ милостыню подавайте съ любовью, за то и сами помилованы будете на томъ суду, ибо они за васъ день и ночь Богу молятся до смерти.

А вы, безумные челове́дци, хуже какъ певѣрные языцы, которые и Бога не знаютъ, молятся по своему закону, а ницямъ милостыню творять. Я вамъ далъ законъ Божій, а вы дѣлаете на землѣ неправду. Терпѣливъ и многомилостивъ, не до конца прогнѣваюся на васъ окаянныхъ, но еще ожидаю покаянiя отъ злыхъ дѣлъ вашихъ. Ежелибъ не молилася за васъ мать моя, Пресвятая Богородица, давно бы горькою смертію померли; да еще за васъ, окаянныхъ, молотся Ангелы—хранители. Но еще упоминаю вамъ, ежели не будете почитать праздниковъ и постовъ, напущу на васъ певѣрныхъ языцъ, которые и прольютъ кровь вашу за беззаконiя ваши; когда не покаетесь, то напущу на васъ великій голодъ, громъ, молнію, дабы вы узнали гнѣвъ мой и просили бы о грѣхахъ своихъ прощенiя. Еще вамъ упоминаю, въ воскресенья и праздники въ церковь Божию ходите и о грѣхахъ своихъ кайтесь Богу, ежели вы сего не послушаете, то напущу на васъ птицъ, у нихъ носы желѣзные, пойдятъ вашъ родъ. Еще завѣщаю вамъ, дабы въ субботу послѣ вечерни не работали Пречистыя ради Богородицы, ежели бы не молилася объ васъ Богу, такъ давно бы горькою смертію померли, потому долженъ всякій человекъ, старый и малый, ходить въ церковь Божию и просить о грѣхахъ своихъ прощенiя. А вы, людiе мои, клянетися небомъ и землею, не клянетися, довольно того, что сотворилъ васъ по образу и по подобію Божию, а вы слова моего не слушаете. Я же вамъ далъ заповѣди: другъ друга любите, отца и мать почитайте, матерними словами не бранитесь. Ежели по закону будете исполнять получите отпущеніе грѣховъ и подамъ вамъ царство небесное.

Еще упоминаю вамъ, дабы вы вѣрили сему писанію. Если который человекъ будетъ вѣровать и оный листъ при себѣ носить, въ чистотѣ содержать или списывать и въ разни дома раздавать и прочитывать людемъ, хотя бы на немъ было грѣховъ, какъ на небѣ звѣздъ или какъ въ морѣ песку, то отпустятся ему всѣ грѣхи и наслѣдуетъ царство небесное. И Богу нашему слава и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь».

Въ заключеніе помѣщаемъ двѣ небольшихъ пѣсни о дняхъ недѣли, первая записана въ слободѣ Араповкѣ, вторая въ г. Купянскѣ.

Понедилокъ—важный день;	Въ четвергъ молотыла;
Весь день пролежала,	А въ пятницу вiяла,
А въ вивторокъ спонивъ сорокъ	А въ субботу миряла;
Пшеницы нажала;	А въ неділю продала
А въ середу возыла,	И грошыкы пропыла.

Выпьемъ, куме, ще й съ попидалка.
Ой зложимось, куме, кошѣкъ по сорокъ,—
Выпьемъ, куме, ще й у вивторокъ (2-жды).
Поженемъ, куме, корови въ череду,—
Выпьемъ, куме, ще й у середу (2-жды).
Пылы вчора, пьемъ же и теперъ,—
Выпьемъ, куме, ще й у четверъ (2-жды).
Продано, куме, рабу тылицю,—
Выпьемъ, куме, ще й у пятницю (2-жды).
Покончаемъ, куме, свою роботу,—
Выпьемъ, куме, ще й у субботу (2-жды).
Ой сложимо, куме, мы свое дило,—
Выпьемъ, куме, ще й у пидило (2-жды).

(Отъ крестьянки Евгеніи Гарьковой).

Годовой кругъ.

Годовой кругъ народнаго дневника мы начинаемъ съ цикла Рождественскихъ праздниковъ, включая въ этотъ послѣдній и подготовительное къ праздникамъ время со дня св. Спиридона, когда, по народнои поговоркѣ, солнце поварачиваетъ на лѣто, а зима—на морозъ. Начинаясь этого дня зажиточные крестьяне рѣжутъ къ празднику птицу, преимущественно гусей, и колятъ кабановъ; на базарахъ появляются свѣжая свилица и домашняго приготоленія колбасы.

1. Декабрь 12-е.

Св. Спиридона. На Свырыдона пыззя ничого роботы, найначе сверломъ (буравомъ) свырлнты, а то будутъ папатыныстрыки, черяки и проча нечеть (сл. Пя).

Нарѣзываютъ на этотъ день вишневыхъ вѣточекъ и ставятъ ихъ въ горшкѣ съ землею на покути и каждый день поливаютъ; другіе ставятъ вѣточки въ воду, безъ земли. Если они зацвѣтутъ на Рождество, то въ слѣдующемъ году будетъ урожай на садовые плоды.

О св. Спиридонѣ рассказываютъ слѣдующую легенду:

— «Бувъ такой чоловикъ, шо ны боявся видѣмъ, звали ёго св. Свырыдонъ, саме той, шо буває кажного году 12-го Декабря. Св. Свырыдонъ бувъ дуже гарный хлопецъ, дивки такъ и бигалы за нимъ. До ёго ластылась одна дивка: вона до ёго и сякъ и такъ, а винъ ниякъ. Отъ разъ винъ и поспоривъ зъ тѣю дивкою, а вона була видьма, и сказала ему; «я жъ тыбе цю ничь задавлю!» Ото настала ничь, и прыйшла та видьма душиты св. Свырыдона, а винъ ще ны спавъ и почувъ ии, шо вона крадыця до ёго душиты,—кишкой явилась. Тико вона вскочила на ёго грудь, а винъ заразы ухватывъ ии за горло, та объ стину, та объ стину! Убывъ та й голову одривавъ. На утро люды взяли тило тѣи видьмы и предали змми. Узпалы про це видьмы и задумалы розирваты св. Свырыдона. Наступыла друга ничь, св. Свырыдонъ пшовъ на

могылу тіп дивки—видми и злизъ на хрестъ, и сивъ на пѣмъ, шобъ вона ны встала изъ гроба. Ото други видмы собралысь, шобъ розирваты св. Свырыдона, та шо пидуть до ёго у домъ, его нима дома: сыдыть на хрести; а видмы на хрести ны можуть узаты человека, ны можуть и побачыты ёго тамъ. Ото жъ вони, шо пидуть по слидахъ св. Свырыдона до могылы тіп видмы, ходять кругомъ, ходять, а ны бачуть его на хрести, шо винъ на хрести сыдыть. Отъ зійплись уси видмы на грибъ и началы тужиты по своей подрузи, а убыта видма зъ гроба й прорекла: «мыли мои подруги! Свырыдонъ, котораго вы шукаете, сыдыть на моему хрести, потому я й ны могу устаты изъ гроба». Видмы гляпулы тоди на хрестъ и побачили тамъ св. Свырыдона, тай началы совѣщаца, якъ ёго узаты до рукъ и розирваты. Наконецъ, одна видма сказала: «отъ шо давайте зробымъ: полыtimo заразъ уси ажъ у Кіевъ до кіевской старон видмы, та памъ скаже, якъ ёго можно узаты.» Ото вони полытили. Чырызъ часть опять прылытлы и кіевска видма прылытила зъ нумы, подывылась на св. Свырыдона та й каже видмамъ: «шукайте по смитяхъ ныдогаркивъ изъ свичокъ дванадцять штукъ: тымы ныдогарками мы пидпалымъ хрестъ, хрестъ упаде на землю и Свырыдонъ зъ нымъ, тоди уже наша воля буде падъ нымъ». Ти видмы и началы шукаты ныдогаркивъ по смитяхъ и найшлы дванадцять штукъ и засвѣтылы ихъ, а тоди и давай палаты тымы свичками хрестъ, на якому сыдивъ св. Свырыдонъ. Ото вони палать, та й палать хрестъ, такъ шо й скоро упаде на землю, а св. Свырыдонъ дывыця, шо быда та й каже: «Господы, укороты ночи хотъ тришки, шобъ хрестъ не пырыгоривъ до свѣта, а то якъ пырыгорыть, то мини смерть!» Тико винъ це проказавъ, а пивни—кукуруику! Видмы и розлытылысь, а св. Свырыдонъ остався живой. Ото Богъ укоротывъ ночи для св. Свырыдона, оттого и тыперъ отъ Свырыдона ничъ корочя стала» (х. М.).

— По 12-ти днямъ передъ Рождествомъ заключаютъ о погодѣ 12-ти мѣсяцевъ будущаго года, считая, какая погода въ каждый изъ этихъ дней, пачиная съ 13 декабря, такая погода будетъ и въ каждый изъ соотвѣтствующихъ этимъ днямъ мѣсяцъ слѣдующаго года, причемъ 13 декабря соотвѣтствуетъ январю, 14 — февралю и т. д.

2. Декабрь 24-е.

Рождественскій сочельникъ называется «Святвечеръ» «Богатый святвечеръ», «богата кутя», а въ слободѣ Покровскѣ — «коляда». Въ этотъ день соблюдаютъ строгій постъ: ничего не ѣдятъ до «звѣзды»; дѣвушки,

въ частности, должны постить, чтобы имъ нашлись хорошіе жепихи. Въ этотъ день у всѣхъ крестьянъ обязательно варятъ кутью,—ячнныя или пшеничныя крупы, облитыя медовою ситою,—и узварь,—сушенныя плоды: яблоки, груши, вышни, теренъ, сливы. Когда вынимають изъ печи кутью, то замѣчаютъ: если она подпаялась высоко, выдается изъ горшка—это къ благополучію; а если осѣла, то есть не полопъ горшокъ,—къ несчастію. Кутья и узварь ставятся на покути непремѣнно на ворованномъ сѣнѣ и не голыми руками, а въ рукавицахъ, причемъ, неся горшокъ съ кутьею, говоритъ: «квокъ, кутя, на покутя!» чтобы лучше цыплята выводились. Сѣно же изъ-подъ куты отдаютъ потомъ овцамъ и телятамъ, чтобы лучше росли; купаютъ въ немъ дѣтей, чтобы не нападала на нихъ чесотка; кладутъ въ гнѣзда птицъ, чтобы хорошо плодились, и, наконецъ, набиваютъ этимъ сѣномъ подушки умершимъ.

Горшки съ кутьею и узваромъ прикрываютъ не крышкой, а хлѣбомъ или кнышемъ, и, по окончаніи святокъ, этотъ хлѣбъ рѣжутъ на куски и даютъ рабочему скоту и коровамъ.

Всѣ одѣваются по праздничному и, съ появленіемъ звѣзды, затепливъ лампаду или зажегши передъ иконами свѣчу, распускають ладанъ и, прочитавъ обычныя молитвы, усаживаются за столъ вечеряты. Сперва ѣдятъ пироги съ капустой, картофелемъ, горохомъ, фасолью, потомъ капусту—(родъ борща изъ мелкопосѣченной кислой капусты и пшена—любимое кушанье крестьянъ), горохъ, чечевичу и заканчиваютъ ужинъ узваромъ и кутьей.

— Во время вечера, якъ хто ачхикнетъ, то батько неприминно тому даруи яку-небудь скотыну, потому випъ счастливый. Диты до хрестныхъ батькивъ, материвъ и родычивъ носятъ вечерю. Якъ принесуть, то кажутъ: прыславъ батько и мате, паты вамъ вечерю.—Спасыби, одвичае хазяинъ, дарыть дитей прыныкамы, лентамы и гришмы (сл. Н. Е.).

— На первый святвечеръ треба въ новый чобить (сапогъ) встлаты вустилку зъ сина або зъ соломы, надить его на праву ногу и носыты до Нового Году. На Новый Годъ перевернуты іи на другій бикъ, а ппсли водосвятія выпаты и берегты, бо вона згідлива: нею подкурують корову, якъ захвора (сл. А.). «Вустилку», которую вкладываютъ въ сапогъ накануне Рождества, вынимають на Меланки. Ею подкурувають скоть отъ «зглазу» и вымя у коровы, когда оно затвердѣетъ; подкурувають также и людей отъ лихорадки и кладутъ ее въ гнѣзда, «щобъ птыця лучше сидила» (сл. Пря).

— Если на святвечеръ идетъ снѣгъ,—жди хорошаго урожая яблокъ; они будутъ падать съ деревьевъ такъ же часто, какъ снѣжинки.

— Если на «коляду» идетъ снѣгъ, будетъ хорошій урожай орѣховъ (сл. Пѣ).

3. Декабрь 25-е.

Ряздво (Рождество Христово). Съ раняго утра нищѣ и дѣти ходятъ «славить Христа и вершовать». Входя въ комнату, ставоватся у порога и поютъ тропарь празднику или говорятъ вирши. Въ этотъ день почти всѣ члены крестьянской семьи бывають въ церкви, одни—въ заутренн, другіе—въ обѣднѣ. Пришедши отъ обѣдни, тотчасъ садятся обѣдать. Ъдятъ сначала постные пироги и постную капусту, затѣмъ сало, колбасы, пироги скоромные и капусту, наконецъ локшину (лапшу) съ мясомъ, кутью и узварь. А вотъ, для сравненія, описаніе Рождественскаго обѣда у великоросса въ сл. Ново-Николаевкѣ со словъ хозяйки.

Сегодня мы встали поздно: уже звонили къ заутренѣ. Отецъ, я и два старшихъ моихъ сына пошли въ церковь, а меньшій остался доглядѣть скотинку; жена и мать также остались дома готовить обѣдъ. Пришедши изъ церкви послѣ обѣдни, я развелъ въ черепку огонь, бросилъ туда ладану и затеплил свѣчу передъ образами. Потомъ всѣ стали и помолились Богу да и сѣли за столъ. У каждаго изъ насъ свое определенное мѣсто за столомъ. Старикъ—отецъ сѣлъ на первомъ мѣстѣ подъ образами у дворового окна, съ лѣваго боку отца сѣла мать, съ правого—я, потомъ мой старшій сынъ и младшій, а жена и средній сынъ сѣли по другую сторону стола, противъ насъ на скамейкѣ. Когда мы усѣлись, отецъ мой и говоритъ: «а ну, Наталья (на мою это жену) давай-ка тотъ пирогъ, што на всю лопату!» Мы всѣ усмѣхнулись. Жена подала на деревянной тарелкѣ большой пирогъ со вчерашнею кутьею, а сверху помазанъ масломъ. (Это у насъ такой ужъ обычай: начинать на Рождество обѣдъ пирогомъ съ кутьею, а для чего?—не знаю. Дѣды и прадѣды держались этого и мы не бросаемъ). Отецъ взялъ ножъ, порѣзалъ пирогъ на части, первый взялъ себѣ рожекъ пирога, перекрестился и сказалъ: «Господи, благослови!», откусилъ пирога да и прибавилъ: «святые мо-скали, хахлы крученые». Дѣти начали смѣяться, но я былъ серьезный: во время ѣды не люблю смѣяться. За отцомъ и мы всѣ взяли по куску пирога. Поѣвши пирога, жена встала, сняла со стола новую скатерть, а застлала старую и пошла къ печкѣ налить борщу. Отецъ нарѣзалъ хлѣба и положилъ передъ каждымъ изъ насъ по ломтю, а жена тѣмъ временемъ разложила ложки и поставила на середину стола большую миску борща. Борщъ былъ съ солонной и мы всѣ, начиная съ отца, стали ѣсть. Во время ѣды меньшій мой сынъ печально уронилъ на полъ

краюшку хлѣба; я посмотрѣлъ на него косо, а отецъ замѣтилъ и говорить: «это онъ упустилъ на кошачью долю, а то мы себѣ нарѣзали хлѣба, а про нее забыли». Послѣ борщу подала жена пироги съ сыромъ. Отецъ взялъ пирожокъ и говоритъ: «хахоль, а хахоль, не портъ пирога!» Мы не попали, къ чему это отецъ говоритъ. Тогда онъ началъ намъ рассказывать, какъ москаль угощалъ хахла пирогами. «Позвалъ москаль къ себѣ въ гости хахла и поставилъ на столъ миску пироговъ. Хахоль взялъ пирожекъ и хотѣлъ его ломать, а москаль кричитъ: «не портъ пирога!» Хахоль не понялъ и положилъ взятый пирогъ назадъ въ миску. Москаль проситъ: «кушай, пирожки хорошіе!» Хахоль опять за пирогъ и ну ломать, а москаль снова на него: «не портъ пирога!» Такъ повторяюсь нѣсколько разъ, пока москаль не сказалъ, наконецъ, хахлу: «не ломай пирога, ѣшь цѣлый». Тогда хахоль до пироговъ, а въ мискѣ чисто. «Взглянули и мы на свою миску да и разсмѣялись: и у насъ въ мискѣ было чисто. Послѣ пироговъ подали лапшу съ свишиной, скоро въ мискѣ ничего не оказалось; подали вторую, а затѣмъ и третью миску лапши. Отецъ и говоритъ: «наши ребята на борщъ губы сморщъ, а на лапшу губы распусти». Послѣ лапши у всѣхъ явилась жажда и всѣ начали пить воду, которую подавалъ меньшій сынъ. Потомъ подали на большой деревянной тарелкѣ солонину изъ борща и свинину изъ лапши; отецъ взялъ ножъ и порѣзалъ все мясо на кусочки, порѣзавши посолилъ и всѣ припились ѣсть уже безъ всякихъ разговоровъ. Встаетъ жена и говоритъ: «пу, не прогнѣвайтесь! больше ничего пить». Всѣ вышли изъ-за стола, помолились Богу и пошли отдыхать, а жена поприбирала все со стола, спjala старую скатерть, а на столѣ положила хлѣбъ, поставила солонку съ солью и накрыла опять новою скатертью.

— У малороссовъ во время обѣда на Рождество, а также и по другимъ большимъ праздникамъ, старики не совѣтуютъ пить воды за столомъ, чтобы не испытывать во время полевыхъ работъ сильной жажды.

— У каждаго члена семьи должна быть особая ложка съ какимъ-нибудь знакомъ: крестикомъ, кружкомъ, черточкой, двумя.. и каждый ѣсть своею ложкою. Кромѣ того, строго слѣдятъ, чтобы на столѣ не оказалось лишнихъ ложекъ, такъ какъ лишнія ложки во время обѣда на столѣ предвѣщаютъ какую-нибудь бѣду, неудачу, поэтому нѣкоторыя изъ старухъ бросаютъ такія ложки въ печь, называя ихъ «злыдни».

— Если на первый день праздника Рождества Христова идетъ снѣгъ, — будетъ изобильный урожай хлѣба (Шъ).

— Ипей на деревьяхъ въ теченіе трехъ первыхъ дней праздника къ большому урожаю хлѣба.

Риздво вылыкій праздникъ: треба его чыты.

Разъ одна жинка пидъ Риздво пачала мыкаты мычки, а дочка и каже: «шо ты, мамо, робышь?! Сёго дня святый вечеръ, а завтра Риздво: грихъ тоби за це буде!» А вона ий и каже: «Завтра—Риздво, писля-завтрего—Богородыця, а тоди ще шо выдумають, та чырызъ те и пыробыты ничего. На це якъ будымъ потураты, то мы будымъ голи ходыты!» Потимъ того вона упыеть принялась мыкаты. Мыкала усю пичь до самого свита; захватыла роботою и Риздво. Тодп ажъ вона бросыла роботу, полызла на пичь и заснула. А якъ прокинулася, було уже визно: пародъ у церквахъ стоить. Вона устала съ печи та дочери и каже: «Дочка! шо це хйба таке, шо у мене пырыдъ очима прядиво мырие, а свита мппи ны выдно?»—Ни, у тебе пырыдъ очима нима ничего, сказала дочка. Тоди та жинка и поняла, шо ин Богъ наказавъ за нарушеніе праздника слитотою: и днемъ и ночью ничего ны выдно, тико усе пырыдъ очима и уздриваеця прядиво, яке вона мыкала у святый вечеръ. (х. М.)

4. Вирши на Рождество Христово.

Священныя событія, воспоминаемыя церковью на Рождественскихъ праздникахъ, составляютъ главнос содержаніе виршъ, произпосимыхъ крестьянскими мальчиками на первый день праздника. Съ самага раняго утра, тотчасъ по выходѣ изъ заутрени, начинаютъ обходить мальчики, по 1, по 2, по 3 и болѣе, все селеніе, заходятъ по порядку въ каждый зажиточный домъ, гдѣ и слѣшать сказать поскорѣе свою виршу, чтобы, получивъ за то кошѣйку, двѣ или пряникъ, ийти дальше, въ слѣдующій домъ, слѣшать потому, что первые вершовщики принимаются почти вездѣ, а опоздавшимъ не рѣдко отказываютъ, запирая передъ ними двери.

1.
Я, маленькій пахолокъ,
Родывся въ вивторокъ;
А въ середу рапо
Въ школу одано
Кныжки читаты.
Васъ съ Рождествомъ Христовымъ
поздравляты (Н. Н.).

Я, маленькій проходчикъ,
Родывся въ вивторчикъ;
А въ середу рапо
Мене въ школу одано;
А въ школи читають:
Ничого низнають;
А я знаю азъ та букк,—
Пожалуйте копінчку въ руки (сл.
Пря).

2.

Я, маленькій хлопчикъ,
Злизъ на стовпчикъ,
У дудочку граю,
Христа забавляю,*
А васъ съ праздникомъ Р. Х. по-
здоровляю (сл. Пря).

*Хрестъ похилился,
А я ему поклонился (г. К. сл.
Ново-Ник.).

3.

Христось народился, мѣръ про-
свѣтлѣлся.
Вы, люди, ликуйте, съ Нимъ тор-
жествуйте,
Христа хвалите, съ Нимъ вѣкъ
живите.
Я вамъ сіе возвѣщаю и съ праз-
дникомъ поздравляю (Ст.).

4.

Азъ малый птенець, Христовъ пи-
томець.
Во младыхъ моихъ лѣтахъ, въ зе-
леныхъ цвѣтахъ;
Мало что знаю, а яко что знаю,
все вамъ объявляю:
Христось народился, рай и адъ
отворился,
И аще кто хочетъ въ раю побы-
вать, Христа повѣдать,
Сребромъ-златомъ нескупитесь: со-
мною подѣлитесь.
А я вамъ здоровія желаю и съ
праздникомъ Р. Х. поздра-
вляю (г. К.)

5.

Я, маленькій мальчишка, прилеж-
ный ученишка,
(Я, маленькій сошокъ, у Бога ба-
рашекъ.
Азъ, маленькій вѣпочекъ, Рожде-
ства спѣвочекъ.)

Былъ я во градѣ Вифліемѣ,
Видѣлъ я чудо толкое, весьма
странно и великое:
Какъ ангелы на небеса возгре-
мѣли,
Слава въ вышнихъ Богу запѣли.
А я того гласа убоялся,
Упалъ на землю и не споднялся.
Едва успѣлъ отъ земли встать,
Пустился къ вашему дому бѣжать,
Чтобъ васъ съ симъ праздникомъ
поздравлять.

* * *

Бувъ я у гради Вифліеми, бачивъ
я выльки чюдеса:
Якъ янголи зъ небесъ лытили,
слава въ вышнихъ Богу пили.
А я того гласу излякався: къ сырїй
зымли прыклонявся.
Ни успивъ до васъ добыжаты, сіе
чудо розказаты.
А вы, господа, ны скупитесь: зла-
томъ-сребромъ подилитесь,
А я зато-сребро прймаю, Васъ
всихъ съ Р. Х. поздравляю.
Вамъ тишки, на погишки,
А минн, молодцу, на оришки (По
всему уѣзду).

6.

Велія радость, съ небеси сладость:
Христось родился, въ міръ явился.
Небо ликуетъ, весь міръ торже-
ствуетъ.

И вы ликуйте, и съ нами торже-
ствуйте (г. К.).

7.

Здравствуйте, добрые люди! радость
вамъ вѣчная буде:
Адскіе бѣсы трепещутъ, люди ру-
ками плещутъ,
Самъ сатана вопіеть: Богъ вамъ
побѣду даетъ.
Мы люди блаженны, Богомъ незаб-
вены.

Я вамъ царствія желаю, съ празд-
никомъ Р. Х. поздравляю (г. К.).

8.

Ясный мой цвѣточекъ, ясный, всему
міру Ты прекрасный,
Отъ Дѣвы рожденъ, въ ясли по-
ложенъ.

Пастухи узнали, царемъ Его назвали:
Ой Царю, Царю! мы Тебя просла-
вляемъ.

И всему міру блага желаемъ (г.
Старобѣльскъ).

9.

Въ Вифлеемскомъ повѣтъ родился
Богъ на свѣтъ,

О которомъ чудовна пророковали
пророци,

И триє цари видѣли звѣзду Его
на востоцѣ.

Охотно за звѣздою шли, жертву
Богу несли.

«Царю ты нашъ, прійми дары отъ
нашъ!»

Я вамъ це повидаю,

Васъ съ праздникомъ Р. Х. поздра-
вляю (сл. Ново-Ек.).

10.

Миръ вамъ благодатный, господа!
Имѣю честь поздравить васъ на
всегда.

Нынѣ прекрасная Дѣвица, небу и
земли царца,
Христа раждала, въ вертепѣ пола-
гала.

Пришли три цари, припесли три
дары.

Ахъ, какое чудо видали: съ неба
ангелы слетали,

На золотые кустики упали, Хри-
ста величали.

И мы будемъ Его величать,

А васъ всѣхъ съ праздникомъ Р. Х.
поздравлять (сл. Н-Ек.).

11.

Сей день звѣзда надъ Вифлеемомъ
сіяла

И, шедши, впереди, царямъ путь
являла.

Волхвы въ Вифлеемъ по Рождествѣ
явились,

Принесши честные дары, учтиво
поклонились (г. К.).

12.

Звѣзда идетъ чудно съ востока на
полудни,

Надъ вертепомъ сіяетъ, Христа-цари
являетъ.

Слава Ти, Рожденный, отъ всѣхъ
прославленный,
Прійми дары отъ человѣки на вѣч-
ныя вѣки (г. К.).

13.

Народился нашъ Спаситель, всему
міру Искупитель,
Пойте, воспойте, ликуйте, воспѣ-
вайте:
Отецъ будущаго вѣка пришелъ спа-
сти человѣка.
Вамъ всего лучшаго желаю
И съ праздникомъ Р. Х. поздрав-
ляю (г. К.).

14.

Воспойте, всѣ предѣлы свѣта,
Избѣгли злого мы павѣта,
Кой данъ чрезъ грѣхъ Адамовъ
намъ.
Уже во всѣхъ странахъ несется,
Въ церквахъ и храмахъ раздается:
Христово нынѣ Рождество.
Всѣ силы ангеловъ ликуютъ
И человѣки торжествуютъ... (сл.
Мѣл.).

15.

О вертепе убогій, веселися!
Днесь отъ Дѣвы Христось родился.
Прибѣжалъ къ Нему волъ и
осель,
А ты, хозяинъ будь весель!
Пастушки таки, какъ и я,
Принесли маленьке ягня.

Онъ отъ нихъ его принялъ,
А ихъ вѣчнымъ царствомъ даро-
валь... (сл. Мѣл.).

* *
*

Вертепе, веселися! намъ днесь От-
роча родися.
Марія Сына породила и во яслѣхъ
положила.
Звѣзда отъ востока грядеть и трѣхъ
царь за собою ведеть;
Пришедши надъ вертепомъ стала
И тамъ новорожденнаго Христа по-
казала (г. К.).

16.

Христось родився, увесь міръ воз-
веселывся
Писля Адамова греха.
Родився въ стани, а не въ доми,—
Отъ дыковинка яка!
Звѣзда ясиенька, гарна, кругленька,
Надъ Виолиемъ прикатылась,
Да и стала, де сама, знала,
Христа рожденнаго волхвамъ по-
казала.
Волъ и осель стояли у ясель,
Уже и воны Христа призналы.
Дышуть на Него: Богъ зна на
кого,
Ще й на вколюшки впалы.
Ягноли святія, крылати, чудніи
Такъ гарно спивалы
Що мы изъ роду такъ не чувалы.
Пастушки изъ степу прибглы къ
вертепу,
По ягнаткови принесли;

На дудки игралы, якои зпалы
А потимъ до дому пишлы,
И я вамъ не возвѣщаю... (сл. Н-Н).

17.

Що за чудо, що за диво, що Хри-
стось народився?
Новорожденный, преображенный въ
яслахъ положився?
Туда цари, туда паны къ Нему при-
ходьлы,
Ему дары злато, ливанъ и смьрну
приносили.
Я тамъ бувше и се чувше, всимъ
объявляю:
И съ праздникомъ Р. Х. поздравляю
(г. К.).

18.

Что за чудо нынѣ зрится?
Тварь вся плещеть, веселится,
Что явилось нынѣ намъ?
Или въ рай—Адамъ?
Точно, къ намъ пришелъ Спаситель,
Грѣховъ нашихъ Искупитель.
Лишь на землю Онъ вступилъ,
Вдругъ Адаму грѣхъ простилъ.
Не одинъ Адамъ ликуеть,
Въ раю Божиємъ царствуетъ:
Рай добрымъ людямъ всѣмъ открытъ,
Кто добродѣтельство творить.
Сего блага досточайте,
Въ царство Божье поспѣшайте!
Путь прямой намъ проложенъ:
Адъ разрушенъ, пстреленъ.
Сію вамъ радость возвѣщаю...
(г. К.).

19.

Христось родился во градѣ Вивліемѣ
Иудейскому,
Объ Немъ извѣстно стало народу
вселенскому.

Три царя звѣзду увидали
И царя-Христа по ней искали.
До Ирода-царя заходили
И тамъ ему объявили:
Идемъ поклониться Царю рожден-
ному
И всему міру благословенному.
А Иродъ-царь имъ сказалъ:
Къ Нему идите и объ ономъ воз-
вѣстите.

Ангель Божій во снѣ царямъ сказалъ:
«Другимъ путемъ домой идите,
И о Христѣ ему не кажите.»
А царь—Иродъ ихъ дожидаль
И о томъ своихъ мудрецовъ пыталъ.
Они ему на то сказали,
Что должно Христу въ Вивліемѣ
родиться
И весь міръ Ему долженъ по-
клониться.
И я вамъ всѣмъ объ этомъ объ-
являю... (сл. Н-Н.).

20.

Звизда свитла зъ востока гряде,
За собою трехъ царивъ персидскихъ
веде,
Поклонъ дати царю и пану,
Вишнихъ силъ всего свита Гетману.
Король-Иродъ дуже смутывся,
Що Исусъ Христось отъ дивы
народився,

Веливъ пытаты, по всихъ земляхъ
шукаты,
Веливъ губыты, малыхъ дитокъ
избыты.

Однихъ кнѣпы топталы,
Другыхъ вполы роздыралы.
Матки ихъ гирько рыдалы,
Руки свои до Бога пиднималы:
О, Ироде безумный! якъ ты въ соби
жалю ны маешь,
Зъ нывинныхъ младенцивъ кровь
проливаешь! (К.).

21.

Ишли три цари ко Христу со дары,
Иродъ ихъ пригласилъ, куда идуть
спросилъ.

Отвѣчали они ему: «идемъ къ рож-
денному царю.»
— Къ рожденному идите и мнѣ
возвѣстите;

И я пойду поклонюся, передъ ца-
ремъ смирюся:

Воздамъ честь обычно, цареви при
лично.

Звѣзда идетъ чудно съ востока на
полудни,

Надъ вертепомъ сіяеть, христа-царя
являетъ:

Ангель имъ вѣщаеть, на путь на-
ставляеть:

«Инымъ путемъ идите, къ Ироду
не заходите».

Пошли цари въ другія страны,
Христа славословятъ... (Г. К.).

22.

О, вылыкый плачь у Вноліеми
случывся,

Якъ Иродъ-царь на Христа взму-
тывся.

Тоди стали Христа шукаты
И маленькихъ дитокъ на смерть
побываты.

Воны бралы, побывалы и на пыкы
пиднималы;

Ни одно изъ пыхъ пы всхлыпнуло,
Тыкы батькы й матери рыдалы,

Руки къ небу пиднималы,
Бызбожного царя прокляпалы:

«Ой, Ироде, Ироде! ты Христа
знаешь, а не считаешь!»

Его жъ Марія породыла, въ ясли
положила,

И небесна звизда мудрицивъ на
Его павыла».

Мы про це вси якъ заразъ чуваемъ
И васъ съ праздникомъ поздра-
вляемъ (сл. Пъ).

23.

Всталъ я ныпче очень рано,
Посмотрѣлъ на востокъ прямо,

Тамъ звѣзда ярко возсіяла
Тремъ царямъ путь показала.

Три царя приходили,
Дары Богу приносили.

Богъ отъ нихъ сей даръ принялъ,
Имъ блаженство даровалъ.

Когда Исусъ Христосъ родился,
Весь народъ возвеселился,

А царь Иродъ возмутился:
Послалъ воиновъ младенцевъ из-
бывать.

Воны били-рубилы,
На штыкы поднимали.

Матери плакали-рыдали,

Царя Ирода проклинали.
Ахъ, дѣти, дѣти! какъ жить вамъ
на свѣтѣ? (сл. Н-Н.).

24.

Звезда ясна возсіяла и тремъ ца-
рямъ путь сказала,
Въ храмину уведоша, на колони
упадоша.
Иродъ дуже засмутывся, що Сынъ
Божій народывся:
Слуги свои посылаетъ, Христа убыты
шукае.
Де маленькія все дѣты, звыливъ
Иродъ всихъ побыты.
Иправдѣи тѣмъ души на выкъ про-
свѣщенній.
Десять тысячъ и чотыри малыхъ
дитокъ погубылы,
Христа убыты шукалы.
Небесный царь одъ Ирода въ Еги-
петъ тикае.
Небесный царь зъ небесъ зйшовъ,
Въ дивычицьку утробу пройшовъ,—
Господь вичный за насъ гришныхъ
на землю прыйшовъ (сл. Р-Н.).
О сколь счастливъ для насъ сей
депъ благословенный,
Въ которомъ родился Сынъ Божій
отъ Дѣвы воплощенный!
Волхвы Христа со звѣздою отыскали,
А Ироду на возвратномъ пути не
являли.
А Иродъ царь въ злобу впалъ,
Въ Веліемъ градъ воинновъ послалъ,
Чтобъ Царя-Христа розыскати
И младенцевъ всѣхъ убивати,
Отъ трехъ, двухъ лѣтъ и ниже.

Иосифъ съ Марією и младенцемъ въ
Египетъ убѣжали
И тамъ до смерти Ирода проживали.
А Иродъ въ скоромъ времени скон-

чался,

Тогда Иосифу во Египтѣ ангель
являлся,

Сказалъ ему: иди во градъ, Ви-
еліемъ,

Уже бо плѣту родовои силы въ немъ.

Иродъ во адъ Іуду предворяетъ,

Жизнь и рожденье свое прокли-
паетъ:

«За малыхъ младенцевъ отвѣчаю

И вѣчныя муки за нихъ я при-
нимаю,

Лучше бы мнѣ не родиться,

Нежели во адъ явиться!»

А я Христа прославляю

И васъ съ праздникомъ поздравляю.

(сл. Н-Н.).

26.

Здравствуйте, честные господа,

За многіе прошедшіе года,

Были ли у васъ іудейскіе солдаты

Малыхъ дѣтей искаты?

А къ намъ какъ пынѣ набѣжали

Да все съ острыми тесаками,

Малыхъ дѣтей быють,

А они гласно поють:

Слава въ вышнихъ Богу.

И Христось давно уже убѣжалъ

въ дорогу.

Сію я радость возвѣщаю... (г. К.).

27.

Христось народывся, шобъ мырь

звысылывся

Ппсля Адамова грѣха: отъ дыко-

выпка яка!

Но нічого ні допомогло!
А дали и згинувъ и царство по-
кинувъ,
Бо ні вмивъ хліба їсти,
Такъ и пропавъ безъ доброи висти,
Такъ пропавъ дитей мучитель, Хри-
ста гонитель.
А мы ему ні подражаємъ, а Христа
вылычаємъ.
(сл. Покровскъ. кр. Гр. Поляковъ).

28.

Будьты здорови, та ні лайте мене,
Чого я прійшовъ—попытайте мене,
Чого прійшовъ, якимъ дотепомъ?
Ні самъ прійшовъ я, а зъ вертепомъ,
Щобъ вамъ его показати и про все
чудо розказати,
Що самъ чувъ и що бачивъ;
Колы захочете пытати, такъ цуръ
ні пырыбывати!
Якъ мы учора паслы овецъ ватагу—
Та ні вдвляйтесь на видвагу:
Бо се було у теплomu краи.
Кормокъ прыдався зелененькій,
Кошары булы готовеньки—
Все якъ на весни бува въ май—
Усе було гарно, нічого и казати.
А якъ стало вже смыркати,
Я давъ раду: гонить, хлопци, ватагу,
Та варить круту кашу съ саломъ.
А найвшисъ каши, гонить ватагу
на базъ,
Та запырайте добре уразъ,
Щобъ якій воряга ні прычвалавъ,
Та й нашон ватаги ні вкравъ.
Тільки що послулы, збунтовалась
вся ватага,

Вся видъ стины: ныначе у пыво-
варни брага.
«Яцько, Апанась и ты, Протась!
бырить добру дубыну,
Та спышить ворязи усю спыну!»
Ажъ гулькы: а воно сѣе и крыламы
махае.
Яцько каже: се птаха, а Панасть;
се пряха,
А я кажу: тю, дурню! се-янголь
Божій,
Хіба ты ні бачышь, якій вийъ
гожій!
И ставъ пытати, щобъ почути видъ
его гласъ:
«Чого ты, янголь Божій, прылитивъ
до насъ?
«Чи души хочешъ ты забрати,
«Чи вивци въ пасъ поодтниматы?»
— Я послапъ не за душами, а по-
слапъ небесами
— Повѣдати вамъ радостную вѣсть:
— Богъ съ неба прышелъ и на землѣ
днесъ.
«Ой, лыхо! чи ні за грехи караты?»
— Объ этомъ нечего помышлять:
— Которые есть Онъ хочеть на себя
забрати.
«Гей гей, яка чудосія, се збулась
та профысія,
«Що дидъ Мусій колысь казавъ!
«Скажи жъ намъ, янголь Божій, де
той домъ хорошій.»
— Я радъ бы васъ проводить, та
треба на небо лытати
— И спывать «Дѣва днесъ..»
— Смотрыте на эту звѣзду пыль-
ненько,
— Васъ доводитъ она пряменько.

«Яцько, Панась и ты, Протась!
бырить лучшу ярку,
«Та понысемь породили Божій у
подарку.»
Взялы, пишылы,—чого треба, тей
пайшылы.
Тамъ сиділа Породила Божа, якъ
ясочка хороша.
На рукахъ дитятко держала, а воно
чуть ны вымовляло.
Тамъ стояло багацько царивъ: ажъ
цилыхъ тры,
И шось вони въ подарку пры-
ныслы.
Вона видъ пыхъ те все принявши,
Та разивъ зъ пять спасибі сказавши,
До дому видпустила. А дали и мы
приступили:
«Приймы видъ насъ, Маты Божа,
ягнятко,
«Та накормы свое дитятко!»
Вона видъ насъ подарокъ узяла
И разивъ зъ пять спасибі сказала.
А мы тоди хто вливо взявъ, а хто
въ вправо взявъ,
А я оце до васъ попавъ,
Щобъ вамъ усе це розказаты
И васъ съ праздыкомъ поздоровляты.
(сл. Р-П.).

29.

— Здорови булы та съ тымъ, паны,
Съ чимъ я ось до васъ прыпхався,
Та не перечты лишъ минн,
Бо я того не сподивався.
Скажу я вамъ вистъ чудну й дивну,
Та тико жалъ, що половыпу
Пошты забувъ, що бачивъ и що чувъ,

Якъ по правдѣ вамъ признаця,
А вы скажите, шо було бъ и ны
браця.
Хочъ смійтыся, а це не брыхенька,
Не съ себе выдумавъ я самъ,
(Бо далыби я бачывъ самъ)
Нась тамъ гурба була не маленька.
И бувъ падъ нымы я лычманъ.
И звалы насъ: я—Опанась,
Яцько, Панько и бувъ Протась,
Та ще й Явтухъ, пидпасичъ бувъ у
насъ.

И овечать була ватага,
Та й не пидходь було воряга,
А вже дамо парла, абы хто вчувъ.
А сежъ було не середь лита,
Та тилько у теплому край,
Мы паслы овечать до свита,
Якъ на высни бува въ май.
Кормы задалысь зелененьки,
Кошары булы готовеньки,
Приволя для всего було:
На тырло було де статы,
Була й вода, щобъ напуваты;
Призпаться, все для насъ брыло.
Денекъ случився веселенькій,
И вивци напаслысь гораздъ;
Надъ вечеръ стало такъ хмарненько
И дощикъ збрызнувъ тико разъ.
И такъ уже повечерило,
Ни зоряно, а похмарнило,
То я Яцькови й заказавъ:
«Жинить лишъ вивци вы съ Про-
тасомъ,
Та й запырайте зъ выкрутасомъ,
Та ще щобъ хто тамъ изъ васъ и
спавъ.
А мы пишылы въ вербняжокъ,
Бо педалеко бувъ лужокъ,

Щобъ не розсердыты Диву-паню,
Якъ будемо ягня дарыты.
Скоришь идить, та не тащиця,
А якъ казаты—вже не вчиця.
И тики въ станю шо вопхалысь,
То заразь вси позатулялысь;
Бо свить великій осіявъ.
А дали трохи ободрылысь,
На вколюшки уси упалы,
Тому Дитятку поклоннылысь,
А ягнятко Пани оддалы:
«На, кажимъ, тоби оце ягнятко,
«Щобъ не голодне було твое дитятко!»
Потимъ Вона вылила намъ устаты
И стала насъ ласково витаты,
Якъ будто знала насъ давно.
Быля тїи жъ близенько пани,
Стоявъ у жовтому жупани
Старенькій дуже чоловікъ,
Якъ буцимъ проживъ другїй виць.
Быля того дидка близько,

Понурывше головки нызько,
Туть же у самыхъ ясель
Стоявъ бычокъ и осель,
И вони глянули на насъ-бурлакъ.
Дидокъ же трохи поворчавше,
Шось Пани на ухо шпавташе,
Балакавъ зъ нами сякъ и такъ,
Затимъ сказавъ: «идить вы въ мїръ
проповидуйте,
Що се родывся Божїй Сынъ!»
Прощайте—мы сказали
И кланялысь по ряду всимъ.
Пишлы видтиль, якъ не бувалы,
Идучи, кой—що розмовлялы,
Поки до мїста не дойшлы,
И по отари раздїлылысь,
А далеби шо вси чудылысь:
Якъ намъ було и шо знайшлы.
Тоди мы хто вливо, а хто вправо
взявъ,
А я оце до васъ понавъ.
(Сл. Тарасовка. Кр. М. Мозговой).

Нѣкоторыя изъ вышеприведенныхъ виршъ составляютъ отрывки изъ такъ называемаго «Малорусскаго вертеца», который въ 30-хъ и 40-хъ годахъ текущаго столѣтія былъ въ ходу еще во всѣхъ значительныхъ слободахъ Купянскаго уѣзда, какъ о томъ говорятъ старожилы. Въ концѣ 70-хъ годовъ одинъ мѣстный землевладѣлецъ вздумалъ было возобновить Рождественскую драму, старинный вертепъ. Приобрѣтены были куклы, устроены ящикъ, составленъ хоръ пѣвчихъ, разучены роли. Но дѣло ограничилось представлениемъ Рождественной мистерїи въ двухъ-трехъ домахъ: хоръ разстроился, а съ нимъ исчезъ и вертепъ съ куклами.

Колядовать же въ Купянскомъ уѣздѣ ходять не только дѣти, но и взрослые крестьяне. Дѣти и молодые парни и дѣвки колядуютъ вечеромъ на первый день праздника Рождества Христова почти во всѣхъ селенїяхъ уѣзда, за исключенїемъ лишь слободъ съ великорусскимъ или смѣшаннымъ населенїемъ, какъ, напр., Торская, Покровскъ, Араповка, Колодежная, гдѣ колядники начинаютъ ходить съ вечера наканунѣ праздника. Между тѣмъ какъ въ остальныхъ селенїяхъ и въ г. Купянскѣ наканунѣ

Рождества ходять только со «звѣздою» пѣвчіе изъ церковныхъ хоровъ или школьники, а колядованіе начинается только на самый праздникъ Рождества. Вечеромъ на второй день праздника ходять колядовать и взрослые молодые люди: женатые и замужня, впрочемъ мужчины ходять вообще весьма рѣдко, женщины же чаще.

Ходящіе со звѣздою поють обыкповенно тропарь и кондакъ праздника, причеиъ носящій звѣзду, тоестъ, сдѣланный въ видѣ восьмиугольной звѣзды бумажный фонарь, на одной сторонѣ котораго нарисовано поклоненіе пастырей или волхвовъ, а на другой бѣгство во Египеть, — вращаетъ ее.

Колядовщики, собравшись гурьбою, человекъ до 15-ти, ходять по всему селенію, иногда вмѣстѣ парни и дѣвки, иногда отдѣльно парни съ мальчиками, дѣвки съ дѣвочками, и, подходя къ окну дома каждаго зажиточнаго хозяина, спрашиваютъ позволенія заколядовать, говоря или точнѣе крича: «Дай, Боже, вечеръ добрый. Чи заколядуваты вамъ?» И, получивъ согласіе, хоромъ поють колядки; въ случаѣ же отказа, уходя, кричатъ: «хозяинъ обрѣпокъ, обрѣпався юшки; не може встаты, намъ колядки даты».

За исключеніемъ ниже приводимаго разсказа, въ народѣ не сохранилось никакихъ преданій о времени происхожденія обычая колядовать, а равно неизвѣстно и слово календы. Но, вмѣсто историческаго воспоминанія о святочныхъ играхъ въ Византіи, давшихъ, вѣроятно, начало и нашимъ колядамъ, мы имѣемъ вотъ какой разсказъ, записанный въ слободѣ Араповкѣ:

«На Святвечеръ одинъ богатый мужикъ, разсердившись за что-то на своего сына, выгналъ его изъ дому, не давши ему даже повечерять. Молодой парень, томимый голодомъ, пошелъ по селу, остапавливаясь подъ окнами каждой хаты, пѣлъ нѣсни, въ которыхъ величалъ наступившій праздникъ и хозяевъ хаты. Людямъ это пѣніе очень понравилось и они давали парню, кто хлѣба, кто сала, а кто и колбасу. Вотъ съ тѣхъ поръ и начали ходить колядовать, и теперъ поють тѣ же самыя колядки, что пѣлъ тотъ парень».

5. Колядки.

1.	Святый вечеръ!
Ой рано, рано куры запилы—	Костюша уставъ, лучкомъ забрыз-
Ой дай, Боже!	чавъ (завоныйъ)
А ще ранише Костюша уставъ—	Ой дай, Боже!

Лучкомъ забрызчавъ (зазвонивъ),
братцивъ пробужавъ— (попужавъ,
побудывъ)—

Святой вечерь!

«Вставайте, братця, коней сид-
лайте» —

Ой дай, Боже!

«Коней сидлайте, хортивъ склы-
кайте—

Святой вечерь!

«Та пойидемо въ поле на вловы—
(въ чисте поле на охотеньку
сл. Б.)

Ой дай, Боже!

«Въ поле на вловы, въ темну
дирову—
Святой вечерь!

«Ой тамъ я назнавъ купу въ деревни—
Ой дай, Боже!

«Куну въ деревни, дивку въ те-
ремн—

Святой вечерь!

«Ой вамъ же, братци, куна въ
деревни—

Ой дай, Боже!

«А минн, братци (молодому) дивка,
въ теремн—(г. К., сл. Т., сл. Б.)

Святой вечерь!

А.

Ой рано, рано куры запилы—
Ой дай, Боже!

Ой рано, рано куры запилы—
Святой вечерь! и т. д.

Каждый стихъ повторяется два раза, за первымъ разомъ слѣдуетъ припѣвъ: ой дай, Боже, а за вторымъ—: святой вечерь. Къ послѣднему стиху прибавляютъ:

Вонажъ ни царивна, ни короливна,
А Омелькова дочка, дивка Мару-
сенька—

Ой дай, Боже!

Вонажъ ни царивна, ни короливна,
А Омелькова дочка, дивка Мару-
сенька—

Святой вечерь! (г. К.).

«Вставайте, братци, сидлайте ко-
ней—

Ой дай, Боже!

«Сидлайте коней—святой вечерь!

«Ступайте въ поле за лысыцами —

Ой дай, Боже!

«За лысыцами, за купыцами —

Святой вечерь (сл. П-ъ).

Б.

В.

Ой рано, рано куры запилы—
Ой дай, Боже!

Куры запилы—святой вечерь!
Раньше того Иванько уставъ—

Ой дай, Боже!

Иванько уставъ—святой вечерь! и т. д.

Ой рана, рана куры запѣли,
Ещо раниша братиць вставаль,
Братиць вставаль, лучкомъ за-
брыщаль,
Лучкомъ забрыщаль, братиць возбу-
жалъ:

«Вставайтя, братцы, вставайтя,
купцы,
«Ой я тамъ назналъ дѣвицу-кра-
савицу (сл. Тя). (Ср. Чубинскій.
Т. 3, стр. 283, № 18).

2.

Ой орле, орле!
Чи высоко летышь? Чи далеко
бачишь?
Чи ты бачишь, орле, синее море?
А на тимъ мори корабель плыве,
А на тимъ корабли Иванько сыдыть,
Та письмо строчить до батеньки
шле:
«Батенько мій, просю я тебе: ожены
мене!
«Та скажи мини, яку мини братъ:
«Чи попивну, чи короливну?»
— Ой, то намъ не ривня, а то
намъ ривня,
Що съ сонцемъ встае и съ сонцемъ
ляга (К-а).

3.

Дивка молода, иды зъ нами гу-
ляты—колядуваты.
— Подружки мои, пиколы мини—
Святыи вечеръ!
Ныдавно братикъ прыйхавъ зъ
войны—
Святыи вечеръ!
Та прывизъ мини тры подарочки:
Святыи вечеръ!
Первый подарочокъ—шолковый пла-
токъ—
Святыи вечеръ!

Другый подарокъ—золотый персты-
некъ—

Святыи вечеръ!

Третий подарокъ—зелене сукно—

Святыи вечеръ (сл. К-я)
(Ср. Чуб. т. 3, стр. 366, № 45).

4.

Ой въ лиску, въ лиску та на жов-
тимъ писку—

Ой дай, Боже!

Ой въ лиску, въ лиску та на жов-
тимъ писку—

Святыи вечеръ! ¹⁾.

Тамъ пава ходе, пирьячко роне.
Тамъ Маруся ходе, пирьячко збыра;
Пирьячко збира, въ рукавецъ
склада;
Й додому иде, й на скамьи кладе;
А зъ скамьи бере, виночекъ, въе,
А свывши виночекъ, пишла у та-
ночекъ,
Тамъ паны стоялы, шапки снималы,
Шапки снималы, дивку пыталы:
Чи це царивна, чи короливна?
То жъ ны царивна, ны короливна,
То Омелькова дочка, дивка Мару-
сенька.

А.

А въ лиску, въ лиску па жовтимъ
писку

Пава ходе, пирьячко роняе—

Святыи вечеръ!—пирьячко ро-
няе,

А за нею иде дивка Мавруша—
Святыи вечеръ!—дивка Мавруша

¹⁾ Каждый стихъ поется два раза, послѣ перваго раза припѣвъ: ой дай Боже, послѣ втораго—святыи вечеръ (г. К.).

Пирьачко збирае, въ рукавецъ
складае,—

Святой вечерь!—въ рукавецъ
складае,

А изъ рукавця бере на скамью
кладе—

Святой вечерь!—на скамью
кладе—

А со скамьи бере, випочекъ плете—

Святой вечерь! виночекъ плете,
Виночекъ сплела, въ станочекъ
пишла—

Святой вечерь!—въ стано-
чекъ пишла,

А изъ станочка шла, въ церковку
зашла—

Святой вечерь!—въ церковку
зашла,

Тамъ паны встречали, шапки ски-
дали—

Святой вечерь!—шапки ски-
дали:

Чи ты попивна, чи короливна?

Святой вечерь—чи короливна?

Я жъ не попивна, не короливна,

А Никапорова дочка, дивка Мав-
руша.

Святой вечерь! (г. К.).

Б.

А въ лиску, въ лиску та на жов-
тимъ писку,

Тамъ пава ходыть, пирьачко ронуть.

Дивка Оксанка пирьачко збыра,
въ рукавецъ склада,

Зъ рукавця бере, на скамью кладе,

А съ скамьи бере, виночки плете,

На головку кладе, до церковки йде.

Паны стоялы, шапки знималы,

Шапки знималы, все пизнавалы:

Чья се дочка? чи се попивна, чи
короливна?

А Пылыпъ каже: «це жъ моя дочка,
дивка Оксанка». (сл. Т-и).

В.

А въ лиску, въ лиску та й на
жовтимъ писку,

Тамъ пава ходыла, пирьачко ро-
ныла,

А за пейю ходы дивка Марьечка,

Пирьачко быре, въ рукавецъ кладе,

Зъ рукавця быре, на скамью кладе,

Поздоровъ Боже, дивку Марьечку

Зъ отцемъ, зъ ненькойю, зъ цымъ
домомъ! (сл. Пя). (Ср. Чуб.

Т. 3, стр. 300, № 37).

Б.

Ой рясна-красна въ лузи ка-
лына—

Ой дай, Боже, святой ве-
черь! ¹⁾

А ще красниша въ панотця дочка,

Въ панотця дочка, дивка Өенночка:

По двору ходе, якъ мисяць сходе,

Въ синычки ввійшла, якъ зоря
зійшла.

Въ свитлоньку входе—паны вста-
вають,

Паны вставають, шапки знимають:

«Чи се попивна, чи короливна?»

Панотець каже: се моя дочка,

Се моя дочка, дивка Өенночка,

¹⁾ Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Намъ же сего вина самымъ ба-
гато треба:
Въ мене сестра ще замижъ не
йшла,
Ё въ мене братъ, ще не жепать,
Та я молода, та й засватана. (г. К.)

7.

Ой дядьку, дядьку! Богъ тебе клыче,
Шось мае даты: два стоги жита,
А третій гречки на варенычки,
А четвертый пшеници на паляныци,
А пятый вивса—и колядка уся
(г. К.).

А.

Пане господарю, Богъ тебе клыче
дарыты хоче:
Даруе тоби два ланы жита,
Третій пшеници на паляныци,
Четвертый гречки на гречанычки,
Пыятый вивса—колядка уся (сл. Сл.).
(Ср. Чуб. т. 3, стр. 370,
№ 94).

8.

Пане господарю, Богъ тебе клыче,—
Да зрадуются вси святѣи
на побесахъ! ¹⁾
Богъ тебе клыче, даръ тоби дае:
Даръ тоби дае: два лана жита,
А третій пшеници на паляныци.
Пане господарю, застилай столы,
Посвиты свѣчи, клады калачи,
Клады кзлачи,—будуть до тебе
трое гостей:
Первый гость—Святе Рождество,
Другой гость—святый Василиѣй,

А третій гость—Иванъ Креститель.
Святе Рождество намъ радость
принесло,
Святый Василиѣй да съ Новымъ
годомъ,
Иванъ креститель, шо воду святе.
(г. К.).

А.

А въ нашому доми та три свя-
тытеля:—
Радуйся земле, Сынь Божій ро-
дывся!
Первый святытель—святе Роже-
ство,
Другой святытель—святое Ва-
сылыя,
Третій святытыль—Иванъ Хры-
стытыль.
Святе Рождество намъ радистъ пры-
пысло,
Святое Василыя домъ звеселыло,
Иванъ Хрыстытель воду перехры-
стывъ (сл. Сл.).

Б.

Ой у Ковалевыхъ на двори тамъ
стояло дерево кипарисне,—
Радуйся, земле, Сынь Бо-
жій народывся! ¹⁾
А у тымъ древи три гробы сто-
яло:
А у первымъ гробу Рождество
Хрыстово,
А у другому гробу Васылый вы-
лыкый,
А въ третимъ гробу Иванъ Хры-
стытель.

¹⁾ Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Рождество Хрыстова святый вечеръ
 прыдносы,
Васылый велькый Новый годъ
 прыдносы,
Иванъ Хрыстытель воды пыры-
 хрысты.

В.

Ишла коляда мимо огорода,—
 Ой коляда, колядица! ¹⁾).
Зашла коляда къ кузницу у дворъ.
Ой вы, кузницы, куйте топоры!
Рубите сосны, мостите мосты:
Тамъ будутъ идти святителя:
Первый святитель—Рождество Хри-
 стово,
Второй святитель—Василій великій,
Третій святитель—Иванъ Крести-
 тель. (с. К-я).

9.

А въ папа Петра новіи свит-
 лыцы,—
 Радуйся, Боже, выселься,
 земле, Христось народывсь!²⁾).
А въ тыхъ свитлицяхъ все столы
 стоять,
А на тыхъ столахъ все кубки
 стоять.
У первымъ кубочку зелене вино,
А въ другимъ кубочку червоне пиво,
А третій кубочокъ—солодкій ме-
 дочокъ.
Зеленое вино для его самого,

Червоное пиво для жены его,
Солодкій медочокъ для его дито-
 чокъ (сл. А.).

А.

А у пана Ивана новая свитлыця,—
Радуйся, ой радуйся, Боже! Освя-
 тыся земля:

 Христось народывся! ³⁾.

А у тій свитлыци усе столы стоять,
А на тыхъ же столахъ все ку-
 бочки стоять:
А первый кубочекъ съ зеленымъ
 выномъ,
А другій кубочекъ съ червонымъ
 пывомъ,
А третій кубочекъ съ солодкимъ
 мыдочкомъ.

Зелене вино для его самого,
Червоне пиво для его жыны,
Солодкій медочекъ для его дито-
 чекъ (сл. Пъ.)

Б.

Рай разывсь, Христось
 звесельсь! ³⁾

Шо мы въ цего хозяина та въ
 его дому.

А въ нашего хозяина золоти во-
 рота,

Золоти ворота, мурованы дома,
Мурованы дома, застелены столы,

А на тыхъ столахъ три кубочки
 стоять:

¹⁾ Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждого стиха. (Ср. Чуб. т. 3, стр. 337, № 67 и стр. 453, № 19).

²⁾ Повторяется послѣ каждого стиха.

³⁾ Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждого стиха; къ этой же колядѣ существуетъ и слѣдующій припѣвъ: Ой радуйся, земле, веселися, Боже нашъ, шо породывъ на свить насъ. Радуйся, Ср. Чуб. т. 3, стр. 487, № 113).

У пернымъ кубочку зеленое вино
для хозяина сѣго,
А другимъ кубочку красное вино
для хозяйчки его,
А въ третимъ кубочку медокъ соло-
докъ для малыхъ дитокъ (г. К.)

10.

Здоровъ, хозяинъ, славный госпо-
динъ!
Застилай столы, клади калачи,—
Славинъ яси, нашъ милой
Боже, на небеса! ¹⁾
Клади калачи съ яррой пшаницы.
Ой будя къ тябѣ да три го-
стинья:
Первый гостѣкъ—ясное солнышко,
А другой гостѣкъ—свитѣнь мѣсяць,
Третій гостѣкъ—дробень дождикъ.
Ясное солнышко выхваляется:
Я какъ взайду—весь міръ пагрѣю,
Свитѣнь мѣсяць выхваляется:
Я какъ взайду—весь свѣтъ освѣтю.
Дробень дождикъ выхваляется:
А я какъ пайду—всю землю смачу,
Всю землю смачу—весь хлѣбъ ура-
жу—людей награжу (сл. Тя).

А.

Тры товарищи выхвалялыся:—
Славынь я сынъ, ой славынь я
сынъ,
Нашъ мылый Боже, вознесы, Боже,
на небеса!
Первый товарищъ—ясне солнышко,
Другый товарищъ—ясный мисяць,
Третій товарищъ—дробынь дощыкъ.
Ясне солнышко выхвалялося:

Славынь я сынъ, ой славынь я
сынъ,
Нашъ мылый Боже, вознесы, Боже,
на небеса!
Якъ пройду я рано на зори,
Возрадуеца весь мыръ крещеный,
диткы маненьки.

Ясный мисяць выхваляеца:
Славынь я сынъ, ой славынь я
сынъ,
Нашъ мылый Боже, вознесы, Боже,
на небеса!
Якъ изойду я пиздно звечера,
Возрадуеца весь звирь въ поли и
рыба въ мори.

Дробынь дощыкъ выхваляеца:
Славынь я сынъ, ой славынь я
сынъ,
Нашъ мылый Боже, вознесы, Боже,
на небеса!
Якъ упаду я трычи въ маю,
Возрадуеца жито, пшеница—всяка
пашаныця.
Славынь я сынъ, ой славынь я
сынъ,
Нашъ мылый Боже, вознесы, Боже,
на небеса! (Сл. Б—я). (Ср.
Чуб. т. 3, стр. 409, № 138).

11.

Спидъ лота ворота, весь двирь на
помости—
Радуйся, радуйся, Боже!
Освятыся, землѣ, Боже
нашъ!
У пана Николая весь двирь на
помости,
Щей свитлыця нова.

¹⁾ Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Радуйся, радуйся, Боже!
Освятыся, землё, Боже
нашъ!

А въ свитлыци тры столы стояло
позастолованыхъ,
За тумы столамы три святыхъ си-
дяло.

Радуйся, радуйся, Боже!
Освятыся, землё, Боже
нашъ!

Воны службу служили за пана
Николая,

И за жинку ёго, и за дитокъ ёго:
Що колосочки, то ёго сыночки,
Що зпрочки, то его дочки.

Радуйся, радуйся, Боже!
Освятыся, землё, Боже
нашъ! (сл. Кя).

12.

«Чи дома, дома бядная вдова?»
— Нымае дома: нишла до Бога.
Славепъ еси, нашъ милый
Боже, на небесп!

«Шо вона дие?—Золото вие:
Шо обвиечки, то еи диточки,
Шо половенька, то размовенька.
Славепъ еси, нашъ милый
Боже, на небесп. (Сл. Кбя).

13.

Коляда, колядица моя!
Тамъ шла по масту, масту по ка-
менвомъ,

Коляда, колядица моя!

Тамъ шли три колядника:
Первый колядникъ дровишки ру-
бая,
Другий колядникъ орѣшки щелкая,

Третий колядникъ пярочки валяя,
Пярочки валяя, у печь сажая,
А съ печи выймае и памъ давая.

Коляда, колядица моя!
Вечерь добрый! Дайте пярнгъ
довгий,
Съ рукама, съ ногама, шобъ бѣгъ
за нама.

Коляда, колядица моя! (сл.
Кя).

14.

1. Бигла тылычка та зъ бырыж-
нычка та въ дядынъ двирь;
2. Я тоби, дядю, заколядую,—
дай пярнгъ!
3. Ны дасы пырога, возьму вола
за рога,
4. А кобылу за чупрыну, та вы-
выду на мугылу.
5. Тай насыплю вивса,—тай ко-
лядка уся. (г. К., сл. Кза).

А.

- Бигла тылычка та зъ бырызнычка
та въ дядавъ двирь;
4. Та повыву на моригъ, та зибью
правый ригъ:
 5. Волюкомъ буду робыты, а въ ри-
жокъ буду трубыты (сл. Ти).
- (Ср. Чуб. т. 3, стр. 427, 429,
479, №№ 157, 162, 59).

15.

Бигла колядка до Хомы-дядька
Тай стала: дай, дядьку, сала!
(сл. Пя).

Выпивъ нашъ кумъ, князь Михай-
лушко:

Его ясни очи помутились,
Его рѣзвыя ноженьки подкосялись,
Его бѣлыя рученьки сподмахну-
лись.

Закричалъ нашъ кумъ, князь Ми-
хайлушко:

Подайте вы мого коня вороного!
Идутъ, коня ведутъ.

Сѣлъ нашъ кумъ, князь Михай-
лушко, на коня.

У коня съ копытъ искры летять,
Изъ ноздрей пламя пышетъ.

Встрѣчаетъ его родимая матушка:
«Да то мой милый князь Михай-
лушко!

«Сколько ты по сосѣдямъ ѣзжалъ,
«Такой пьяный не прѣѣзжалъ!»

— Родимая моя матушка,

— Скусила меня кума, Шкурла-
това жена.

Къ вечеру князя Михайлушку спо-
вѣдать везуть.

Къ полуночи князь Михайлушка
Богу душу отдалъ.

Къ бѣлому свѣту князя Михай-
лушку хоронить несуть:

Поппъ-архирей идетъ...

Его матушка, какъ голубушка,
гудеть,

Его дѣтки идутъ, какъ пчелы,
гудуть...

Чѣмъ колядовальника пожалуете?

Кто не дастъ табаку, жену съ печи
сволоку;

Кто не дастъ орѣховъ,—кобылу
за выхоръ;

Кто не дастъ терну,—овпу изъ
кошары сдерну. (сл. Пъ).

(Справка: 23 апрѣля 1610 года у князя Ивана Воротынскаго крестили сына: кумомъ былъ князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, а кумою жена Дмитрія Шуйскаго, дочь Малюты Скуратова).

21.

Ой на рѣчкѣ, ой на Иорданѣ
Божья Матерь стояла, стояла,
Божьяго Сына купала, купала,
Василччки варила, варила,
Въ китаечку вгортала, вгортала.
Какъ ѣхало три короля, короля:
Первый король счастьемъ-здоровьемъ
обдаруваль, обдаруваль,
Второй король серебромъ-златомъ
обдарилъ, обдарилъ,
Третій король чернымъ кадиломъ
обкадилъ, обкадилъ.

Дай, Боже, сему хозяину жить
такъ, такъ,
Какъ Иисусъ Христось живетъ въ
раю, въ раю! (сл. Па). (Ср.
Чуб. Т. 3, стр. 323, № 51).

22.

Дай, Боже, вечеръ добрый! Бла-
гословы, хозяину, заколядуваты.
Ой на рици на Иордани тыхо вода
стояла,
Тамъ Прычыста своего Сына купала,
Иа скупавши, повывачемъ (пеле-
намы) сповывала

Иа сповывши, чернымъ шовкомъ
звязала,
Иа связавши, въ яселычка вло-
жила.
Ой надъ тымъ Дытямъ сиря волю
дыхалы.
До схиць сонця тры цари пры-
и́халы.
(О пивночи тры цари приходылы,
Съ собою дары прыносиылы,
На колина упалады,
Свои дары подавалы). (Св.).
Ой первый царь Сусомъ Христомъ
дарувавъ,
А другый царь святымъ миромъ
мырувавъ,
А третій царь квиткою дарувавъ:
Тожъ ны квитка, тожъ Святе Ро-
жыство,
Всему миру радость прынысло.
(сл. Пя, Кп, Св-а, Св-л.).

А.

Божая Маты Божого Сына родыла,
А породывши, чорнымъ шовкомъ
сповыла,
А сповывши, въ яселычка вложила.
Надъ тымъ Дытямъ волю дыхалы,
Божого младенца тымъ согривалы.
Иа зъ вечера Божій Сыну ро-
дывся,
Той, который небо й землю со-
творявъ,
А на схиць сонця приыхало тры
царя:
А едынъ царь миромъ мырувавъ,
А другый царь Сусомъ Христомъ
называвъ,
А третій царь квиточкою дарувавъ:

Тожъ не квиточка, тожъ святое
Рождество,
Всему свиту, всему миру радисно.
(г. К.). (Ср. Чуб. Т. 3,
стр. 323—325, №№ 51 и 52).

23.

У Юрусалми та у Божіемъ дому
Дива Марія Сына родыла
И всихъ святыхъ до себе созвала—
Славынь Сынъ, рожденный Царю
на небесахъ!
Та вси святи за стилъ сѣдають,
Кныжки читають, имья шукають.
Далы Ему имья святого Ильи.
Богородыца не злюбыла
И всихъ святыхъ распустыла,
Не именовала, сыномъ не назы-
вала.
Собрався соборъ: вси святи за
стилъ сѣдають,
Кныжки читають, имья шукають.
Далы Ему имья святого Петра.
Богородыца не злюбыла
И всихъ святыхъ распустыла,
Не именовала, сыномъ не назы-
вала.
Собрався соборъ: вси святи за
стилъ сѣдають
Кныжки читають, имья шукають—
Нашли Ему имья Исусъ Христось.
Богородыца именовала, Сыномъ
называла. (Свкв).

А.

Богородыца Сына породыла,
Всихъ святыхъ до себе просыла,
Стамы думать и гадать,
Яке имья Сыну дать.

Дали Ему имя святого Илья;
Вона его не взлюбила,
Всихъ святыхъ посмутила.
Дали Ему имя пресвятого Васыля;
Вона его не взлюбила,
Всихъ святыхъ посмутила.
Дали Ему имя—Самъ Исусъ
Христось;
Вона его возлюбила,
Всихъ святыхъ возвысыла. (г. К.,
сл. Пъ).

Б.

А хто, хто Христа возлюбѣ?
А хто, хто Его почитае,
Богородицу и всихъ святыхъ убла-
жае?
Богородица и вси святи, помогайте
намъ!
Помогайте на всякій часъ!
Богородица Исуса Христа поро-
дыла,
Всихъ святыхъ и ангеловъ про-
сыла.
Стали думать та гадать,
Яке Ему имя дать.
Дали имя святого Полевая.
Богородица его не взлюбила,
Всихъ святыхъ и ангеловъ рос-
пустила.
Богородица и вси святи, помогайте
намъ!
Помогайте на всякій часъ!
Богородица Сына спеленала,
Всихъ святыхъ и ангеловъ соби-
рала...—
Дали Ему имя святого Петра.
Богородица его не взлюбила...
Богородица Сына окрестила...

Дали Ему имя святого Христа.
Богородица Его возлюбила,
Всихъ святыхъ и ангеловъ награ-
дила. (г. Старобѣльскъ). (Ср.
Чуб. Т. 3, стр. 333, № 62).

24.

А хто, хто Мыколая любы,
А хто, хто Мыколаю службы,
Тому, святой Мыколай,
На всякій часъ помогай.
Мыколаю!
Богородица сына спородыла,
И всихъ святыхъ до себе спро-
сыла.
Стали думаты—гадаты,
Яке Ему меня даты.
Мыколаю!
Дали Ему меня святого Васыля.
Богородица ны злюбила
И всихъ святыхъ разгнивыла.
Мыколаю!
Богородица Сына спородыла,
И всихъ святыхъ до себе спро-
сыла.
Стали думаты—гадаты,
Яке Ему меня даты.
Мыколаю!
Дали Ему меня святого Илья.
Богородица ны злюбила
И всихъ святыхъ разгнивыла.
Мыколаю!
Богородица сына спородыла...
Дали Ему меня святого Суса
Христа.
Богородица злюбила
И всихъ святыхъ звысыла.
Мыколаю!
Идить, святи, до мене,

Найшовсь сынъ у меня!

Миколаю!

Горять огни тырновыи,
Тычуть рики мыдовыи,
Пычуть рыбу---осетрыну
Богородыци на родыны.

Миколаю! (сл. Пря,
г. К., сл. Б., Ти, Сва, Св. Л.)

А.

А кто, кто Миколая любя,
А ше кто Миколаю служба,
Тому, святой Миколай,
На всякій часъ помогай!
Богородица Миколая любя,
Богородица Миколаю служба.
Богородица сына паралила,
Всѣхъ святыхъ до себѣ прасила.
Стали думать и гадать,
Какое имя Сыну дать.
Дали Ему имя святого Ивана.
Богородица не влюбила
И всѣхъ святыхъ исмутила.

А кто, кто,...

Дали Ему имя святое Рождество.
Богородица злюбила
И всѣхъ святыхъ обдарила (сл. Тя).

(Ср. Чуб. Т. 1, стр. 169—
170; Д.)

25.

Божая, маты, Божая сыла сына
родыла,
Породыла Суса Христа, Бога на-
шого.
У тыпли Богъ родывся, въ ясляхъ
спочывавъ,
Ирилытили два янголы зъ небесь
поючи.

«Достойна ты, Дива Марія, до-
стойна ты намъ!»

«Дай же цѣго младенца та на руки
намъ!»

Віють витры, віють буйни, весь
свить обнялы—

Иа къ Рождеству Христову сады
зацвилы,

Къ Василию, къ Новому Году рики
розлылысь. (г. К.). (Ср. Чуб.

Т. 3, стр. 336, № 64).

26.

Новая рада стала, якъ на неби
хвала,

Надъ артепомъ звезда ясна весь
свить осіяла.

Янголъ явввся, Исусъ отъ Дивы
родывся,

Що чоловікъ передъ Богомъ ры-
зою сповввся.

Пастушки зъ ягняткомъ передъ
тымъ дытяткомъ

На колинцяхъ прыпадають, Хрыста
сохваляють.

Два янголы въ неби хороше во-
спивають,

Хвалу воздавають яко на неби и
на земли.

Воздаемо мы хвалу врожденному
царю,

Яко царю рожденному, а Богу
презвышнему,

Мы раду спивалы, хвалу возда-
валы.

Пошлы, Боже, лита многи цему
господарю. (сл. Кя).

А.

Нова рада стала, якъ на неби хмара,
(котора на неби не бывала)
Надъ артепомъ звизда ясна весь
свить осіяла,
Де Хрыстось родывся, изъ Дивы
оплотывся,
(Чоловикъ передъ Богомъ пеле-
намы оповывся),
Пастушки-хлопьятки тамъ паслы
ягнятки
На колиньця прыпадады, Хрыста
Бога звысылялы,
Дай въ гуслы грамы, на вси струны
ударялы,
Хрыста Бога восхвалялы:
Хвала Тоби, Боже, и ты, Вышній
царю,
Пошлы многая лита сему, тому
господарю,
(Пошлы лито счаслыве сему гос-
подарю)
Ны ему самому—изъ жинкою ёго,
И зъ маленькымы диточкамы ёго.
(Сл. Б, Сва, Пъ).

Б.

Надъ вертепомъ звизда ясна весь
свить осіяла,
Весь свить осіяла, намъ радость
сказала:
Де Хрыстось родывся, съ Дивы
воплотывся,
Де Владыко пеленами самъ Богъ
оповывся.
Передъ тымъ Дитяткомъ пастухи
зъ ягняткомъ

На колина прыпадають, царя со-
хваляють:
Просымъ Тебе, Царю, небесь Го-
сударю,
Пошлы лито счаслыве сему госпо-
дарю. (сл. А.) (Ср. Чуб.
т. 3, стр. 330, № 59).

27.

Ой выды Богъ, выдыть,
Де мырь погибаетъ,
Архангылы Гаврылы
Благовястятъ на зорі:
Ны заходыть сонце ясно
Безъ дивыци частой.
Вдругъ звизда ясно осіяла,
Трои царивъ оказала.
Туда йшло трои цари,
Ныслы Хрысту Богу дары.
Туда йшовъ—засмутывся,
Видтиль йде—звысылывся,
Що намъ Хрыстось народывся.
У крыменьничка ступалы,
На колинычка впадады,
Хрыста Бога видшукалы.
Заривъ Иродъ та въ догаду
Къ люцепыру на пораду.
Ой ны бильше, ой ны меньше
Малыхъ дитокъ якъ двухлитокъ
выбивать.

Вы ны плачты, вы ирахрины,
Будуть въ раи ваши сыны,
Ой у раи у крымыни,
Ой на гори Авраами.
Добрый вечеръ! (Пря).

А.

Ой выдитъ Богъ, выдитъ Творецъ,
Яко мырь погибаетъ,

На какой день родился.
На небѣ зори ясны
Весь свѣтъ осіяли.
У Суса малыя дѣти—ангелята
Растворили царскія врата (сл. Тя).

30.

Йшла Марія лугомъ берегомъ—
(Шла Марія изъ монастыря).
Алылуя, алылуя! лугомъ
берегомъ.
Зострила Марія трои жидовья
(Зустрила Вона трое жидовьятъ)
Алылуя, алылуя! трои
жидовья.
Ой чи вы, жида, Христа мучили?
Алылуя, алылуя! Христа
мучили—
Ой ны мы, жидовья, Христа му-
чили—
Мучили жидовья—наши дидовья—
Алылуя, алылуя! наши
дидовья.
Ой наши дидовья—старе пред-
ковья—
Алылуя, алылуя!—старе
предковья.
Ой пишла Марія та на круту гору—
Алылуя, алылуя!—та на
круту гору.
Ой тамъ на гори кряжи кряжуютъ—
Алылуя, алылуя!—кряжи
кряжуютъ.
Кряжи кряжуютъ, церкву будуютъ.
Алылуя, алылуя! перкву
будуютъ.
(Будовалы церкви съ трема викнами,
Съ трема дверями, съ трема гла-
вами)

А въ тій церковци три гробы
стоить—
Алылуя, алылуя! три гро-
бы стоить.
Ой первый же гробъ—Сусъ Хры-
стосъ—
Алылуя, алылуя! Сусъ
Хрыстосъ,
Ой другой же гробъ—Йванъ Хры-
стытыль—
Алылуя, алылуя! Йванъ
Хрыстытыль,
А третій же гробъ—Дива Марія—
Алылуя, алылуя!—Дива
Марія (сл. Пря).
Надъ Исусомъ Хрыстомъ свичи
палають,
Надъ Иваномъ Хрыстытылемъ кни-
ги читають
Надъ Дивою Марією рожа процвита.
А съ тыи рожи та вылитивъ птахъ,
Та й полытивъ птахъ по пидь
небеса;
Уси небеса растворилися,
Та уси святы поклонилися.
Не есть же це птахъ, це есть
Сынъ Божій,
Що Винъ на весь свить людей
намножывъ—
Алылуя, алылуя! людей
намножывъ. (сл. А, Б, Кя,
Пп, Пъ, Ти, Тя, Сва)

* *
*

А наши дѣды на крестъ роспи-
налы—
Алылуя, алылуя! на крестъ
роспиналы,

А съ того креста капнула кривця—
Алылуя, алылуя! кап-
нула кривця,

А съ той кривци та вышла цер-
ковця—

А въ тій церкви три гроба ле-
жать и т. д.? (г. К.)

(Ср. Чуб. т. 3, стр. 353, № 82)

31.

А ю короля збыралася жидова,
Збыралася жидова раду радаты,
Раду радаты, якъ бы Хрыста вло-
выты,

А вловыти й умертвыты.

А умертвывши, у гробъ положыты,

На груды каминь навалыты,

А навалывши изъ гроба выниматы,

Та на древо роспынаты:

Руки й ногы гвоздемъ прибываты,

А на главу терновый винецъ на-
кладаты.

Прыйшла къ Нему Божая Маты:

Стала Его пытаты:

«За кого ты, Сынъ мій, страсть
прыймаешь?»

«Черезъ шо ты, Сынку, умыраешь?»

— Принимаю, Маты, муки й раны

За вси православни хрыстіяны.

Пишла Маты до домоньку,

Упалы слезы до долоньку.

Сила Маты вечеряты,

Положила рыбку на золоте блюдо:

«Якъ ця рыбка вострыпнеця,

«Тоди мій Сынъ воздыгнеця!»

Приславъ Господь ангела съ небесь:

«Ны плачь, Дива Марія, твій Сынъ
воскресъ.»

— А колы мій Сынъ воскресъ:

Слава тебѣ, Боже, помилуй мя
Боже!

(Алылуя, слава тебѣ Боже нашъ,
помилуй насъ!)

(г. К, сл. Сва, Пря, Тя, Шп, Та).

А.

Сбиралася громадонька,

Жидовская порадонька,

Хотѣли Христа умертвить,

Тѣло въ труну положить.

Гдѣ ни взялась Дѣва Марія

И спрашиваетъ Сына:

«За кого же ты, мой Сыне, уми-
раешь?»

— Мати моя Марія, ни за кого
я помираю:

— Я за весь міръ страсть при-
нимаю,

— Христову кровь проливаю.
(сл. Дв.)

Б.

Збыралыся жидовяне, збыралыся,
радылыся:

Якъ будемо судъ судыты,

Суса Хрыста въ гробъ положыты,

Купороснымъ древомъ грибъ на-
крыты,

Суса Хрыста уложыты.

Въ грибъ Его положили,

Купороснымъ древомъ грибъ на-
крылы.

Шла Божья Маты додому,

Падалы дрибны слезы до долу;

Сила Божья Маты вечеряты,

Зѣйла Божья Маты половипу рыбки.

Зиславъ Господь два янглы зъ
неба.

«Ны плачь, Божья Маты, твій
Сынъ воскресъ!»
— Колы мій Сынъ воскресъ,—
воскресне ця рыбка!
На тарильци рыбка стрыпыхнулася,
Божья Маты возжахнулася. (сл. Кя)
(Ср. Чуб. т. 3, стр. 366, № 90)

32.

Ой на гори та на осіянскій.
Тамъ стояла церковъ суборна,
А въ тій церкви Сусь Хрыстось
лыжыть,
А въ головахъ свичи горять,
А по бокахъ янголы стоять,
Та поють писню хырувымську, бо-
гословську.
Ой вы, люды, вы старіи!
Ны лайте жъ вы своихъ ди-
токъ,
Ны называйты жидовьятамы:
Жиды въ Бога проклятіи,
Вопы Суса Хрыста замучили;
На крестъ Его роспыналы,
Руци й нози прыбывалы,
Тырновый винець накладалы.
Прышла къ Нему Дива Марія
Божая Маты стала пытаты:
«Чи на вики, Сынку, умираешъ?

«За кого ты, Сынку, страсть прий-
маешъ?»
— Прыймаю, Маты, муки й раны
— За вси православны хрыстіяны.
(сл. Кбя)
Летила курка та зъ переулка
Та въ бабынь макъ. Дай, бабо,
пятакъ!
Якъ не дасы пятака, зарижу мо-
лодого быка—
Быка третяка, а свынку—за золоту
щетынку
Поведу до бабы въ макъ, повсть
свинка макъ,
А баби буде на помыны пятакъ.
А дасть баба пятакъ, куплю баби
быкъ— третякъ,
А не дасть пятакъ,—издохне быкъ
третякъ. (сл. Кбя).
Бигла тельця та й зъ березныця,
А въ бабы макъ. Дай, бабо, пятакъ!
Якъ не дасы пятака, возьму быка
третяка,
А кобылу за чубрыну та й поведу
на могылу,
А зъ могылы на тичокъ, куплю
соби пирижокъ,
А въ бабы выпросю соби рижокъ.
(сл. Кбя)

Отъ навечерія Рождества Христова до Богоявленія всѣ вечера на-
зываются святыми, а потому, по словамъ старухъ, въ теченіе этого періода
работать по вечерамъ грѣшно, позволяется лишь «драть перья» для по-
душекъ (отдирать отъ стволика пера бородки) и мять прядиво. Впрочемъ,
въ послѣднее время большинство крестьянокъ считаетъ святыми вечера
до Новаго только года, а отъ Новаго года начинаютъ и мычки мыкать
и даже прять.

6. Денабря 31-е.

Св. Меланіи. На «Меланки» пекутъ кныши, пироги и варятъ вареники съ творогомъ, которыми преимущественно и одѣляютъ «щедровальниковъ». Нѣкоторыя изъ придерживающихся старины хозяекъ рѣжутъ на этотъ день къ обѣду непременно черную курицу, «щобъ куры гарно неслись та плодылысь». (сл. Св.-Л.).

Вечеръ подъ Новый годъ называется «щедрый вечеръ». Съ наступленіемъ сумерекъ гурьбы дѣтей и взрослыхъ дѣвушекъ ходятъ по слободѣ и, подходя къ окну каждаго дома, кричатъ: «Дай, Боже, вечеръ добрый! чи защидруваты, вамъ?» И, получивъ согласіе, поютъ какую-нибудь изъ щедровокъ, за что хозяева даютъ имъ вареники, пирожки, блины, кныши, сало или другихъ съѣстныхъ припасовъ.

У зажиточныхъ крестьянъ пекутъ подъ Новый годъ много кнышей и раскладываютъ ихъ вокругъ на столѣ, а по серединѣ стола кладется самый большій кнышь съ грудочкою на немъ соли: богатый, моль, вечеръ, а потому и хлѣба должно быть богато. (сл. Кбя)

Щ е д р и в к и.

1.

Поведу въ кабочокъ, пропью за
пятачокъ. (г. К.).

Миланка ходила, Василька про-
сила:

А.

Василечку, нашъ татку, пусти насъ
у хатку!

Мыланкы ходылы, васылькы но-
сылы.

Мы жыта не жали—золотый крестъ
держали.

Васильку, мій батьку, пусти мене
въ хатку!

Золоту кадильницу, серебряну на-
крыльницу.

Я жыта ны жала—чесный крестъ
держала,

Кадитесь, люди: ось къ вамъ Хри-
стось буде.

Золоту кадильницу, стрибну на-
крыльницу.

Богу свѣчу ставыте, а намъ пи-
рогъ дайте!

Радуйтеса, люды, до васъ Хры-
стось буде.

Не дасте пирога,—возьму козу за
рога,

Богу свичу ставты, а намъ пиригъ
дайты!

Потомъ кричатъ въ окно: «выносить недохидъ довгій! безъ ручокъ, безъ
нижокъ, щобъ ны втикъ у снижокъ! (сл. Пбя, Кбя, Сва, Пт., Св.-Л.)

В.

Васылева маты ны йшла щедру-
 ваты:
 Въ престола стояла, честный крестъ
 держала и т. д. (г. К.).
 (Ср. Чуб. т-3, стр. 445, № 9).

2.

Мыланія риздванія, Мыланія пры-
 багата
 Дала на церкву стрибла, злата;
 Вона дала, накладала,
 Ныщихъ, убогихъ надиляла,
 Церквамъ верхы побиляла.
 Щедрый вечеръ!
 Пань—господарь, завыртай Христа!
 Й ты, царю, до сёго дому чоло-
 вика,
 Прыбавъ, Боже, ёму вика!
 Его жыни, диткамъ маленькимъ
 Й братикамъ й сестрыцямъ.
 Щедрый вечеръ!
 Пань—господарь, завыртай Христа!
 Й ты, царю, бережи, Боже, цёго
 товару,
 Цёго, того малого стадку!
 А намъ дайты за щыривку
 Або калачъ, або пиригъ.
 А за той калачъ заплаты багачъ,
 А за той пиригъ заплаты самъ
 Бигъ (сл. Пря).

3.

Пиду я крутымъ бырыжкомъ,
 Тыхымъ Дунаечкомъ,—
 Пиду я!
 Найду я тее древо зыленое,

Шо на Дунай плыве,—
 Найду я!
 На що жъ мини тее древо зы-
 леное,
 Шо на Дунай плыве?
 Луче мини мій батынько въ дому—
 Порадонька усюму,—
 Луче жъ мини!
 Пиду я крутымъ бырыжкомъ,
 Тыхымъ Дунаечкомъ—
 Пиду я!
 Найду я тее древо зыленое,
 Шо на Дунай плыве,—
 Найду я!
 На що жъ мини тее древо зы-
 леное,
 Шо на Дунай плыве?
 Луче мини моя матинка въ дому—
 Порадонько усюму,—
 Луче жъ мини! (сл. Пря).

4.

А въ Юрусалыми рано зазвоннылы,
 Рано зазвоннылы, людей побудылы:
 Уставайте, люды, до васъ Хри-
 стось буде,
 Богу свичу ставте, а намъ пиригъ
 дайте (г. К.).
 (Ср. Чуб. т. 3, стр. 480, № 62).

5.

Пане-господарю, Богъ тебе клыче:
 Застылай столы, клады калачи,—
 Боже пашъ, возрадуются вси свя-
 тыи—на небесахъ ¹⁾
 Буде до тебе тры гостя разомъ:
 Первый гость—свiate Рожество,

¹⁾ Этотъ припѣвъ поется послѣ каждого стиха.

А второй гость—святой Василий,
 А третій гость—Иванъ Креститель.
 Святе Рожество радость принесло,
 Святой Василий—съ Новымъ годомъ,
 Иванъ Креститель, шо воду святе—
 И съ василичкомъ, и съ кропичникомъ (г. К.)

А.

Пане — господарю, Богъ тебе
 клыче:
 Обмитай дворы, застылай столы,—
 Буде до тебы тры гости разомъ:
 А первый гость—святе Рожыство,
 А другой гость—святе Василья,
 А третій гость—Иванъ Хрысты-
 тыль—
 Иванъ Хрыстытыль воду охресты
 (сл. Пря).
 (Ср. Чуб. т. 3, стр. 453, № 19)

Припѣвъ: «щедрый вечеръ, добрый вечеръ, добрымъ людямъ на здоревье» поется въ Купянскѣ послѣ каждого стиха, а въ слободахъ Кабанья, Тополи, Петропавловка и Колодежная послѣ каждыхъ двухъ стиховъ. Затѣмъ пѣніе оканчиваютъ скороговоркою:

Дай, Боже, вечеръ добрый!
 Дайте пиригъ довгый,
 А хочь коротенькый,
 Такъ мачку повненькый,
 Безъ ручокъ, безъ нижокъ,
 Шобъ не побигъ у снижокъ.
 (Ср. Чуб. Т. 3, стр. 455, № 21.)

7.

А въ нашего пана Максима стояла
 береза, —

1) Повторяется послѣ каждого стиха.

6.
 Щедрый вечеръ! добрый вечеръ!
 Добрымъ людямъ на здоревье! ¹⁾
 Чи дома, дома панъ—господарь?
 (Ой чи дома, дома гырявый Хома?)
 А я знаю, що винъ дома,
 Сыдыть же винъ въ кинецъ стола.
 А на ёму шуба люба,
 А на шуби полсочокъ,
 А на поясочку калыточка,
 А въ тій калытоци симъ шия-
 жечкивъ.
 Сёму тому по шияжечку,
 А намъ, братци, по пирижечку.
 (А намъ малымъ диткамъ, по пи-
 рижечку,
 А старымъ бабамъ паляныци,
 Шобъ плодылысь быки и тылыци,
 Бараны и ягныци.
 Скільки кочечокъ, стільки дочечокъ;
 Скільки дубочкивъ, стільки сыноч-
 кивъ. (сл. Арб.).

Щедрый вечеръ! Добрый вечеръ!
 добрымъ людямъ на здоревье! ¹⁾
 Стояла береза ны тонка, высока;
 А на тій берези золота кора.
 Де-жь ны взялыся разныя пташки,
 Общекотурылы на тій берези зо-
 лотую кору.
 Та понесли до коваленка:
 «Ковальку—братыку, скуй намъ
 виночекъ,
 «А зъ остатку—золотую чарку.

«Я тымъ виночкомъ буду вин-
чатися,
«Я буду тую чаркою частуватися.
(г. К.)
(Ср. Чуб. т. 3, стр. 471, № 40).

8.

Щедрий вечерь! Добрий вечерь!
добримъ людямъ на здоровье! ¹⁾
Вылитивъ сокиль зъ вырїя на
двирь,
Та й сивъ сокиль на виконьчко,
Та й дывитця въ нову свитлоньку:
Ище свитлонька неметеная,
Въ Маши кисонька печесаная.
Вона на батенька розгивалася:
Краялы сукню та й покоротылы,
Чобитки шила та й помалылы,
Папчошки плелы та й поузылы,
Кисоньку плелы та й не вгодылы.
(г. К.)

А.

Прилитивъ сокиль изъ Кїева та на
двирь,
Та й сивъ пидь окошечкомъ,
Поглядае та на свитлоньку.
Ой чомъ свитлонька та не метена,
Ой чомъ Сашенька та не чесана?
Не чесалась, не умывалась,
Розсердилась та на батеньку,
Та на батеньку, та на матишку:
Башмачки шили—помалыли,
Платья шили—покоротили,
Шубку шили—поузыли;
Меньшей сестрѣ угодили:
Обризочки та на квиточки.

¹⁾ Повторяется послѣ каждого стиха.

Бувай здорова, Сашенька, со всѣмъ
родомъ! (г. К.)

Б.

Вылитивъ соколь та сподь небесъ
и т д. (хут. Н. С.)

9.

Ой рано, рано куры запилы,
А ще ранїше Василько уставъ
Та лучкомъ забряжчавъ,
Стрилкою зазвонивъ,
Братцивъ побудувъ:
Вставайте, братци, та кони сидайте,
Бо назнавъ я, братци, куну въ
дерыви
И дивку въ терыми;
Ныхай вамъ, братци, купа въ де-
рыви,
А миши, молодому, дивка въ те-
рыми (г. К.)
(Ср. Чуб. т. 3, стр. 439, № 1)

10.

Щедрикъ—петрыкъ, дайты
варенькъ,
Грудочку кашки, кильце ковбаски,
Ище того тришки, дайты горщокъ
лымишки;
Ище того мало: дайты кусокъ сала;
Дайты кышку—визимъ у затышку;
Дайты ковбасу—я додому понысу.
(сл. Пря, Куз, Кя).

А.

Щедрикъ—ведрикъ, дайте варепикъ,
Ложку кашки, кильце колбаски,

Пиригъ безъ рукъ, безъ нигъ,
щобъ не втикъ у снигъ;
Або съ руками, съ ногами, щобъ
бигъ за нами.
Не дасте пирога, озьму вола за
рога.
Поведу въ кабачокъ—пропью за
пятачокъ (г. К.)
(Ср. Чуб. т. 3, стр. 477, № 55).

11.

Бигла тылычка та зъ бырезнычка,
Та въ дядинъ двирь.
Я тоби, дядю, защедрую, дай пи-
ригъ!
Якъ ны дасы пирога, —возьму вола
за рога,
А кобылу за чубрыну, та выведу
на торжокъ,
Та й продамъ за шажокъ, та й
куплю пирожокъ (сл. Пря).
(Ср. Чуб. т. 3, стр. 479, № 59).

12.

Лытила курка
Та съ пырвулка,
Та въ бабинъ макъ.
Я тоби, баба, защедрую,
Дай пятакъ! (г. К, сл. Дв, Пря, Пп.)

13.

Сюды гора, туды нызъ,—
Добрийвечерь! Дайты кнышь! (сл.
Пря)

Ой на ричци на Йордани
Тамъ Пречиста рызы прала,—

Щедрый вечеръ (добрий вечеръ)-
добрымъ людямъ на здоровья!
Вона прала, вымахала,
А поправши повисила на калыни,
на ялыни,—
Щедрый вечеръ! добрий вечеръ!
добрымъ людямъ на здоровья!
Де взялыся (прылытылы) янголята,
Взялы рызы на крылята,—

Щедрый....

Та й понесли попыдъ небеса,—

Щедрый....

Вси небеса раствориыся,—
Вси святи поклонныыся,—
Щедрый вечеръ! добрий вечеръ!
добрымъ людямъ на здоровья!
(г. К, сл. Дв, Куз, Св. Л, Гоп.).

А.

Ой на ричци на Йрдани—
(Ой на ричци та й на Ордапи)
Щедрый вечеръ, добрий вечеръ!
добрымъ людямъ на зоровья (на
весь вечеръ!) ¹⁾

Тамъ Прычиста рызы прала,—
А поправши, полоскала,—
А пополоскавши, повишала
На калыни, на ялыни и п. д.

Ой сивъ Хрыстось та вечераты,—
Щедрый вечеръ! добрий вечеръ!
добрымъ людямъ на здоровье ²⁾
Та прыйшлакъ Ёмута Божая Матерь:
Ой дай, Сынку, золотіи ключи—
Одмкнуты рай и пекло,—
Та выпустыты гришніи души.

¹⁾ Призывъ поется послѣ каждаго стиха. (Сл. Ар, Сво, Пря, Кбл, Тя, Та, хут. Н. С. М.)
Ср. Чуб. Т. 3, стр. 442, № 7).

²⁾ Повторяется послѣ каждаго стиха. Одна изъ самыхъ распространенныхъ въ Ку-
пянскомъ уездѣ щедринокъ. (Ср. Чуб. Т. 3, стр. 481, № 63).

А одну душу та не выпуститы,—
Що отцу й неньци прогрубыла,—
Ныдыльнюку проснидала,—
А въ пятинку проспивала,—
А въ серыду косу чысала,—
А въ вылыкый писть проплясала.

А.

Ой сивъ Хрыстось вечеряты,—
Пришла къ Ему Божа Маты:
Ой дай, Сынку, золоти ключи,—
Изъ пекла въ рай праведни души
выпуститы,—

А едни души та не выпустю,
Бо та душа силно согрѣшила:
А въ недилю рано поснидала,—
А въ пятницю рапо проспивала,—
А ётца й неньку та налаяла,—
Нэ такъ налаяла, якъ подумала.

Б.

Выпуститы праведни души,—
А гришни ны выпускаты:
Перва душа согришила:
Въ пятинку рано проспивала;
Друга душа согришила:
Въ ныдилю рано поснидала;
Третья душа согришила:
Въ серыду косу чесала (хут. Н.-С).

В.

Адну душу да не выпушшу:
А въ пятенку рано ѣла,
А въ субботу до всходь солнца,

Наканунѣ Нового года деревенская молодежь «парубки и дивчата»,
почти повсемѣстно гадаеть:

1. Беруть пирогъ, выходятъ съ нимъ за ворота и слушаютъ, въ
какой сторонѣ залаютъ собаки, въ ту сторону выходить дѣвкѣ замужъ,
а царню въ той сторонѣ брать жену.

Въ воскресенья да званенья. (сл. Тя).

Мосты золотіи,—

Господы, помылуй!

Туды ишло та тры черныченькы.

Господы, помылуй!

«Де вы булы, Божіи трудовныци?»

Господы, помылуй!

— Булы и бувалы въ Юрусалыми.

Господы, помылуй!

«Шожъ вы выдалы, Божіи тру-
довныци?»

Господы, помылуй!

— А мы выдалы, якъ душа съ
тиломъ розставалася,—

Господы, помылуй!

Розставалася та й и не прощалася:

Господы, помылуй!

Оце тобы, тило, що ты рано йла;

Господы, помылуй!

Оце тоби, главо, що ты много знало;

Господы, помылуй!

А тоби, душе, чомъ ты не терпала.

Господы, помылуй!

Оце тоби, тило, въ земли приты;

Господы, помылуй!

Оце тоби, главо, въ огни гориты;

Господы, помылуй!

А тоби, душе, въ смоли кипиты,—

Господы, помылуй!

Въ смоли кипиты: вискъ муку тер-
питы.

Господы, помылуй! Госпо-

ды, помылуй! Господы, помылуй!

(сл. Св.-Л.).

2. Вышедши за ворота, замѣчаютъ, какое изъ домашнихъ животныхъ первое попадется на глаза и по немъ заключаютъ о своей будущей семейной жизни. Если увидятъ, напр, собаку, то семейная жизнь будетъ незавидна и бѣдна,—будетъ житье собачье, а если попадется овца—жизнь будетъ тихая и безбѣдная.

3. Ходятъ слушать подъ окна и по услышаннымъ словамъ судятъ о томъ, что ожидаетъ ихъ въ наступающемъ году.

4. Спрашиваютъ у прохожихъ имя,—такое имя будетъ имѣть и мужъ или жена.

5. Бросаютъ черезъ ворота, плетень или черезъ голову спятыи съ ноги сапогъ или башмакъ, и куда онъ упадетъ носкомъ, въ ту сторону дѣвкѣ идти замужъ, а парню тамъ брать себѣ жену.

6. Считаютъ полѣнья принесенныхъ въ хату дровъ, если ихъ окажется четное число,—предстоитъ свадьба.

7. Зажмуривъ глаза, берутъ изъ кучи дровъ одно полѣно,—если окажется въ корѣ, прямое гладкое и безъ сучьевъ, то суженый со всѣми достоинствами: и богатъ, и красивъ, и добръ, полѣно безъ коры предназначаетъ бѣдняка.

8. Также гадаютъ и по кольямъ плетня. Если попадется кольъ высокй и въ корѣ, то и мужъ будетъ высокаго роста и богатъ, и т. п.

9. Или считаютъ колья плетня, причемъ, хватаясь за каждый, говорятъ: чи за удивца, чи за молодца. Что придется на крайний кольъ: удивца или молодца, таковъ будетъ и суженый.

10. Выдергиваютъ изъ крыши соломинку. Если окажется съ колоскомъ, а особливо если въ колосѣ найдется зерно,—жизнь предстоитъ богатая.

11. Насыпаютъ подъ воротами три кучки зеренъ жита (ржи). Если на утро жито будетъ цѣлое, ожидаетъ счастливая жизнь, въ противномъ случаѣ, когда кучки потревожены или уничтожены, не жди ничего добраго.

12. Беретъ дѣвушка въ передникъ жита и идетъ на то мѣсто, куда выбрасываютъ соръ изъ хаты, и тамъ начинаетъ посыпать житомъ, приговаривая: «съ кымъ мени це жито жаты, съ тымъ мени и вику доживаты.» Суженый долженъ въ эту ночь присниться.

13. Насыпаютъ въ хатѣ на полу кучки зерна, тамъ же ставятъ въ покрывкахъ воду, приносятъ изъ курятника пѣтуха и куръ и смотрятъ, чья курица или чей пѣтухъ что начнетъ дѣлать: ѣсть-ли, пить-ли, пѣть-ли, драться съ другими или же прятаться, по этому и заключаютъ о своемъ суженомъ или своей суженой.

14. Кладутъ подь головную подушку гребешокъ и, когда ложатся спать, говорятъ: «сужыный—ряжныи, розчыши мини голову!»

15. Дѣлаютъ на тарелкѣ съ водою изъ прутьевъ вѣника мостикъ, ставятъ этотъ мостикъ подь кровать и, когда ложатся спать, приглашаютъ суженаго-ряженаго явиться и перевести черезъ мостъ.

16. Ложась спать, кладутъ въ одинъ сапогъ или башмакъ кусочекъ хлѣба, а въ другой—кусочекъ кирпича отъ печки. Утромъ, при обуваніи, если возьмется прежде сапогъ съ хлѣбомъ, то наступившій годъ будетъ благополучный, проживется счастливо, а если попадетса сапогъ съ «печиною», то годъ будетъ несчастливый даже роковой.

Гадаятъ также и о томъ, каковъ будетъ наступающій годъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи, урожайный или неурожайный, дождливый или сухой.

Кладутъ въ одинъ изъ сапоговъ хозяина кусочекъ хлѣба, въ другой—уголь, и заставляютъ кого нибудь изъ дѣтей взять и подать одинъ изъ этихъ сапоговъ хозяину. Сапогъ съ хлѣбомъ предзнаменуетъ урожай, сапогъ съ углемъ—голодъ.

Насыпаютъ на тарелку зеренъ разныхъ хлѣбныхъ растений, отдѣльно кучками, или втыкаютъ въ хлѣбъ колоски разныхъ хлѣбовъ: ржи, пшеницы, ячменя, овса, и выносятъ изъ хаты на ночь на дворъ. Роса на какомъ-либо хлѣбѣ, или колоскѣ, найденная утромъ предвѣщаетъ урожай этого хлѣба; если же всѣ кучки зеренъ, или всѣ колоски, окажутся сухими,—ожидай сухого и неурожайнаго года.

Очищаютъ 12-ть луковицъ (цибули) отъ верхнихъ чешуекъ, насыпаютъ на каждую луковицу по кучкѣ соли и кладутъ ихъ на ночь на печь. Смотря по тому, на какой луковицѣ за ночь соль смокрѣетъ, такой по счету мѣсяцъ будетъ дождливый.

Существуетъ повѣрье, что въ ночь подь Новый годъ (по другимъ—подь Рождество) рогатый скотъ получаетъ даръ слова и между собою разговариваетъ, но только разговоры этихъ не должно подслушивать. Вздумалось одному крестьянину подслушать, что говорятъ его волы ночью наканунѣ Нового года. Подошелъ онъ къ загородѣ гдѣ стояли у него волы, и слышитъ: «ложись-ка, братуха, отдохнемъ», говорить одинъ волъ другому.—Чего ложиться?! завтра праздникъ: успѣемъ за день отлежаться, возражаетъ ему другой. «Нѣтъ, братуха, не успѣемъ: завтра предстоить намъ тяжелая работа, придется везти своего хозяина на кладбище, такъ какъ онъ къ утру умретъ!»

Подслушивавшій ихъ разговоръ дѣйствительно къ утру померъ, а къ вечеру отвезенъ былъ въ кладбищенскую церковь. (сл. Св—Л).

5. Я н в а р ь 1-е.

Новый годъ. Св. Василия. На Новый годъ, послѣ утрепи, мальчики—посыпальники ходятъ изъ дома въ домъ посыпать хлѣбными зернами и горохомъ хозяевъ и поздравлять ихъ съ Новымъ годомъ, съ пожеланіемъ счастья, здоровья и урожая. Въ селеніяхъ, гдѣ нѣтъ церкви, крестьяно на Новый годъ будятъ своихъ сыновей «хлопцивъ» чуть свѣтъ и при этомъ говорятъ обыкновенно: «Вставай, сыну! годи тобі спаты: уже пора посыпаты». Сынъ встаетъ, одѣнется, приберется какъ слѣдуетъ, возьметъ зранѣе приготовленную имъ самимъ для этого случая вывязанную рукавицу, навалитъ ее зерномъ пшеницы, ржи, ячменя и гороха и станетъ противъ иконъ. Тогда отецъ говоритъ ему: «посыпай, моя дытыно, упередъ дома, а тоди пидышь до людей посыпаты и поздравляты зъ Новымъ годомъ та зъ новымъ щастямъ!» Мальчикъ правою рукою изъ рукавицы зерна, бросаетъ ихъ на иконы и во всѣ стороны, приговаривая: «На щастя! на здоровья! Роды, Боже, жыто, пшеницю и всяку пашныцю! Будты здоровы зъ Новымъ годомъ та зъ Васыльемъ!»—Ну, спасибѣ тобі, сыну, за то, шо ты насъ обсыпавъ щастямъ; на жъ тобі грошъ, та будь скрызъ харошъ! говоритъ отецъ, подавая сыну мѣдную монету. Послѣ этого мальчикъ отправляется посыпать по чужимъ хатамъ, начиная съ крайнихъ хатъ села и, присоединяясь къ другимъ посыпальщикамъ, обходить вмѣстѣ съ ними все село, заходя почти въ каждую хату.

Первыхъ посыпальниковъ обязательно принимаютъ, а послѣдующимъ нерѣдко и отказываютъ, не впускаютъ въ хату, потому что каждому посыпальнику нужно что-нибудь дать: копѣйку, пряникъ, пирогъ или хотя пампушку, а какъ въ большой слободѣ являтся не одинъ десятокъ мальчиковъ съ поздравленіемъ, то, въ виду значительнаго расхода на благодарность за посыпаніе, предъ ними просто запираютъ дверь. Перваго посыпальника хозяйка сажаетъ на хатнемъ порогѣ и раззуваетъ, чтобы у нея куры лучше плодился, чтобы было больше квочекъ (насѣдокъ), а хозяйка въ это время беретъ кочергу и начинаетъ стонять ею съ грища (чердака) куръ, чтобы онѣ начинали скорѣе нестись (сл. Н-Н).

Въ Купянскомъ уѣздѣ «посыпальницъ» извѣстно весьма мало и содержание всѣхъ ихъ исчерпывается одною господствующею въ жизни земледѣльца мыслью: тревожной думою о будущемъ урожаѣ хлѣба. Въ нихъ сообщается хозяину радостная увѣренность въ осуществленіе его надежды на урожай, указаніемъ на участіе святыхъ и даже самого Бога въ посѣвѣ хлѣбовъ, и рисуется свѣтлая картина предстоящаго изобилія.

Такъ святой Илья жито сiявъ.
Дождыкъ ишовъ: жито росло,—
А въ поли ядро, а дома добро.
(с. Кбiа). (ср. Чуб. Т. 3, стр. 451,
№ 15).

4.

Ходыть Илья на Васыля (на ве-
силы),
Носыть пугу житяную;
Куды ны махпеть,—
Тамъ жито ростеть:
Жито й ишениця,
Й всяка пашныця.
Й сяды махне—жыто росте,
Й туды махне—пшыныця росте
(Пря).
А въ поли ядро,

А въ доми добро;
На огороди стоги,
Въ печи пироги.
Василева маты
На престоли стояла,
Чесный крестъ держала.
А вы, люды, знайте,
Богу свичу дайте,
А намъ, малымъ диткамъ,
По пирижку дайте! (г. К, сл. Ар,
Ав, Куз, Пря).

А.

Ходя Илья на Васыля,
Нося пугу жительскую.
Туды кивну, туды махву:
Зароди, Божа, жита, пшаницы
На всякаю кашаницу (сл. Тя).

По количеству зеренъ разнаго рода хлѣба, оставшихся послѣ пер-
ваго посыпальника на столѣ и по всхожести всѣхъ вообще хлѣбныхъ
зеренъ, собранныхъ послѣ посыпальниковъ въ хатѣ, судяты о предстоя-
щемъ урожаѣ хлѣбовъ. Для этого обращаютъ вниманiе, а не то просто
пересчитываютъ число зеренъ каждаго хлѣба отдѣльно, оставшихся на
столѣ,—и какаго хлѣба окажется больше зеренъ, на тотъ хлѣбъ будетъ
въ наступившемъ году лучшей урожай, а поэтому и слѣдуетъ, молъ,
сѣять его въ большемъ количествѣ. Иные хозяева, когда дѣти пере-
станутъ являться съ посыпанiемъ, собираютъ всѣ разбросанныя по хатѣ
зерна и, наполнивъ какую—нибудь миску пескомъ, садятъ туда собран-
ныя зерна и поливаютъ хорошенько. вмѣсто миски, другiе сѣютъ въ
песокъ, пасыпанный на подоконникѣ. Если зерна хорошо прорастутъ,—
будетъ урожай, а если плохо,—будетъ недородъ хлѣба. Остальныя хлѣб-
ныя зерна отдаются курамъ, что-бы лучше неслись, а горохъ хранится
до весны, когда этимъ горохомъ «и заготовуютъ маненькихъ гусятъ, щобъ
скорише росли и ны глази булы (Пря)».

Стоя во время заутрени на Новый годъ въ церкви, замѣчаютъ, какъ
горятъ въ паникадилѣ свѣчи. Если при этомъ фитиль горячей свѣчи
изгибается крючкомъ, то будетъ урожайный годъ, а если сгараеть прямо,—
жди неурожая.

Въ теченіе Рождественскихъ святокъ «смитья» (сорь) изъ хаты не выносятся, чтобы не вынести вмѣстѣ съ нимъ и Доли, но собирается въ одно мѣсто къ покути (красному углу).

Рано по утру на Новый годъ выносятъ этотъ соръ въ садъ подъ деревья и зажигаютъ его тамъ, чтобы окурить дымомъ всѣ плодовые деревья, «щобъ гусеницы не було». Въ это же время обыкновенно пугаютъ старыя безплодныя яблони и груши тѣмъ, что ихъ срубятъ, если онѣ и въ наступившемъ году не принесутъ плодовъ. Продѣлывается при этомъ слѣдующая сцена: «Хто-нибудь изъ женскаго пола иде въ садъ и сядъ тамъ пидъ яблоню и сыдыть сзадю; а хто-нибудь изъ мужикивъ бырѣ сокрыу и иде зъ нею въ садъ, щобъ зрубаты ту яблоню. Прыйдѣ мужикъ до яблони и каже: «яблоня, яблоня! я тыбѣ зрубак!» А та жипка; вмѣсто яблони, и каже: «ны рубай мене, хозяинъ: я тоби одынь годъ ны вродю, а симъ годъ уродю». Отъ той мужикъ и ны рубаетъ вже тѣмъ яблоню, за то, шо вона общалась уродыты яблоки. Такъ воно и дѣтця, шо яблука одынь годъ ны вродятъ, а симъ годъ пидспилъ уродыть. (сл. Н-Н). Въ другихъ слободахъ, пугая дерево, несмотря на его обѣщаніе родить, все же дѣлають на немъ топоромъ три продольныхъ по стволу насѣчки.

Существуетъ у крестьянъ повѣрье, какъ проведешь день Нового года, что въ теченіе этого дня будешь дѣлать, такъ проведешь и цѣлый годъ и то, что дѣлалъ на Новый годъ, придется часто дѣлать и въ теченіи всего года. По этому богобоязненные старики и старухи говорятъ: пиду до церкви, щобъ Господь пославъ цѣлый годъ ходыты», а любящіе выпить, «напыюсь сѣгодня горилки, щобъ цѣлый годъ пыты».

На Новый годъ за обѣдомъ не позволяютъ дѣтямъ пить воду, чтобы они лѣтомъ въ дорогѣ или во время полевыхъ работъ не испытывали сильной жажды. Въ старину, когда въ уѣздѣ еще чумаковали, отецъ, сѣвши за столъ обѣдать, бралъ пирогъ и, подавая его сыну, говорилъ: на тебѣ пирогъ, ѣшь да помни! если случится тебѣ зимою сбиться съ дороги во время мятели, то вспомни, съ чѣмъ ты ѣлъ на Новый годъ пирогъ,—и отыщешь дорогу.

Въ другомъ мѣстѣ (см. статью В. Щ. Пшца и питье крестьянъ-Куп. у). дано уже подробное описаніе состава обѣденнаго стола у малороссовъ К. у, поэтому мы ограничиваемся здѣсь приведеніемъ только разсказа крестьянина—великоросса, жителя слободы Ново-Николаевки, гдѣ населеніе смѣшанное изъ велико—и малороссовъ, обѣ обѣдѣ на Новый годъ у самого разсказчика:

«Пришли мы: я, жена и дѣти, изъ церкви отъ обѣдни, вошли всё въ хату, перекрестились; я обратился къ старику-отцу и къ матери и сказалъ: «поздравляю васъ, батюшка, и васъ матушка, съ Новымъ годомъ и съ новымъ здоровьемъ!» А они мнѣ отвѣчаютъ: «также и тебя, сыночекъ, поздравляемъ съ Новымъ годомъ и дай табѣ, Господи, и твоей жанѣ и дѣткамъ счастье и таланъ, и доброе здоровье!» Вслѣдъ за мною также поздравили стариковъ жена и дѣти. А отецъ въ это время раздувалъ огонь въ черепкѣ и сыпалъ на огонь ладанъ. Потомъ поставилъ черепокъ на покутъ, тогда всё, помолившись Богу, сѣли за столъ, каждый на свое мѣсто, а столъ былъ покрытъ чистою скатертью и на немъ находились хлѣбъ, солонка и пожъ. Едва мы усѣлись, какъ отворилась дверь и вошелъ сосѣдскій мальчикъ, а мой крестникъ, и, пройдя къ столу, началъ посыпать къ образамъ рукою зерна ржи, пшеницы и гороха, приговаривая: «на счастье, на здоровье, на Новый годъ! Зроди, Боже, жито, пшеницу и всякую пашницу. Здравствуйте, съ праздникомъ, съ Новымъ годомъ, съ Василичкомъ!» Мы сажали его обѣдать, но онъ не хотѣлъ. Тогда я всталъ далъ ему пятакъ и проводилъ его. Отецъ тѣмъ временемъ нарѣзалъ и разложилъ всё хлѣба, а жена—разложила ложки и подала на столъ борщъ въ черепахой мискѣ. Борщъ былъ съ кислую капустою и свиной. Отецъ взялъ бутылку съ водкою, налилъ рюмку и поднесъ сначала матери, но она не взяла, а ему отослала. Тогда отецъ перекрестился и сказалъ: «будьте здоровы! Дай, Богъ, чтобы намъ весь годъ водку пить!» и выпилъ одну за другой двѣ рюмки. Потомъ мать, я и всё выпили также по двѣ рюмки. Отецъ говорить: «на Новый годъ не годится пить по одной, а надо по двѣ для того, чтобъ старые въ парѣ жили, а молодымъ—пара была». Потомъ отецъ взялъ ложку, перекрестился и сказалъ: «Господи, благослови ястіе сіе! а набирая прибавилъ: «ой та густо! и ложкою не повернешь». Это,—щобъ весь годъ густо было. Послѣ борща подали холодецъ, изъ свинины сваренный и застуженный въ деревянной мискѣ, такъ его и подали на столъ, а здѣсь полили сверху бураковымъ квасомъ съ тертымъ хрѣномъ. Всё ѣли и прихваливали. Я и говорю сыновьямъ: «вотъ—то—то, дѣтки, нада глядѣть худобку! Вотъ Богъ далъ дождали праздника, анъ есть чѣмъ поскоромиться!» Мать начала рассказывать, какъ въ старину все замѣчали: зарѣжутъ напр., осенью кабана и смотрятъ, если у него коса (поджелудочная железа) отъ головы толще, то зима съ начала будетъ глубокая,—по серединѣ толстая коса,—середина зимы будетъ морозная и снѣжная, къ концу толстая коса и зима къ концу будетъ крѣпкая; если же коса ровная, то и зима будетъ ровная. А то вотъ подъ Новый годъ будетъ хлѣбъ, втыкають въ него

по колоску ржи, пшеницы, ячменя, проса, овса, выносят на дворъ и оставляютъ тамъ на ночь, а на другой день смотрятъ, на какомъ изъ колосковъ больше инею, тотъ хлѣбъ наделъ сѣять. А вотъ мы вчера вечеромъ и забыли это сдѣлать. Въ прошломъ году у насъ упалъ иней на ячмень и на просо, вотъ они и уродили и мы съ кашей, а пшеницу хотя и сѣяли, а она и не уродила, какъ и на колоску пшеницы иней не было. Но отецъ перебилъ: «полно, старуха, то хахлацкія вытѣйки: прежде жили меньше знали, да хлѣбъ то лучше родилъ. Послѣ холода подали вареники съ сыромъ, политые масломъ. Отецъ взявъ вареникъ да и говоритъ: «вареники-мученики, сыромъ вамъ бока набивали, масломъ очи заливали, въ чавунѣ кипѣли, за насъ грѣшныхъ муку терпѣли». Поѣли варениковъ, подали блиновъ и тарелку сметаны, а затѣмъ миску молочной лапши; отъ мяса же всё отказались: оставили на ужинъ. Во время обѣда отецъ никому не позволялъ пить воду, говорилъ: «коли на Новый годъ за обѣдомъ покрѣпишься, то и весь годъ будешь легко переносить жажду». Пообѣдавши, встали, помолились Богу; отецъ полѣзъ на печь, жена стала прибирать посуду, а мы пошли на улицу».

—На Новый годъ нельзя «сыкатыця, щобъ куры стоговъ ны громадылы; нельзя грызть подсолнечныхъ сѣмяпъ, чтобы воробы не выклѣвывали подсолнечниковъ. (сл. Пря).

—Иней на деревьяхъ или выпавшій на Новый годъ снѣгъ предзнаменуютъ урожай.

—Какая сторона неба будетъ на этотъ день покрыта тучами, въ той сторонѣ слѣдуетъ ожидать хорошаго урожая (сл. Гонч.).

7. Январь 5-е.

Голодный святвечеръ (голодна кутя) Канунъ Богоявленія называется «Голодный святвечеръ», такое названіе онъ получилъ оттого, что крестьяне въ этотъ день голодаютъ, то есть ничего не ѣдятъ до освященія воды, что бываетъ къ вечеру.

Постъ въ этотъ день соблюдается до того строго, что, не говоря уже о взрослыхъ, даже дѣти ничего не ѣдятъ до вечера, пѣкоторые крестьянки не кормятъ даже и грудныхъ младенцевъ.

Когда принесутъ освященной воды, хозяинъ дѣлаетъ изъ васильковъ кропило, наливаетъ этой воды въ тарелку и кропитъ ею сначала все въ хатѣ, а потомъ во всѣхъ надворныхъ постройкахъ; при этомъ обыкловенно вмѣстѣ съ хозяиномъ ходитъ кто-нибудь изъ дѣтей, мальчикъ или дѣвочка, и носить на тарелкѣ, а то просто подъ мышкой, пирогъ, а въ рукѣ ку-

сокъ мѣлу. Какое мѣсто отецъ покропить водою, на томъ мѣстѣ, вслѣдъ за нимъ, сынъ пишетъ мѣломъ крестъ. Кресты пишутся въ хатѣ на дверяхъ, окнахъ, мебели и посудѣ; а во дворѣ на дверяхъ всѣхъ построекъ и на всѣхъ земледѣльческихъ орудіяхъ. Окропляютъ освященной водою рогатый скотъ, овецъ и лошадей, не кропятъ только свиней и куръ.

У однихъ принято при писаніи крестовъ откусывать отъ пирога: мальчикъ напишетъ крестикъ и тотчасъ же откуситъ отъ пирога небольшой кусочекъ и съѣстъ, такъ послѣ каждого крестика долженъ онъ непременно проглотить хоть одну крошку пирога; у другихъ же только обносятъ пирогъ, а по окончаніи кропленія, съѣдаютъ всей семьей въ началѣ ужина. Меньшинство же сначала ужинаетъ, а затѣмъ, поѣвши кутьи, обходить уже съ кропиломъ и мѣломъ дворовыя постройки.

«У насъ, якъ святятъ воду, то вси бижать зъ глечиками та зъ выдрами браты воды свяченои. А послѣ водосвяття нысутъ ту воду до дому и нальвають у кропыло святой воды и роблять изъ васылькнв вихотъ и тымъ вихтемъ кроплять по всему дому. А тоди отецъ симейный быре кропыло и иде скрозь по двору, та якъ махне де нубудъ вихтемъ на двери то й хрестыкъ напише крейдю, а хлопчикъ або дивчина носе слидомъ пирогъ па тарильци та й кусае его потрошку, поки скрызъ обійдутъ и кроплять уси постройки, а также худобу усякого рода. Тоди уся симья начинае обидаты, а обидъ діется довго, богато наварюють стравы. А якъ обидаютъ, то одну ложку лышню кладуть на стиль и кльчуть мороза обидаты, шобъ вниъ тією ложкою ивъ. А якъ кльчуть, то кажуть у викно: «морозе, морозе! иды до насъ обидаты, та ны морозъ нашої пшыпыци и всякой пашныци!» (хут. Егоровка). Въ иныхъ слободахъ мороза кльчуть при концѣ ужина, когда подадутъ кутью. Набравъ въ ложку кутьи, хозяинъ подходитъ къ окну и говорить: «морозе, морозе! иды до насъ куты исты, а нейдешъ, такъ не приходъ и не морозъ жита та пшеныци, проса та гречки, ягвятъ та телятъ, гусенятъ та цыплятъ, а тико йды на живоцьку цыбулю!».

Послѣ ужина кто нубудъ изъ молодежи беретъ макогонь, выходитъ на дворъ, бьетъ макогономъ въ святой уголъ своей хаты а иногда, сверхъ того, и у сосѣда, и говоритъ: «геть, кутя, съ покутя, а ты озваръ, иды на базарь!» У другихъ выносятъ на дворъ горшокъ отъ кутьи и, сказавъ приведенныя слова, бросаютъ его и разбиваютъ о ворота. У кого есть ружье, тотъ дѣлаетъ въ заключеніе три выстрѣла.

По окончаніи вечера хозяйка кладетъ въ особый горшочекъ по три ложки всякаго кушанья—это для Доли, которую въ этотъ день каждый можетъ увидѣть, стоитъ только выйти за ворота въ то время, когда не-

суть отъ церкви освященную воду,—послѣдній несущій воду и будетъ Доля того, кто смотреть.

Послѣ ужина всѣ кладутъ свои ложки въ миску отъ кутьи, а сверху на нихъ хлѣбъ, чтобы родилъ хлѣбъ. Чья ложка ночью перевернется, тотъ въ текущемъ году умретъ. Оставшуюся отъ ужина кутью, выносятъ курамъ, чтобы птицъ въ дворѣ было столько, сколько было людей около церкви на водосвятіи.

Вода, освященная въ навечеріе Богоявленія, «вечерняя вода», считается болѣе святой, чѣмъ крещенская, говорятъ она «зглядлива на всякое лыхо».

— Если на голодный святвечеръ темно, будетъ хорошій урожай на гречку.

— Если на этотъ день идетъ снѣгъ, жди урожая также гречки: идетъ снѣгъ утромъ, уродитъ ранняя, въ полдень—средняя, вечеромъ—поздняя.

7. Январь 6-е.

Крещеніе (Богоявленіе Господне). Въ полночь подъ крещеніе вода въ рѣкѣ, какъ вѣрятъ крестьяне, волнуется, поэтому нѣкоторые изъ нихъ ходятъ наблюдать это явленіе съ тѣмъ, чтобы, тотчасъ послѣ волненія воды, набрать ее въ сосудъ, какъ весьма цѣлбную воду, имѣющую большое примѣненіе въ хозяйствѣ при разныхъ видахъ заболѣванія людей и скота.

Гдѣ есть рѣка, тамъ къ Крещенію дѣлаютъ изо льда кресты, а также вырубиваютъ на рѣкѣ во льду, до половины толщины его, большой крестъ съ тремя отверстіями до воды. А чтобы вода черезъ эти отверстія не выходила наружу на ледъ, затыкаютъ ихъ небольшими колышками. Очищенное около вырубленного во льду креста мѣсто обставляется ледяными крестами, сосенками, а иногда дѣлается здѣсь изъ льда сооруженіе въ видѣ часовни. Предъ тѣмъ, какъ священнику погружать крестъ въ воду, сказанные колышки вынимаютъ изъ отверстій и вода моментально наполняетъ углубленіе вырубленного во льду креста. Колышки, которыми были заткнуты отверстія, беретъ себѣ тотъ крестьянинъ, что дѣлаетъ кресты: это его заработокъ, такъ какъ ихъ у него охотно покупаютъ торговцы, шинкаря и пасичники, чтобы у первыхъ въ лавкахъ и въ шинкахъ также толпился и тѣснился народъ, какъ это обыкновенно бываетъ при освященіи воды на Иордани, а у послѣднихъ, чтобы было столько роевъ, сколько было на рѣкѣ народу.

— Если на Крещенье, когда идутъ на Иорданъ, прелетятъ впереди хоругвей воробьи, будетъ въ томъ году большая смертность на дѣтей; если грачи—на молодыхъ людей, а если гуси,—то на старыхъ.

— Если въ то время, когда священникъ погрузитъ въ первый разъ крестъ въ воду, заговоритъ человекъ,—будетъ моръ на людей, если же въ это время зареветъ скотъ,—будетъ падежъ скота.

— Если въ это время идетъ снѣгъ, то будутъ хорошо роняться пчелы, а также колоситься хлѣбъ.

— При погруженіи креста въ воду, всѣ черти выскакиваютъ изъ рѣки и остаются на землѣ до тѣхъ поръ, пока какая-нибудь женщина не придетъ на рѣку мыть бѣлье. Когда грязное бѣлье опустится въ воду, то вмѣстѣ съ нимъ нырнутъ въ воду и всѣ черти, мерзшіе до того на землѣ.

Поэтому благочестивыя старухи не позволяютъ своимъ невѣсткамъ мыть бѣлья въ теченіе недѣли послѣ Крещенія, чтобы выморозить за эти дни побольше чертей, которые пропадаютъ отъ крещенскихъ морозовъ.

— Если на Крещеніе упадетъ на деревья иней, то весною въ со-отвѣтствующій день недѣли должно сѣять пшеницу.

— Золу, послѣ Рождественскихъ святокъ остающуюся, нельзя ни въ домѣ, ни во дворѣ хранить: случится пожаръ, а слѣдуетъ выбрасывать въ оврагъ или на рѣку.

— Зимой старки обуваются на печи, «шобъ свыпи плодымысь» (сл. Пря).

— Если на Крещеніе день ясный, солнечный, то хлѣбъ будетъ чистый: если же—пасмурный, то въ хлѣбѣ будетъ много зоны.

8. Январь 8-е.

Заканчивается празднованіе святокъ. Въ этотъ день знакомыя женщины сходятся вмѣстѣ и гуртомъ отправляются въ шинокъ пить водку. Пьютъ и поютъ разныя пѣсни, выкрикивая при этомъ: «тики прытики, що починки прывылыки», указывая тѣмъ, что наступило время снова браться за пряжу.

9. Февраль 2-е.

Стритынья (Стрѣтеніе Господне). На этотъ день малороссы обращаютъ большое вниманіе на погоду, такъ какъ въ этотъ день зима съ лѣтомъ встрѣчаются и борются: «на цей день зима иде туды, де було лито, а лито иде туды, де була зима, и вони стричаюця и спорять. Коны къ вечеру стане тыплышъ, то значить, лито пырыспорыло зиму, а якъ холоднишъ, то зима».

— Якъ перекоты на Стритенье витерь во поли соломынку черезъ дорогу, такъ прибырай изыбы: все скотына перейсть, а къ якъ зима

пробуде ще довго и весна буде пизня и холодна: богацько треба корму скотыни (сл. Св-л., Пря, КбЯ).

— Если 2-го февраля каплетъ съ крышь, долго будутъ отъ мороза капать изъ глазъ слезы, а потому готовь для скота хорошій запасъ корма.

— Если на этотъ день пѣтухъ напьется воды передь крыльцомъ изъ лужи,—жди сильной стужи,

— Ясный и тихій день предзнаменуетъ хорошій урожай и хорошую роюбу пчель, вѣтрений—неурожайный годъ.

— Гадають по росѣ на счетъ урожая хлѣбовъ, ставя для этого, какъ и подь Новый годъ, на почъ тарелку съ хлѣбными зернами на дворѣ.

— «Дуй не дуй», говорятъ при сильномъ вѣтрѣ и морозѣ: «не къ Риздву йде, а къ Великодню».

10. Февраль 11-е.

Св. муч. Власія. Власій считается покровителемъ скота: скотській богъ. Зажиточные крестьяне служатъ ему въ этотъ день по дворамъ молебны, или носятъ икону св. Власія въ загороды, гдѣ стоитъ скоть, окропляютъ скоть святою водою и окуриваютъ ладаномъ, чтобы предохранить скоть отъ болѣзней. Весной предъ выгономъ скота въ поле на пашу служатъ въ нѣкоторыхъ слободахъ молебны не только св. Георгію, но и св. Власію.

— Бабы въ этотъ день ходятъ компаніями въ шинокъ пить водку, «щобъ коровы булы ласковы», а по возвращеніи изъ шинка домой бьютъ своихъ мужей «дныщами», чтобы мужья были ласковы (сл. Пря).

11. Февраль 20-е.

Св. Льва. Если больной въ почъ 20 февраля увидитъ падающую звѣзду, то ему въ текущемъ году непременно умирать (сл. КбЯ).

12. Февраль 29-е

Преп. Кассіана. Касьяна считаютъ сердитымъ и немилосерднымъ. «Чого ты Касьяномъ дывыся», говорятъ на сердитаго или нахмурившагося челоуѣка. О родившемся 29 февраля ребенкѣ, тоже и теленкѣ, говорятъ: «Касьянъ окомъ наглянувъ—не буде съ цего рожденнаго добра». У Касьяна такія длиныя бровы и рѣсницы, что онъ за ними ничего невидитъ; но черезъ каждые три года онъ у него поднимаются, и горе тому, на что онъ прежде всего взглянетъ! Взглянетъ на людей—мрутъ люди,

взглянетъ на скоть—начинается падежь скота, па поля—полный неурожай (г. К. сл. Кбя).

— У Касьяна бровы довги, ажъ ныже колипъ.

На Касьяна ныззя до сльдъ сонця выходыть зъ хаты, щобъ винъ ны глянувь. Якъ пагляны Касьянъ на скотыпу, такъ буде падежь, а якъ на людей, такъ моръ (сл. Пря, Св-Л.).

— На Касьяна не должно работать, потому что онъ жестоко караетъ работающих: когда онъ подниметь свои длинныя вѣи (вѣки) и взглянетъ на скоть—гибнетъ скоть, взглянетъ на лошадей, свиней, овецъ, птицъ—все гибнетъ; щадить же только чтущихъ день его (сл. Два и Кя).

— Существуетъ повѣрье, кто на Касьяна встанеть спостели рано утромъ до солнечнаго восхода, того Касьянъ непремѣнно накажетъ болѣзнию, а поэтому многіе изъ крестьянъ на этотъ день спятъ до восхода солнца, или, по крайпей мѣрѣ, не выходятъ изъ хаты. Касьянъ не милосердъ къ людямъ зато, что они его не почитаютъ, рѣдко празднуютъ.

— Явился Касьянъ къ Богу, одѣтый по модѣ: шляпа на головѣ, въ перчаткахъ и съ тросточкою въ рукахъ, да и жалуется, что люди Николая угодника почитаютъ больше, чѣмъ его, и иразднуютъ чаще: «вонъ понастроили па его имя множество церквей, а миѣ нѣтъ ни одной не только церкви, по даже и часовни». Господь выслушалъ жалобу Касьяна и сказалъ: «позовите ко мнѣ Николая—угодника!» Пошли искать Николая угодника, осмотрѣли всѣ райскія обители, осмотрѣли все небо: нѣтъ нигдѣ. «Гдѣ-же онъ?» спросилъ Господь.—На морѣ спасаетъ корабль отъ крушенія, отвѣчали посланные, «Ну, обожди немного», сказалъ Господь Касьяну. Черезъ нѣсколько времени Господь вторично посылаетъ за Николаемъ, но святителя опять не оказалось па небѣ: онъ па землѣ спасалъ людей отъ пожару. Когда пошли въ третій разъ, Николай—угодникъ былъ въ тюрьмѣ, гдѣ сидѣло нѣсколько невинно осужденныхъ и гдѣ онъ утѣшалъ ихъ въ несчастіи, чтобы не допустить ихъ до отчаянія. Наконецъ Николай угодникъ предсталъ предъ Богомъ и сталъ рядомъ съ франтомъ Касьяномъ: босой, свитенка старенькая, внизу обдрепанная, лычкомъ подпоясанная и въ грязи. «Гдѣ это ты былъ?» спросилъ его Господь.—Помогалъ, Господи, мужичку вытащить изъ багна кобылу съ возомъ. «Вотъ видишь», сказалъ Господь Касьяну: за что люди почитаютъ Николая-угодника, его почти никогда не найдешь на небѣ,—все на землѣ помогаетъ людямъ, за это то люди и почитаютъ его, а ты, вишь какъ франтъ, все по небу только гуляешь, къ людямъ и не заглянешь, а хочешь, чтобы и тебя чтили, какъ Николая-угодника. Нѣтъ, далеко тебѣ до Николая; а зато, что ты началъ на меня роптать, тебѣ люди

будутъ праздновать только одинъ разъ черезъ три года. Съ тѣхъ то поръ и сталъ Касьянъ на людей сердить и немилосердъ къ нимъ (г. К. сл. Кбя).

Передаютъ и совсѣмъ въ иномъ смыслѣ причину, почему крестьяне на Касьяновъ день избѣгаютъ выходить до восхода солнца изъ хаты и двора, въ смыслѣ вполне благопріятномъ для характеристики святаго.

Говорятъ, что св. Касьянъ въ теченіи трехъ лѣтъ неотступно сидитъ надъ чертомъ и, не переставая, бьетъ его по головѣ молоткомъ, чтобы не давать черту времени обдумывать свои ухищренія на людскую пагубу; бьетъ ударъ за ударомъ, стараясь поглубже загнать черта въ землю. И свое занятіе св. Касьянъ оставляетъ въ день своихъ именинъ лишь для того, чтобы побывать въ церкви, откуда возвращается съ восходомъ солнца и снова приступаетъ къ своему дѣлу. Во время отсутствія Касьяна чертъ пользуется полной свободой, вылезать изъ бездны на поверхность земли и тутъ-то на что ни глянуть, все заражаетъ смертоноснымъ ядомъ, и все, на что падаетъ злобный взглядъ его, неминуемо въ теченіе года погибнетъ.

Въ силу этого повѣрья, крестьянинъ въ Касьяновъ день не выглядываетъ до солнечнаго восхода изъ хаты и не выпускаетъ своего скота и даже птицы на улицу. (сл. Колод.)

Февраль—«цей той мисяць, шо кажы: эхъ, якъ бы я такій, якъ мій батько, такъ я бы быку-трытяку рогы ссадыв!»

Предшествующая масляницѣ недѣля называется «всеидна». Если на всеидной недѣли съ крышъ висятъ длинныя ледяныя сосульки, то «медна бжола буде.» Если на этой недѣли курица напьется изъ лужи,—весна будетъ теплая.

— Когда на всеидной бываетъ снѣжная мятель, то говорятъ: «всеидна йдетъ въ гости», если мятель бываетъ на масляницѣ, то говорятъ, что это масляница ѣдетъ изъ гостей, а когда мятеть на первой недѣлѣ великаго поста,—масляна идетъ «дытыну шукаты,» которую она потеряла, ѣхавши пьяною изъ гостей.

Хотя собственно недѣля, непосредственно предшествующая масляницѣ, большинствомъ крестьянъ называется «рябою», потому что въ среду и въ пятницу ѣдятъ постную пищу, а всеидной или сплошной называется предыдущая недѣля, когда въ среду, въ пятницу по церковному уставу можно ѣсть скоромную пищу.

13. М а с л я н и ц а.

Мясопустъ называется заговины на масныцю, или «нижковы заговины!»; послѣднее названіе произошло отъ того, что въ этотъ день почти каждая крестьянская семья ѣстъ холодецъ (студень) изъ свиныхъ пожжекъ.

Послѣ обѣда на заговѣны ходять въ гости къ родителямъ или къ тестю и тещѣ и тамъ вечеромъ заговляють. Идя въ гости, берутъ съ собою печеный хлѣбъ въ даръ отцу, матери, тестю или тещѣ. Безъ хлѣба никто не рѣшится пойти въ этотъ день въ гости, особенно къ тестю, потому что это было бы со стороны зятя не только предосудительно и невѣжливо, но и оскорбительно по отношенію къ тестю. Вечеромъ всѣ садятся за столъ заговлять, а какъ въ этотъ день, по обычаю, у зажиточныхъ крестьянъ бываетъ очень много наварено и напечено, то, не смотря на усиленную и продолжительную ѣду, обыкновенно и послѣ ужина остается еще достаточное количество изъ приготовленнаго. Какъ тутъ быть? Пища мясная, поэтому завтра, въ понедѣльникъ, нельзя ѣсть ее; отдать собакамъ считается большимъ грѣхомъ.

Остается поставить ее въ печь, чтобы не застыла, лечь спать, проснуться до полуночи, встать и снова за ѣду да ужъ такъ, чтобы ничего не осталось. Большею частью это такъ и дѣлается.

Въ эту ночь мужъ не долженъ спать съ женою, а не то, въ противномъ случаѣ, волки поѣдятъ у нихъ всѣхъ поросятъ (сл. Кбѣ).

— На «нижковы заговины» нельзя ничего шить,--будетъ заушница (свинка).

Въ понедѣльникъ на масляницѣ замужнія женщины ходять по домамъ, гдѣ есть взрослые парни и дѣвушки, и привязываютъ матерямъ этихъ «вязальниковъ», а иногда и имъ самимъ колодку, маленькій дубовый чурбачекъ, или кусокъ полѣпа, къ ногѣ, въ наказаніе матери за то, что она сына не женила или дочери не выдала замужъ, а молодымъ людямъ за то, что они сами не успѣшили вступить въ теченіе прошедшаго мясоѣда въ бракъ. Хозяйка угощаетъ пришедшихъ съ колодкой женщинъ водкой, блинами да варениками, а молодежь, чтобы отвязали колодку, даетъ денежный выкупъ. Собранныя за колодку деньги въ тотъ же день всѣ пропиваются.

Въ теченіе всей масляницы ежедневно варять вареники и пекутъ блины да сырники, а борща почти нигдѣ не варять; если есть рыба, то ее жарять въ скоромномъ маслѣ. Борщъ же, обыкновенно съ рыбою, готовится только на заговѣны. Масляница установлена, по словамъ нѣкоторыхъ, для очищенія желудка отъ мяса, накапливающагося въ немъ за Рождественскія святки и мясоѣдъ.

Въ четвергъ на этой недѣлѣ бабы собираются компаніями и идутъ въ шинокъ «ласкать телятъ», то есть, пить водку, но подь предлогомъ-чтобы коровы были ласковы къ телятамъ и не бодливы, а «щобъ тылята булы повненьки та ласкови», и выпиваютъ непременно сразу по полной рюмкѣ.

Въ теченіе масляницы женщины не прядутъ: «шобъ масла було бильшь и шобъ воно не гиркло», а кто будетъ на этой недѣлѣ прядь, у того въ коровьемъ маслѣ неминуемо заведутся черви.

Можно сказать, безъ большого преувеличенія, что всѣ дни масляницы посвящены истребленію блиновъ, варениковъ да водки: «масляна, масляна! яка ты мала,—якъ бы тебе симъ недиль, а посту одна!» такъ выкрикиваютъ иногда толпы пьяныхъ мужиковъ, расхаживающихъ по улицамъ въ тѣхъ слободахъ, гдѣ прежде были военныя поселенія.

Воскресеніе предъ Великимъ постомъ «постови заговини» проводится болѣе тихо и чинно, чѣмъ предыдущіе дни, хотя блиновъ и варениковъ поѣдается, а водки выпивается едвали не большее количество.

«Когда мы пришли изъ церкви, говорилъ Ново-Николаевскій крестьянинъ, и хотѣли молиться Богу, чтобы садиться за столъ обѣдать, оказалось, что отца нѣтъ въ хатѣ, я и посылаю своихъ ребятъ на дворъ позвать старика, да вспомнилъ, что сегодня сыропустъ и говорю: постойте, не ходите! онъ, вѣрно, пошолъ въ шинокъ—у насъ по старинному заведенію въ этотъ день и до обѣда и послѣ обѣда шинокъ посѣщаютъ. А тутъ и отецъ входитъ въ хату. Помолилися всѣ Богу, сѣли за столъ; отецъ вынулъ изъ кармана бутылку водки, потребоваль, палилъ, перекрестился и говоритъ: «Дай же, Боже, шопъ все было гоже! а все не гоже—не дай, Боже!»

Выпилъ самъ, за намъ мать, потомъ я, жена, старшій сынъ. Жена подала на столъ холодное изъ рыбы. Когда поѣли холодное, отецъ и говоритъ: «а ну ка, сынокъ, поднеси ты еще по стаканчику, а то послѣ одной не обѣдаютъ». Выпили по одной и пачали ѣсть галушки. Когда ѣли ихъ, я рассказала побрехеньку, какъ одинъ бѣдный человекъ угощаль своего богатаго кума галушками. Какъ то раздобылъ себѣ бѣдный мужикъ пшеничной муки, навариль галушекъ и вздумаль угостить своего богатаго кума.

Пришелъ кумъ, сѣлъ на покутъ, хозяинъ высыпаль всѣ галушки въ миску и поставиль ее передъ гостемъ. Кумъ, человекъ богатый, безстыжій, за ложку и ну уплетать галушки. Видитъ хозяинъ, не поспѣтъ ему за гостемъ, возьметъ ложку галушекъ да и скажетъ: «кумъ, а кумъ! мука то довго добована». А онъ отвѣчаетъ: «каты его батька беры, хотъ купована, хотъ добована,—мины ии не отдаваты». Не выдержаль хозяинъ

да и говорить: «та ты таки, куме, йжъ та и честь знай, знай честь!»
А тотъ: „и радъ бы брать по шесть, та съ ложки летять».

Послѣ галушекъ подали намъ варениковъ съ сыромъ, и мы выпили еще по одной передъ варениками, такъ что, поѣвши варениковъ, отецъ и пѣсенку заигралъ: „ой выпіймо, родыно, щобъ намъ жито родыло, и житычко и овесь и зибрався ридъ увесь.“ Затѣмъ старикъ сталъ дремать, а когда подали блины на яйцахъ, то съѣвши одинъ блипчикъ, всталъ изъ-за стола, помолился Богу и легъ спать. Послѣ блиновъ жена приготовила яичницу и подала ее на сковородѣ на столъ. Отецъ проснулся и говоритъ: „вы про меня и забыли и не будите, а я то и самъ проснулся: услышалъ, что яичничка пахнетъ».

На это мать сказала: «спить сова, а куръ бачить». Но отецъ только перевернулся на другой и опять заснулъ. Послѣ обѣда я пошелъ къ шинку потолкаться между людьми, постоялъ тамъ, перекинулся кой съ кѣмъ словомъ да и пошелъ звать къ себѣ заговлять сестру съ зятемъ.

Вечеромъ на «постови заговины» малороссы, преимущественно пожилые люди, ходятъ къ роднымъ и знакомымъ «прощаться», т. е., просить прощенія; посѣщаютъ съ этою же цѣлью и кладбища, чтобы тамъ испросить себѣ прощеніе и отъ умершихъ родителей.

Войдя въ хату, кланяются въ поясъ каждому, не исключая и маленкихъ дѣтей, по три раза и говорятъ: «просты мене». На что слѣдуетъ отвѣтъ: «Богъ простыть». — «И въ другой разъ!» — «Богъ простыть!» «И въ третій разъ!» — «Богъ простыть!»

Многіе вѣрятъ, что страшный судъ будетъ въ этотъ именно вечеръ, а по этому богобоязненные крестьяне проводятъ наступившій вечеръ у себя дома, среди своей семьи, въ тишинѣ и благочестивыхъ разговорахъ; однако это не мѣшаетъ заговѣтъ какъ слѣдуетъ, хотя и безъ водки.

На масляницѣ крестьянская молодежь пачинаетъ весеннія игры и весеннія пѣсни «веснянки» вожденіемъ «козла» и заканчиваетъ ихъ на троицкихъ святкахъ, переходя къ лѣтнимъ сѣнокоснымъ и купальскимъ пѣснямъ. Веснянки приведены ниже послѣ описанія пасхальной недѣли и слѣдующихъ за нею „проводъ“, на „заговины“ поютъ:

— Масляная, воротыся! до Велыкодня простягныся,
Отъ Велыкодня та до Петра, а отъ Петра та до тепла.
Непускае мене маты на улыцю погуляты,

А хоть пусте тай прыгрусте:
Иди, доню, не барыся: на синечныхъ та дверечкахъ воротыся!
Бо на двори пистъ наступае,
А хото его проскаче, той Велыкодня не побаче.

14. Великій Постъ.

Первый день Великаго поста называется «жиловый понедельник», потому что на первой педѣлѣ поста пекутъ коржики, называемые „жилянниками“, и ѣдят ихъ натошакъ, „щобъ жилистымъ буты;“ другіе это названіе объясняютъ тѣмъ, что у работающихъ на этотъ день болѣютъ, обрываютъ, на пальцахъ жилы, а иные говорятъ, что такое названіе дано этому дню стариками, у которыхъ отъ голода всё жилы трясутся, такъ какъ старики обыкновенно весь день до вечера ничего не ѣдятъ, то къ вечеру сильно ослабѣваютъ. Вообще въ этотъ день ничего не варятъ, а ѣдятъ коржи съ тертымъ хрѣномъ въ бураковомъ квасѣ да порѣзанную ломтиками рѣдьку; но за то „полощутъ зубы.“ Старики и старухи дѣлаютъ это дѣйствительно, чтобы во рту не осталось между зубами чего-нибудь отъ масляницы: кусочковъ сыра, рыбы; а другіе по просту пьютъ водку, приговаривая: „це мы полощимъ зубы пилія масляной,“ причеиъ женщины пьютъ въ этотъ день водку не изъ рюмки, а изъ новой покрышки и притомъ съ хозяйственною цѣлю: „щобъ на пшеници зоны не було.“

— Въ этотъ день ничего не слѣдуетъ давать сосѣдямъ, „щобъ разна нечистъ на двирь ны зійшла (с.л. Пря).

— Если въ этотъ день первый встрѣчный или первый посѣтитель будетъ женщина, то это считается дурнымъ признакомъ; если же мужчина хорошимъ (с.л. Кя).

15. Мартъ 1-е

Св. муч. Евдокии. „Бабакъ проснеца, выйде пзъ скоты (норы) на свить, свысне три раза и опять ляже на другій бикъ, а гаврашокъ тико переверныця».

— Если день будетъ солнечный, — уродитъ пшеница; а если пасмурный, — уродитъ просо и гречиха.

— Если утро ясно, — слѣдуетъ сѣять раннюю пшеницу; если среди дня ясно, — сѣять ее въ среднее время; къ вечеру ясно — поздній посѣвъ самый удачный.

— Теплый солнечный день предзнаменуетъ также хорошій урожай льна: „якъ на Вдокии соняшно зранку, то ранній лень уроде; якъ — опивднѣя, — средній уроде; якъ передъ вечеромъ, — пизній, а якъ увесь день соняшный, то-всякій (с.л. Ар.)“

— Если около порога лужи воды, то пасѣчникъ будетъ купаться въ меду. (с.л. Кбѣ).

— Срѣзываютъ верхушки плодовыхъ деревьевъ, чтобы лучше родили (с.л. Пря).

16. Мартъ 5-е.

Св. муч. Конона. Любители лошадей (коней) празднуютъ этотъ день, потому что считаютъ св. Конона покровителемъ коней (сл. Пря).

17. Мартъ 9-е.

Св. 40 мучениковъ. Сорока кладеть въ свое гнѣздо 40 палочекъ; прилетаетъ изъ теплаго края 40 жаворонковъ; хозяйки пекутъ по 40 бубликовъ или по 40 изъ тѣста птичекъ—жаворонковъ.

— «На цей день прылитають изъ вирии сорокъ жайворонкивъ, а бабы печуть бублики и жайворонки и разносятъ по хатахъ, шобъ гусы высльсь лучче, шобъ ны портыльсь яйця, шобъ выводулы благополучно усихъ молодыхъ гусятъ (хут. Маліевъ).»

Со дня сорока святыхъ начинается весна; въ подтвержденіе, что этотъ день слѣдуетъ праздновать приводятъ слѣдующую легенду:

«Сѣяль мужикъ «на сорокъ святыхъ» горохъ въ полѣ. Идутъ мимо него 40 человекъ и говорятъ: «що се ты сегодня сіешь? сегодня жъ празныкъ сорокъ святыхъ!»—Нехай же мене Богъ простыть, отвѣчалъ мужикъ: я й не знавъ, що сегодня празныкъ. Тогда тѣ сорокъ человекъ сказали: «ну, вроде жъ тоби горохъ по сорокъ струкивъ на стебли и по сорокъ горошинъ въ стручку.»—Та якъ бы то Богъ давъ, отвѣтилъ мужикъ. Горохъ дѣйствительно уродился такой, какъ сказали сорокъ святыхъ. На другой годъ нашъ мужикъ выѣхалъ сѣять горохъ опять на 40 святыхъ. Идутъ мимо него опять сорокъ человекъ и говорятъ, что грѣшно въ этотъ день сѣять. Но мужикъ имъ на это возразилъ: «я торикъ сіявъ на сей день, такъ уродывъ такой горохъ, що такого я йзроду не бачивъ!» Тогда каждый изъ сорока святыхъ далъ нашему мужику по сороку кулаковъ въ спину, такъ что онъ леве—ледве до дому дойшовъ». (сл. Ар.).

Въ хуторѣ Маліевѣ эта легенда передается въ такомъ видѣ:

«Разъ святой Петро йшовъ по полю и уздривъ тамъ чоловика, сіявшого горохъ. Дило було на сорокъ святыхъ. Св. Петро и каже тому чоловику: «сегодня празныкъ сорокъ святыхъ, а ты сіешь горохъ, якъ у другой разъ сіятымеш на цей день, то сорокъ чирякивъ нападеца на тебе!»—Просты, святой Петре, я бильшь ны буду цего роботы,» сказавъ той чоловикъ». «Богъ простыть». И якъ дождався той чоловикъ уражая,—горохъ, уродывся гарный, чистый: горошина въ горошину,—сорокъ мишкивъ намолотывъ. Дождався той чоловикъ другого года и дума: торикъ мини удалось на счетъ гороху; сіявъ я ёго на сорокъ святыхъ, собравъ сорокъ мишкивъ: посію и цей годъ на сорокъ святыхъ, винъ уроде такъ

якъ и торикъ. Узявъ и похавъ... сiявъ, сiявъ, а жъ шось заболело на бокахъ. Колы подывился, а воно сорокъ чирякивъ нарядылось на бокахъ. Тоди винъ здумавъ, шо ему св. Петро приказувавъ, и каже: «бачъ! треба святыхъ слухаты».

18. Мартъ 17-е.

Св. Алексiя, человекъ Божiя. Якъ на «теплого Олексiя» буде тепло, то и весна буде тепла, а якъ холодно, то и весна буде холодна.

Празднують этотъ день преимущественно пасѣчники, у которыхъ много пчелъ. Они начинаютъ на этотъ день выставлять изъ омшаниковъ пчелъ, ставятъ ихъ въ защищенное отъ вѣтра мѣсто, молятся Богу и св. Алексiю и просятъ, чтобы Богъ послалъ имъ медовое лѣто. Ясность погоды на этотъ день знаменуетъ урожай на хлѣбъ и изобилiе роевъ; причемъ если утро ясно, то рой будутъ выходить по утрамъ, если вечеръ будетъ ясный, то—по вечерамъ (сл. Н. Гл.).

Рыбаки также празднують этотъ день, чтобы лучше былъ уловъ рыбы. Если выйти рано утромъ на рѣку, то можно услышать и увидѣть, какъ щука разбиваетъ хвостомъ ледъ, тогда ее можно взять руками (сл. Кбѣ).

— На Евдокию, на сорокъ святыхъ и на теплаго Алексiя, пришедши изъ церкви, отбираютъ для посѣва пшеницы лучшее зерно.

— На девятой недели пiсля Рождества Христова прилитаютъ зъ вирья гракы, на десятой—жайворонки, а на дванадцатой вдова выйзжая въ поле съ плугомъ (сл. Пря).

19. Крестопоклонная недѣля.

Серсдохрестна. Въ среду на крестопоклонной недѣлѣ пекутъ изъ тѣста кресты (хрыстци, хрещикы); часть ихъ въ тотъ же день употребляютъ въ пищу, а часть хранятъ до времени посѣва въ закромахъ въ зернѣ. Выйзжая на посѣвъ, берутъ эти кресты съ собою. Приѣхавъ на мѣсто, кладутъ ихъ на землю, молятся Богу, а потомъ съѣдаютъ ихъ, размочивъ предварительно въ водѣ, причемъ обыкновенно говорятъ: «дай же, Боже, и на слѣдующий годъ тѣсть свой хлѣбъ!».

Иные берутъ съ собою только два креста, одинъ съѣдаютъ, а другой закапываютъ на нивѣ, чтобы лучше родила. Другiе только первый вынутый изъ печи крестъ кладутъ въ зерно, назначенное для посѣва, а остальные ѣдятъ. Приѣхавъ въ поли, кладутъ этотъ крестъ на уголь нивы, становятся лицомъ къ востоку, читаютъ молитву Господню; потомъ,

взявъ въ руку зерна, бросаютъ его на крестъ крестообразно и говорятъ: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, Господи, поможи, Господи, благослови, дай, Боже, счастье!» Сѣютъ первую горсть зерна и ѣтъ поднятый съ нивы крестъ. Если въ это время надъ сѣятелемъ высоко поднимаются съ пѣніемъ жаворонки, то это предвѣщаетъ хорошій урожай, а если летаютъ низко, то-плохой.

— При печеніи крестовъ, втыкаютъ въ нихъ хлѣбныя зерна, чтобы узнать, на какой хлѣбъ будетъ урожай. Въ одинъ крестъ воткнуть зерно пшеницы, въ другой—ячменя, въ третій—овса: какое изъ воткнутыхъ зеренъ выйдетъ наверхъ, на тотъ хлѣбъ и будетъ урожай.

— А какъ «починъ дороже денегъ,» то въ нѣкоторыхъ, особенно многолюдныхъ, крестьянскихъ семьяхъ стараются узнать, кто изъ членовъ семейства счастливѣе, чтобы онъ и началъ посѣвъ. Для указанной цѣли пекутъ три особыхъ креста и въ одинъ изъ нихъ хозяйка запекаетъ какую-нибудь монету. Эти три креста хранятся, по обыкновенію, въ зернѣ, назначенномъ для посѣва, и берутся на ниву. Тамъ обходятъ съ ними вокругъ нивы, потомъ молятся Богу и трое, взявъ по кресту, разламываютъ ихъ. У кого окажется монета, тотъ считается счастливецемъ, а потому онъ и начинаеть посѣвъ.

Отъ нивы зависитъ благосостояніе и нищета крестьянина, его значеніе въ семьѣ и въ обществѣ. А чѣмъ ограниченнѣе область знанія, тѣмъ шире и распространеннѣе область повѣрій. Напримѣръ, чтобы нива не заростала сорными травами, а только однимъ чистымъ хлѣбомъ, нѣкоторые изъ крестьянъ выѣзжая на посѣвъ, надѣваютъ ту рубаху, въ которой причащались, для чего послѣ принятія святыхъ тайнъ, пришедши домой, немедленно снимаютъ съ себя сорочку и хранятъ чистой до времени посѣва, когда и надѣваютъ ее вновь (сл. Бор.).

— Отъ засухи зарываютъ на нивѣ въ землю кувшинъ съ святою водою (сл. Кам).

— Зарываютъ также Благовѣщенскую просфору, или, засушивъ ее, стираютъ въ порошокъ и, смѣшавъ съ землею, сѣютъ по четыремъ угламъ и по серединѣ пашни: засуха не коснется этой нивы (сл. Бор.).

— Зарываютъ на нивѣ куски полотна, которое для этой цѣли предварительно кладется на плащаницу: будетъ хорошій урожай (сл. Бор.).

20. Мартъ 25-е.

Благовѣщеніе—такой большой праздникъ, что даже птица не вѣетъ гнѣзда. Говорятъ, что кукушка когда то свила себѣ гнѣздо на Благо-

вѣщеніе и съ тѣхъ поръ въ наказаніе за оскорбленіе святости праздника потеряла способность вить гнѣзда и вынуждена класть свои яйца въ чужія гнѣзда: «Выла зузуля соби гнѣздо, та ѣ осталась повикъ безъ гнѣзда.»

На этотъ день выпускають изъ кѣтокъ пѣвчихъ пташекъ: чижей, снѣгпрей, щегловъ, синиць., на волю, чтобы онѣ благословляли Бога и просили у Него счастья тому, кто выпустилъ ихъ изъ неволи.

— Яйцо, снесенное курицей на Благовѣщеніе, не годится подъ насѣдку, потому что изъ него выйдетъ уродливый цыпленокъ.

— Какая погода на Благовѣщеніе, такая и на Свѣтлый праздникъ. Если на Благовѣщеніе будетъ пасмурная погода или дождь, то лѣто будетъ дождливое и урожайное.

— Градь никогда не выбьетъ той нивы, на углѣ которой зарыта часть Благовѣщенской просфоры, и дождевая тучка не пронесется надъ нею безъ того, чтобы не оросить ее небесной влагой (сл. Кбя).

— Порошекъ отъ Благовѣщенской просфоры всыпають въ медъ, которымъ закармливають пчелъ, выставляемыхъ на этотъ день. Кромѣ того въ кормовой медъ прибавляется еще порошокъ отъ высушенной и стертой головы Благовѣщенской (сваренной 25 марта) щуки, перецъ и муравьи,—все это дѣлается для того, чтобы пчелы были зубасты, какъ щука, сердиты, какъ перецъ, и трудолюбивы, какъ муравьи. Нѣкоторые изъ пчеловодовъ, выставивъ колодку пчелъ, вкладываютъ въ летокъ черепъ Благовѣщенской щуки такимъ образомъ, чтобы пчела могла выходить изъ улья только пролазя между зубами черепа щуки. Такая пчела не дастся уже въ обиду, а скорѣе сама станетъ грабить чужихъ пчелъ.

— Благовѣщенскую просфору обыкновенно хранять; употребляютъ же ее во время болѣзни, преимущественно противъ лихорадки.

— Воры стараются на Благовѣщеніе что-нибудь уворовать, вѣря, что укравшій и непойманный въ этотъ день, не будетъ пойманъ въ теченіе цѣлаго года (сл. Кбя).

— Нѣкоторыя изъ хозяекъ сѣють капустную рассаду наканунѣ Благовѣщенія, другія на самый праздникъ «до сходи сонца» и ищутъ между листьями головокъ капусты сѣмянъ, изъ которыхъ вырастаетъ будто бы прекрасная брюкова.

— Расчесывать на этотъ день женщинамъ волосы или искать въ головѣ—обычное занятіе деревенскихъ женщинъ въ послѣбобѣденное время по праздникамъ—грѣшно и кромѣ того птица разгребетъ все, что посажено или посажено на грядкахъ (сл. Кя).

«Разъ одна жинка на Благовищиння ну скаты у своей сестры въ голове, та и каже: сегодня Благовищиння, а ты, сестричко, мни

воши бьешъ; колы бь за це Богъ ны наказавъ тебе». — Ничого ны буде, сказала та. Дождалы высны и лита, у всяхъ жинокъ уродыла цыбула (лукъ), а у тиі жинки, шо была воши на Благовищиння, ны було ни одніи цыбулынки: вся була выйдьна червячками (хут. М.)

21. Мартъ 26-е.

Соборъ арх. Гавриіла, Благовистныка. Въ этотъ день посятъ въ нѣкоторыхъ слободахъ хлѣбныя зерна для освященія въ церковь, а потомъ смѣшиваютъ ихъ съ тѣмъ зерномъ, что предназначено для посѣва. Въ другихъ слободахъ хлѣбныя зерна для посѣва освящаются 1-го марта, когда опредѣляется будущая весна, потому что по пароднымъ примѣтамъ, какая погода на Евдокію, такова и весна будетъ: «якъ на Влокіи віе витерь знызу (съ юга) такъ и выла брось, а якъ зъ-горы (съ сѣвера), такъ и зъйды (?) приборы».

22. Похвальная недѣля.

Пятая недѣля Великаго поста называется Похвальной, говорятъ: «похвальна чимъ-небудь та похвалыця, або дождемъ, або снігомъ,» и считается самымъ удобнымъ и лучшимъ временемъ для посѣва. «Въ похвальну субботу сіють лены щобъ було чимъ выхволяця». Ленъ сѣють, приговаривая: «робы, Боже, на стебель стыблыстый, на корень коренистый и на волокно волокнистый (сл. Пря).

Когда ленъ сѣетъ мужчина, то бабы просятъ его, чтобы онъ сѣялъ безъ штановъ, потому что при такомъ посѣвѣ ленъ вырастаетъ чистый, безъ повилицы, или дають ему круто сваренныя куриныя яйца. Приѣхавъ на поле, прежде чѣмъ приступить къ посѣву льна мужикъ очищаетъ отъ скорлупы яйцо, скорлупу зарываетъ на нивѣ, а яйцо безъ скорлупы кладетъ въ карманъ и тогда уже начинаетъ сѣять. Предполагается что посѣянный съ соблюденіемъ этихъ условій ленъ выростетъ безъ сорныхъ травъ и головки (сѣменныя коробочки) его будутъ крупны и часты, какъ очищенное яичко.

— Для того же, чтобы уродилъ хорошій и крупный горохъ, приѣхавши на ниву для его посѣва, не должно останавливать лошади словомъ тпру; а, вставши съ воза, не бросать на землю топора, а бросить прежде дрова, а затѣмъ уже можно бросить и топоръ (хут. М.).

Говорятъ: «Похвальна хвалыця, Вербна поставыця, а Била щей побилыть,» то есть, если на Похвальной недѣлѣ холодно, то на Вербной

будеть еще холоднѣе, а на Страстной—настоящая зима; напротивъ, если на Похвальной недѣлѣ тепло, то на Вербной будетъ еще теплѣе, а на Страстной настоящая весна: зацвѣтутъ цвѣты.

23. Вербная недѣля.

Шестая недѣля Великаго поста называется вербной, говорятъ: «Прыйшовъ вырбычь два кожухы нарычь, а третю свыту зверху.» На этой недѣлѣ не должно ни сажать, ни сѣять огородныхъ овощей, такъ какъ все посаженное или посѣянное на Вербной недѣлѣ вырастаетъ горькимъ.

«На Вербни недѣли не годыця сѣяты бураки, а то будутъ гирки и стовбурки» (сл. Пря).

Если хотять посадить принесенную изъ церкви вербу, то ее садять въ землю, не заходя въ хату.

Войдя же въ хату, начинаютъ шутя бить другъ друга или не бывшихъ въ церкви вербою, приговаривая. «верба бѣе, не я бью, за тыждень Велькдень, недалечко червоне ячко.» Вѣточки освященной вербы хранятся за иконами. Домъ, въ которомъ есть осв. верба, безопасенъ отъ молній. Отъ лихорадки подкуриваютъ, сожигая вѣточки этой вербы. Золою же посыпаютъ всѣ четыре стороны капустной грядки, «щобъ потыльница (тля) капусты не нападала» (сл. Пря).

«На вербни недѣли ны годыця бакши садыты, а на кличальній—полоты, а то огирки будутъ гирки» (сл. Пря).

24. Страстная недѣля.

Седьмая недѣля Великаго поста называется Останя страшна, або Била недѣля—соблюдается самый строгій постъ. Нѣкоторые изъ пожилыхъ крестьянъ въ пятницу и субботу даже совсѣмъ ничего не ѣдятъ и, поужинавъ въ четвергъ, разговляются на Свѣтлый праздникъ. Кто ѣсть въ Великій постъ скоромное, тотъ не долженъ св. Пасхой разговляться, онъ уподобляется Иудѣ-предателю. Особенно грѣшно ѣсть скоромное на Страстной недѣлѣ: при жизни въ такого человѣка можетъ вселиться душа Иуды, которая не имѣетъ мѣста даже въ аду, а скитається безпріютно по землѣ, вселяясь на время въ людей и причиняя имъ страшную болѣзнь «чорну хворобу» (падучая болѣзнь); а по смерти душа такого грѣшника испытываетъ непрерывныя мученія.

«Одынъ чоловікъ ны соблюдавъ постивъ. Богъ тырпивъ, тырпивъ и наказавъ его скоропостыжною смерью. Чырызъ годъ его жинка замырала и бачила на тымъ свити своего чоловіка въ ваду; тамъ его лукави мучили и ны давали покоя: возьмутъ за языкъ крючкомъ, прычеплять и повисяць; потымъ отчеплять и у глыбоку яму укшнуть, а тоди горячимъ пискомъ загорнуть, и де вишь лыжить, тамъ саме высока могыла. Тоди упьеть росковыряють могылу и выймутъ его видтиля острыми залізными вылами. Такъ его мучать целый день и целу ничъ безъ перестанку. Та нытилко его, а усьхъ, хто ны почитавъ постивъ.

Таке наказанье усымъ ныпочитавшимъ постивъ, потому по люды таки, якъ ны соблюда одного поста, то ны соблюда и усьхъ постивъ» (хут. М).

Если жєнщина, кормящая ребєпка, будетъ въ постъ ѣсть скромную пищу, то ея ребєнокъ умреть малолѣтнимъ. Если мужъ и жена не соблюдаютъ постовъ, то дѣти у нихъ будутъ уроды, колѣки или недолговѣчны (сл. Тра).

Случайно оскоромиться самому или оскоромить даже ребєнка то же грѣхъ. «У одной женщины маленькое дитя съѣло по педосмотру матери въ страстную пятницу яйцо. На другой годъ это же самое дитя снова повторило свою продѣлку: съѣло въ страстную пятницу красное яйчко. И вотъ ночью, когда женщина легла уже спать, постучался кто-то къ ней въ окно и строго сказалъ: «чи шей на третій годъ твоя дытына зѣйсть яйце?» Жєнщина съ постели да къ окну,—видить, со двора идетъ высокая дѣвушка съ длинной, предлинной косою, ниже пятъ, такъ и волочится по землѣ. Это была свята Пятница (сл. Св-А).

Вообще вѣрять, что діаволь пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ и всякою людскою слобостію, чтобы ввести чєловѣка въ грѣхъ, и особенно старается объ этомъ въ посты; поэтому Великій постъ и преимущественно страстная недѣля весьма опасны, въ течєніє ихъ легче всего можно согрѣшитъ, такъ какъ діаволь въ это время неусыпно бодрствуетъ и подстрекаетъ чєловѣка на грѣхъ.

Сказанное подтверждаютъ слѣдующимъ происшествіємъ, случившимся въ сл. Тарасовкѣ:

«Вмеръ одынъ заможный чоловікъ: осталась жинка и два сыны жонати. Браты жили, якъ голубки межъ собою, такъ вже дружно та любовно—на дыво. Маты тожь жинка була добра, тыха, а невестки не ладылы межъ собою: зъ ранку до ранку грызутця. А у насъ межъ бабамы, колы и ладь, такъ вони усе наровять, шобъ своихъ мужикивъ посварыть,—такій вже жиноцькій звычай,—а колы бабы не въ ладу, то

певно и мужикивъ презвудуть на сварку. А ци браты не мшались межъ бабьихъ дилъ, тилько якъ сберутця въ хату та що почувуть, то й скажуть обои: «мовчить, поки мы въ хати!» Такъ дождалы страшной недѣли. Бабы начали къ празднику снаряжатся та огороды копать и, якъ на грихъ, межъ пымы сварка за сваркою, одна билшь другій, що день. Мужики у поли робылы, мало и дома бувалы, не чулы, а въ четвергъ прыйхалы съ поля, сходылы на страсты, прыйшылы додому и полягалы спаты. Тилько старшій почувъ, хтось стукавъ въ святимъ углу въ викно. Выйшовъ винъ на двирь, дывитця, а батько покійный стоить въ святимъ угли пидъ викномъ. Глянувъ на сына, глянувъ та й головою покачавъ. Той злякавсь, перехрыстывсь та мерщи у хату, лигъ та й заснувъ. Ранкомъ прокинувсь та и каже свонмъ, шо за прычина була ему у ночи, тилько не згада, чи то ему снылось, чи взаправду було. Погомонилы и пійшовъ меньшій братъ дрова рубаты, а старшій де що въ хати робывъ. Бабы коло пасокъ поралысь и пачалы сварытця. Старшій слухавъ усе мовчки. Дали меньшій вписъ дрова и кладе беля печи, а старшій и каже ему: «Братуха, скажи свой жинци, шобъ вона трошки меньшъ балакала.» А той и крыкнувъ: «Параско! я тоби казавъ: наберы въ ротъ воды—гарнишь буде!» А Параска такъ и вскынулась на обохъ. Дивирь заспорывъ зъ нею, а чоловікъ ей стоявъ, мовчавъ, мовчавъ да якъ дзвызне въ неи полиномъ,—вона брыкъ и впала. Якъ вона впала, а въ хати шось якъ зарыгочетця, та завоня на всю хату, та якъ дымъ и потянулось у пичь. До Параски, а вона мертва. Такъ ии чоловікъ видъ того часу ума тронувсь: ничого не балака, олричь усе пыта: «хто не такъ рыгочетця?»

— Одна женщина случайно оскоромилась на страстной недѣли и на нее напала лихорадка.

25. Чистый четвергъ.

Четвергъ Страстной недѣли называется «чистый».

Въ этотъ день всѣ моютъ себѣ голову, а у кого накожная сыпь, тѣ до «схидъ сонця» купаются даже въ рѣкѣ; купаютъ также на утренней зорѣ и лошадей, чтобы избавить ихъ отъ чесотки или предохранить отъ нея. Хлѣбъ, посѣянный въ этотъ день будетъ чистъ отъ сорныхъ травъ. Кусокъ соли, обожженный въ печи «Четвергова соль», хранится въ домѣ съ одной стороны для того, чтобы въ немъ не заводилось никакой нечисти, а съ другой—потому, что «четверговая соль» згидливиша: помогаетъ овцамъ, коровамъ и людямъ отъ боли живота и отъ «сглаза».

Яйца, окрапленные въ чистый четвергъ до свѣта, могутъ сохраняться, не портясь, до Вознесенья (сл. Кбя).

Возвращаясь домой изъ церкви, каждый старается донести домой горящую свѣчу, чтобы накопить этой свѣчей на сволокъ кресты. Потомъ берегаютъ ее до будущаго чистаго четверга, употребляя ее затѣмъ только въ извѣстныхъ случаяхъ.

Напримѣръ, во время сильной грозы зажигаютъ страстную свѣчу, и, поставивъ ее предъ иконами, молятся; во время продолжительной предсмертной агоніи даютъ ее въ руки умирающему; зажигаютъ ее и ставятъ предъ образами также во время трудныхъ родовъ. Тѣ 12 восковыхъ шариковъ, что налѣпливаются на свѣчѣ во время чтенія въ церкви евангелій, считаются полезными отъ лихорадки, равно какъ и копотъ съ креста на сволокъ: послѣднюю даютъ пить съ водою отъ лихорадки и отъ боли живота. «Страшни свички згидливы противъ хворобы у скотыны» (сл. Св-Л.).

Крестъ, накопченный страстной свѣчей на сволокъ, у однихъ никогда не затирается, потому что онъ предохраняетъ домъ отъ зажженія его молніей, у другихъ же остается только до Вознесенья, «щобъ зоны въ хлиби не було» (сл. Пря).

Кто хочетъ увидѣть домового, тотъ долженъ, возвращаясь со страстей домой, пойти прямо съ горящей свѣчой въ рукахъ въ загороду, или посмотреть за дверь въ сѣняхъ, или взлѣзть на чердакъ,—въ одномъ изъ этихъ мѣстъ непременно увидишь домового: въ загородѣ чаще всего въ видѣ бычка, за дверью въ видѣ человѣка, въ углѣ на чердакѣ въ видѣ кошки или также въ видѣ человѣка съ красной шапочкой на головѣ. Если домовой будетъ весь въ шерсти, то все будетъ благополучно, во всѣхъ дѣлахъ будетъ удача, если же будетъ голый, то ожидай бѣды «Якого цвита шерсть на домовому, такой масты треба скотину держаты: та мастъ значить по двору» (сл. Пря).

«Якъ прійдышь изъ страстивъ, такъ изъ тією страшною свичкою. якъ полизешъ на горище, такъ тамъ побачишь домового, который и розскаже, чимъ заниматьця» (сл. Св-Л.).

Въ Чистый четвергъ до восхода солнца воронъ купаетъ въ рѣкѣ своихъ дѣтей, человѣку желающему освободиться отъ язвъ или сыпи на тѣлѣ, нужно скупаться въ рѣкѣ раньше, чѣмъ воронъ успѣетъ выкупать своихъ дѣтей, иначе, опоздавъ, не получишь исцѣленія (сл. Св-Л.).

— Если при выходѣ изъ церкви со страстей бываетъ тихо,—ожидаютъ урожая гречки (сл. Пря).

26. Страстная пятница.

Въ пятницу на Страстной недѣлѣ обыкновенно красятъ яйца, готовятъ крашанки; писанки же начинаютъ готовить съ первыхъ дней недѣли; а въ былое время, когда простыя, домашняго притотвленія писанки были въ большемъ ходу, чѣмъ теперь, начинали писать ихъ заблаговременно, даже съ начала поста.

О происхожденіи крашанокъ расказывается слѣдующее: «Якъ воскресъ Сусъ Христось изъ мертвыхъ, то Винъ и сказавъ тымъ жидамъ, шо стерегли Его гробъ: идить и скажить всимъ: Христось воскресъ! А шобъ вамъ псвирылы, нате вамъ оцей знакъ, — и давъ всимъ имъ по крашанци, котори Винъ взявъ изъ своего гроба» (сл. Ар.). Извѣстно также уподобленіе яйца всему міру и объясненіе крашанки, приписываемое обыкновенно Іоанну Дамаскину; приводимъ таковое по одной находящейся у насъ старинной рукописи: «о величедни и о яйце—свидѣтельство Іоанна Дамаскина. Небу и земли подобно по всему яйце. Чего дѣля червлено яйце на Великъ день? Толкъ: Яйце примѣнено ко всей твари: скорлупа аки небо, плева аки облацы, бѣлогъ аки воды, желтокъ аки земля, а сырость по средѣ яйца, аки въ мірѣ грѣхъ.

Гъ нашъ Гс Хс воскресе отъ мертвыхъ, всю тварь обнови своею кровью, яко же яйце украси, а сырость грѣховную изсуши, яко же яйце изгуститъ».

Передается и сказаніе о поднесеніи Маріей Магдалиной императору Тиберію краснаго яйца, причемъ святая сказала: «Христось воскресе!» Но другимъ, св. Марія Магдалина, узнавъ о воскресеніи Господнемъ отъ ангела, побѣжала домой и, взявши тамъ попавшія ей на глаза крашанки, отправилась къ апостоламъ, встрѣтивъ которыхъ на дорогѣ сообщила радостную вѣсть словами: «Христось воскресе» при этомъ они поцѣловались и она дала имъ по крашанкѣ (сл. Тар.).

Писанки пишутъ въ воспоминаніе страданій Спасителя, какъ говорятъ въ сл. Араповкѣ, въ знакъ того, что когда жиды мучили Христа, то все тѣло Его «попысалы», избили бичами.

Краски для писанокъ и для крашанокъ однѣ пріобрѣтаются крестьянками въ лавкахъ, какъ красный и синій сандалъ, другія готовятся ими самими, напр., желтая краска добывается изъ коры кислицы, изъ шелухи цыбули (лука) или цвѣтовъ желтой купавки, синяя изъ гречаной половы и сушеныхъ цвѣтовъ синей мальвы; зеленая—изъ пролѣсковъ, а черная—изъ коры ольхи и молодыхъ листьевъ черноклена; обыкновенно предварительно окрашиванія яйца «галунятся» то есть, погружаются въ растворъ галуна (квасцовъ).

Крашанкамъ приписываютъ немаловажное значеніе, опѣ употребляются то какъ предохранительное, то какъ лѣчебное средство.

— Въ видахъ сохраненія здоровья и красоты, собираясь къ заутренѣ въ свѣтлое Воскресенье, кладутъ въ ту миску съ водою, изъ которой умываются, двѣ крашанки и мелкую монету; потомъ, умывшись этой водою, крашанки и монету берутъ съ собою въ церковь и при выходѣ отдаютъ нищимъ (г. К. сл. Кл.).

Въ слободѣ Преображенной, умывшись водою, въ которой лежала крашанка, бросаютъ эту послѣднюю въ рѣку русалкамъ и утопленникамъ.

— Нѣкоторые изъ молодежи выкачиваютъ лицо крашанкою, что-бы стать красивѣе (г. К.).

— Какъ крашанки, такъ равно и ихъ скорлупа считаются предохранительнымъ средствомъ для хлѣба отъ мышей, поэтому, привезя съ поля снопы новаго хлѣба и положивъ на крестъ четыре снопа, кладутъ подъ нихъ крашанки или только скорлупу ихъ, иногда вмѣстѣ съ ними кладутъ кости отъ пасхальнаго поросенка (мощи) и освященный съ паскою хрѣнъ (г. К., сл. Св-Л.).

— Первая пара яицъ, вынутая изъ краски во время выноса въ церкви плащаницы, а равно и первое яйцо полученное на Свѣтлый праздникъ, хранятся потому, что имѣютъ свойство тушить пожаръ: стоитъ только три раза обнести вокругъ горящаго зданія—пожаръ прекратится (г. К. сл. зв. Кя).

— «Бережи ту крашанку, шо получишь на Велыкдень съ кимъ первымъ похристоскаеся, бо вона згидлива для бджоль, отъ лихорадки и жовтяницы» (сл. Св-Л.).

— Когда лихорадка не поддается медицинскимъ средствамъ, вѣшать больному на шею ту крашанку, которая была въ церкви въ ночь подъ Свѣтлое Воскресенье (сл. Кал.). Положенная въ хатѣ за иконы эта крашанка можетъ пролежать тамъ годы, не портясь (сл. Н-Н.).

— Скорлупой отъ крашанокъ подкуриваютъ людей и домашнихъ животныхъ отъ разныхъ болѣзней: отъ лихорадки, рожи и отъ «сглазу» (г. К. сл. Ар. Дв. Кл. Пря.).

— Подъ первый улій пчель на пасѣкѣ кладутъ первую полученную крашанку или, что гораздо чаще, писанку «безконешникъ», щобъ безконечно роились бджолы.

— Одни на первый день Пасхи, другіе на второй, а иные на проводы ходятъ съ крашанками на могилы христосоваться со своими покойниками, причемъ принесенныя крашанки зарываютъ въ могилу, а въ слѣдующій затѣмъ день отрываютъ ихъ и раздаютъ нищимъ. Суще-

ствуеть повѣрье: если всѣ крашанки окажутся въ наличности, значить, душа покойника угодна Богу, въ противномъ же случаѣ—нѣтъ, и ужъ неизвѣстно, чѣмъ можно помочь этой грѣшной душѣ (сл. Ар.).

— Нѣкоторые убѣждены, что покойникъ будетъ слышать все, что ему говорятъ, если положить на его могилу ту крашанку, которую получили отъ перваго похристосовавшагося на Пасху (сл. Кал.). А другіе добавляють, что душа покойника съѣдаетъ красное яичко, оставляемое на его могилѣ (сл. Кбя).

— Скорлупу крашанокъ не выбрасываютъ изъ хаты, —ее или хранять, какъ выше упомянуто, или сжигаютъ въ печи, или выносятъ на рѣку. Въ послѣднемъ случаѣ прежде, чѣмъ бросить въ воду, мнутъ въ рукахъ, чтобы не осталось цѣлыхъ половинокъ, такъ какъ въ такихъ яичныхъ скорлупкахъ развѣзжаютъ по рѣкѣ русалки (г. К.).

Примѣчаніе. Желаящихъ подробнѣе ознакомиться съ преданіями и повѣрьями, относящимися къ писанкамъ и крашанкамъ, отсылаемъ къ статьѣ проф. Н. Ѳ. Сумцова: «Писанки» изд. ред. ж. Кіевская Старина. 1891.

Въ Страстную пятницу въ полѣ не работаютъ и до «плащаницы» ничего не ѣдятъ. Стараются проводить день въ мврѣ и тишинѣ: «одна женщина, поссорившись съ сосѣдкой, выбранилась и у нея тотчасъ одеревенѣлъ языкъ» (сл. Тар.).

27. Страстная суббота.

Утромъ въ субботу ходять въ церковь приложиться къ плащаницѣ, не приложившись къ плащаницѣ, нельзя ѣсть. Пекутъ пасхи и жарять поросять; заканчиваютъ всѣ приготовленія и уборку хаты къ празднику. Посадивъ въ печь пасху идутъ въ огородъ сѣять капустную разсаду, «щобъ вона такъ живо росла, якъ въ печи паска» (г. К., сл. Пар., Св-Л.).

Хозяйки примѣчаютъ, если пасха въ печи поднимется выше формы, спечется высокая, то къ счастью; а если опадеть, выйдетъ низкая, —въ семействѣ случится какое-нибудь несчастье.

— Подъ Свѣтлый праздникъ грѣхъ спать на подушкахъ; кто въ эту ночь не спитъ, къ тому въ теченіе всего года не залѣзутъ воры (сл. Пр. Кбя).

— Темная ночь поды Свѣтлый праздникъ предвѣщаетъ хорошій урожай хлѣба. (сл. Ар.).

— «Пидъ Вылыкдень, якъ читають на всюношній, такъ шкарбы (клады) выходятъ на верхъ земли и горять, якъ свичка, ажъ поки до Христа дочитаютця. Кому случитця побачиты таку свичку, то иды туды

съ страшную свичкою: три раза копнешь лопатою и безъ труда возьмешь шарбъ» (сл. Св. Л.).

— «А хто хочить быть знахуромъ, то саме, якъ дочитаютця на всюношній до Хрыста, пида на перехрестну дорогу и три раза отрычись отъ Хрыста, такъ усе тоби й буде, чога ни захочишь. А шобъ узнаты, яка баба видьма, такъ дывысь, якъ выйдуть съ корогамы писля того, якъ дочитаютця до Хрыста, воны, видьмы, тоди замокъ, шо церква заперта, цилують,—ото й воны» (Сл. Св-Л.).

28. П а с х а.

Свѣтлое Воскресенье, Велькдень, Свѣтлый Праздникъ—радостный день, когда почти поголовно все населіе хуторовъ и слободъ спѣшить въ праздничной одеждѣ къ своей приходской церкви за долго еще до перваго удара колокола къ заутренѣ. Сотни воровъ съ дѣтьми окружають церковную ограду снаружи, а внутри ея цѣлая гирлянда изъ разнообразно убраныхъ пасокъ, жареныхъ поросятъ съ хрѣномъ въ зубахъ, крайцевъ ржапого хлѣба, кусковъ свиного сала, разнаго рода узелочковъ съ пшеномъ, солью, макомъ, и всюду на бѣлизнѣ рушниковъ ярко выступаютъ крапанки. Для освященія приносятся всегда одни только красныя яйца; хотя бы въ домѣ и были приготовлены къ празднику крапанки и другихъ цвѣтовъ: желтаго, зеленаго, синяго, но подѣ пасху кладуть исключительно красныя. Рушникъ, въ который завязываютъ пасху, служить единственно для того, чтобы въ немъ носить пасху, ни начто другое онъ не употребляется, за исключеніемъ развѣ случая, когда въ семействѣ бываетъ ребенокъ, страдающій такъ называемымъ, «родимчикомъ», тоже младенческое», тогда во время припадка больнаго ребенка прикрываютъ этимъ рушникомъ.

По освященіи пасхи, каждый стремится скорѣе добраться домой. По всѣмъ улицамъ, по всѣмъ дорогамъ слышенъ веселый шумъ быстро ѣдущаго и идущаго народа. Самое солнце принимаетъ участіе въ общей радости: оно при восходѣ въ этотъ день играетъ, мѣняетъ свои цвѣта и какъ бы танцуетъ. И даже умершіе грѣшники освобождаются на этотъ день изъ ада и собираются въ домъ Давида (сл. Пг.).

По народному вѣрованію, на первый день Пасхи отверзаются двери свѣтлаго рая, адъ запирается, а мытарства уничтожаются, поэтому каждаго умершаго въ этотъ день душа безпрепятственно идетъ прямо въ рай и вселяется въ обители праведныхъ. Объ умершихъ въ первые три дня святой недѣли крестьяне выражаются такъ: «святая душа! сподобивъ Господь умерты на Велькдень, удостойвъ свѣтлаго раю и царства небеснаго».

Считаемо не лишнимъ привести здѣсь одинъ изъ вариантовъ широко распространенной легенды о наказанномъ ангелѣ, такъ какъ въ немъ кромѣ общей идеи о промыслѣ Божіемъ, все устрояющемъ ко благу, въ заключеніе говорится и о томъ, что души умершихъ на Свѣтлое Христово Воскресенье вознеслись вмѣстѣ съ ангеломъ на небо.

— Послалъ Господь ангела взять душу у одной бѣдной вдовы. Ангелъ прилетаетъ ко вдовѣ и видитъ, что она лежитъ больная, а кругомъ ея обѣли маленькія дѣти и горько плачутъ.

Жаль стало ангелу осиротить ихъ и онъ подумалъ: «неужели Господь осудитъ меня за то, что я сжалюсь надъ этими несчастными малютками». И вотъ полетѣлъ онъ къ сосѣдкѣ бѣдной вдовы, женѣ богатаго бездѣтнаго человѣка, взявъ изъ нея душу и отнесъ ее въ небесныя обители.

Но какъ только явился онъ съ нею на небо, Господь приказалъ другому ангелу возвратитъ на землю принесенную душу а принести оттуда душу вдовы.

Когда второй ангелъ прилетѣлъ ко вдовѣ, Господь наслалъ въ ея дворъ множество красивыхъ птичекъ которыя стали пѣть и щебетать разными голосами. Дѣти вдовы, заслышавъ пѣніе и щебетаніе птичекъ, бросились къ окнамъ посмотрѣть на появившихся птичекъ, а когда возвратились къ матери, то нашли ее уже мертвою. За ослушаніе Богъ опалилъ крылья первому ангелу и низвергъ его на землю.

Очутившись на землѣ, изгнанникъ неба сталъ обдумывать, какъ жить ему между людьми и чѣмъ заниматься. Наконецъ онъ рѣшился отправиться къ одному сапожнику и поступить къ нему работникомъ. Сапожникъ принялъ ангела, выучилъ его сапожному ремеслу, и ангелъ прожилъ у сапожника три года. Въ теченіе всего этого времени онъ до того скромно держалъ себя, что даже ни разу не засмѣялся.

Но вотъ однажды приходитъ къ его хозяину знакомый богатый человѣкъ и проситъ его сдѣлать сапоги къ извѣстному числу, такъ какъ онъ рассчитываетъ быть того числа на пирѣ у одного изъ своихъ пріятелей. Сапожникъ обѣщаль исполнить заказъ къ назначенному сроку. Бывшій при этомъ ангелъ, услышавъ повторенную просьбу богача о срокѣ, усмѣхнулся.

Когда заказчикъ ушелъ, хозяинъ сказалъ своему работнику: «Вотъ ты прожилъ у меня три года, но я ни разу за все это время не видѣлъ, чтобы ты смѣялся, а вотъ сейчасъ, когда я говорилъ съ этимъ человѣкомъ, что заказалъ себѣ сапоги, ты усмѣхнулся. Скажи же мнѣ, чему ты усмѣхнулся?» Ангелъ отвѣчалъ: сказать то можно, но только послѣ того мнѣ

уже нельзя будетъ у тебя жить. Этотъ отвѣтъ еще сильнѣе возбудилъ любопытство сапожника, и потому онъ сказалъ: «хотя мнѣ и жаль лишиться такого хорошаго, какъ ты, работника, да все таки я желаю знать причину твоего смѣха: за три года ни разу не улыбнулся, а тутъ на!— въ первый разъ видить и слышать человѣка и смѣется!» Тогда ангель открылъ сапожнику о себѣ, кто онъ и за что сосланъ на землю, а потомъ сказалъ, что усмѣхнулся потому, что человѣкъ, заказавшій имъ сапоги и твердившій, чтобы сапоги непременно были готовы къ назначенному сроку, самъ не доживетъ до этого срока. Какъ ангель сказалъ, такъ и случилось: сапожникъ, явившись въ домъ заказчика къ назначенному дню съ готовыми сапогами, засталъ лишь тѣло знакомаго на столѣ, а возвратясь къ себѣ домой, не нашелъ и работника.

Отъ сапожника ангель отправился къ одному благочестивому священнику и нанялся къ нему также въ работники съ условіемъ, чтобы ему позволяли въ каждый праздничный день ходить въ церковь. Здѣсь, у священника, ангель прожилъ четыре года; работалъ усердно, ходилъ въ церковь исправно, но и у священника, какъ прежде у сапожника, за всѣ четыре года ни разу не засмѣялся. Но вотъ однажды, стоя въ церкви, увидѣлъ онъ, что туда вошелъ молодой, прилично одѣтый, человѣкъ вмѣстѣ съ молодою, богато одѣтою, дѣвушкою, увидѣлъ ихъ ангель и свѣтло улыбнулся. Священникъ замѣтилъ эту улыбку на лицѣ своего всегда печальнаго работника и, когда вышли изъ церкви, сталъ допрашивать его, почему онъ засмѣялся, при видѣ двухъ молодыхъ людей, вошедшихъ въ церковь. Ангель сказалъ и священнику то же, что и сапожнику: «если я открою причину своей улыбки, то долженъ буду уйти отъ васъ». Но и священникъ, подобно прежнему хозяину, не въ силахъ былъ преодолѣть своего любопытства, а потому настаивалъ, чтобы работникъ открылъ ему свою тайну. Тогда ангель разсказалъ о себѣ все: и кто онъ и за что наказанъ Богомъ, и кто тѣ молодые бывшіе въ церкви люди и почему при видѣ ихъ онъ улыбнулся. То были двое изъ числа тѣхъ, какъ онъ думалъ, несчастныхъ спроть, изъ сожалѣнія къ участи которыхъ онъ дерзнулъ ослушаться воли Божіей, за что и терпитъ теперь должное наказаніе, въ то время какъ они по всеумудрому промыслу Творца живутъ безъ матери лучше, чѣмъ жили бы при ней. Выслушавъ исповѣдь ангела, священникъ сказалъ ему: «Если ты дѣйствительно ангель, то спой мнѣ ангельскую пѣснь». На это ангель отвѣчалъ: «теперь Великій постъ, вотъ пастушаетъ Страстная недѣля,—предложи желающимъ изъ твоихъ прихожанъ ничего не ѣсть отъ Чпстаго четверга до Свѣтлаго Христова Воскресенья, тогда только я могу запѣть въ церкви ангельскую пѣснь, а они

услышать ее. Священникъ сказалъ объ этомъ своимъ прихожанамъ и желающіе поститься, конечно, нашлись. Вотъ и канунъ Свѣтлаго Христова Воскресенья, вотъ и полночь и крестный ходъ начинается вокругъ церкви; тогда ангель сказалъ, чтобы всѣ постившіе отъ четверга остались въ церкви. И когда всѣ люди за исключеніемъ ничего неѣвшихъ отъ четверга, вышли изъ церкви, ангель запѣлъ ангельскую пѣснь и, по мѣрѣ того какъ онъ пѣлъ, у него выростали за плечами крылья: выше и выше неслась его пѣснь, а вмѣстѣ съ нею все выше и выше поднимался и онъ самъ, унося съ собою на небо и души всѣхъ оставшихся съ нимъ въ церкви (сл. Араповка. Зап. уч. М. Скубакъ).

«На Великдень, якъ дочытуютця до Христа, такъ иде, або сынъ, або дочка, або жинка до чоловіка христоскатыця на кладовище съ покойникомъ и говорять трычи: Хрыстось воскресе! Потимъ у могилу закопуе крапанки стики, скпки прынесе, а вже на другый день празныка, на Богородыцю, иде упяять на кладовище, откопуе и роздае дитимъ. Якъ то вси крапанки цили, такъ значить душа покойныка угодна Богови, а якъ то собаки, або хто другый, ихъ поодрыва и не вси будуть, такъ значить душа не вгодпа Богови и незвисно, чымъ помогты тій души» (сл. Кр.). Однако такъ поступаетъ незначительное меньшинство; большинство же крестьянъ спѣшить изъ церкви прямо домой, чтобы по скорѣе разговѣться, а затѣмъ уже, разговѣвшись дома, отправляются и на кладбище, чтобы похристосываться тамъ съ покойниками. Когда принесутъ домой пасху и поставятъ ее на столъ, старшій въ семьѣ развязываетъ рушникъ, осматриваетъ всю пасху въ особенности же шишку на ней, не найдется ли волоска или шерстинки, потому что по цвѣту найденной на нихъ шерстинки заключаютъ, какой масти скоть будетъ ко двору. Предполагается, что и на домовомъ шерсть такого же цвѣта и что онъ любитъ лошадей и скоть своей масти. Шишка и узелки съ ишеномъ, макомъ, ладономъ, солью, перцемъ, а иногда, если бывають, сверхъ того иголка, кусокъ точильнаго бруска, что косы точать, и щепка съ отверстиемъ, дыркой, отъ выпавшаго сучка,—все это отдается хозяйкѣ на храненіе, потому что все это въ хозяйствѣ «згидливе», нужно. Самъ же хозяинъ беретъ и рѣжетъ на кусочки сперва просфору, потомъ окраецъ ржаного хлѣба, далѣе кусокъ сала, отрѣзываетъ отъ пасхи часть и разрѣзываетъ ее на куски по числу членовъ семьи, очищаетъ и рѣжетъ пополамъ крапанки и отрѣзываетъ куски отъ поросенка, затѣмъ всѣхъ одѣляетъ, начиная съ просфоры, а все оставшееся ставится на покуть и прикрывается рушникомъ. Всѣ съѣдаютъ сперва по кусочку просфоры, потомъ по кусочку ржаного хлѣба съ саломъ, а затѣмъ уже

ѣдят пасху, яйца, поросенка и наконецъ; объѣдаютъ. Предъ ѣдою, пере-крестившись, хозяинъ обыкновенно благодаритъ Бога за то, что онъ удостоилъ присутствующихъ дожить до пасхи, и выражаетъ пожеланіе дожидаться и слѣдующей, при чемъ прибавляетъ: «ныхай лыгенько згадается нашимъ родытылямъ, родычамъ и всымъ прыатылямъ», не прибавляя къ слову «родытылямъ» слова «помершимъ», хотя его родители уже покойники, потому что, по народному представленію, въ этотъ день всѣ живы и умершіе слышатъ, что говорятъ ихъ дѣти (х. М.). По окончаніи объѣда пасху и все «свячено» ставятъ на столъ. Такой порядокъ соблюдается три дня. Спать послѣ объѣда въ этотъ день грѣшно; другіе поясняютъ, что въ этотъ день Спаситель съ своими учениками развозитъ людямъ счастье, а поэтому, заснувшій можетъ проспять свое счастье-долю. Существуетъ также убѣжденіе, что въ теченіе 40 дней, отъ Пасхи до Вознесенія, Иисусъ Христосъ съ апостолами ходитъ по землѣ въ видѣ нищихъ или странниковъ, а потому въ теченіе этого времени не должно никому отказывать въ подаваніи.

— Желаящему увидѣть свою Долю совѣтуютъ, разговѣвшись на первый день Пасхи, выйти за ворота съ освященной крашанкой въ рукахъ, — первый показавшійся и попавшійся на глаза челоуѣкъ и есть Доля.

— Все съѣдомое «свячено» слѣдуетъ хорошенько прятать отъ мышей, такъ какъ у мыши, съѣвшей кусочекъ чего-нибудь изъ освященнаго на Пасху, тотчасъ вырастаютъ крылья, и она становится летучею мышью, то есть, кажаномъ. А какъ около церкви всегда остаются крошки послѣ освященія пасокъ, то вотъ и объясненіе, почему на церквахъ и колокольняхъ водятся кажаны. Если крестьянину случится поймать кажана, то, убивъ и засушивъ, стираетъ его въ мелкій порошокъ. Этотъ порошокъ употребляется отъ лихорадки, также даютъ его лошадямъ, «закармливаютъ», чтобы лошади были жирны.

Встрѣчается повѣрье, что на Свѣтлый праздникъ слѣдуетъ ѣсть только одни свяченныя яйца. «Якъ хто исть на Велькдень не освяченныя яйца и стико зѣсть ихъ, то стико й побаче за лито гадюкъ, и треба ихъ бояться тому чоловику, а то воны укусятъ его, а винъ и умре тоди» (хут. М.)—Будеть вонять изо рта (г. К.)

— Скорлупки освященныхъ крашанокъ и кости пасхальнаго поросенка сберегаютъ и употребляютъ какъ лечебное средство: «скорлупки свяченыхъ яичокъ бережутъ: якъ роспухне вымя у коровы, то ими пидкурюють и проходе; молоденькихъ гусятокъ и курятокъ пидкурюють, якъ хто погладе; пидкурюють й квочокъ, шобъ воны изъ усихъ яицъ

вывели курчаты; якъ нападе на чоловика бишиха або пропасныця, то подкурюють и чоловика» (сл. Н.-Н).

— Когда корова начнетъ плохо доиться, вслѣдствіе предполагаемой порчи вѣдьмоу, то берутъ небольшой черепокъ, кладутъ туда жару (горячихъ угольевъ), а на жаръ скорлупокъ освященныхъ крашанокъ, кости пасхальнаго поросенка, прутки священной вербы, воску отъ страстной свѣчи, кусочки мѣла, которымъ писали кресты подъ праздникъ Богоявленія и херувимскаго ладону, и всей этой смѣсью подкуриваютъ корову и при этомъ читаютъ молитву Господню три раза (сл. Кбл.).

— Освященнымъ макомъ и пшеномъ осыпаютъ отелившуюся корову, при чемъ приговариваютъ: «хто буде сей макъ збыраты, той буде сиру, гниду (смотря по масти коровы) корову зѣдаты». Это дѣлается для того, чтобы никто «не наврочивъ, не зглазимвъ коровы». А для того, чтобы «первистци» (корова съ первымъ телкомъ) не донла вѣдьма, для этого просверливаютъ у коровы правый рогъ тонкимъ буравчикомъ, въ отверстие насыпаютъ священнаго маку, пшена, скорлупы яицъ и затѣмъ забиваютъ колышкомъ изъ квичальной осины. Говорятъ, что лиха личина (чертъ), помогающая вѣдьмамъ доить коровъ, придерживая послѣднихъ за рога, не посмѣетъ уже тогда къ нимъ прикоснуться. Когда телокъ при коровѣ, вѣдьма не можетъ подоить ее; по этому принято на Свѣтлый Праздникъ и на всѣ дни заговѣнъ телковъ отъ коровъ не отлучаютъ, такъ какъ въ эти по преимуществу дни вѣдьмы и являются доить коровъ. Добавлю, кстати, когда корова станетъ давать значительно меньше, противъ нормальнаго количества, молока, то привязываютъ на веревку кусокъ ржаного хлѣба и ночью, когда уже всюду спать, идутъ къ колодезю, опускаютъ въ него на веревкѣ кусокъ хлѣба, приговаривая при этомъ: «якъ ся крыныця прибавля воды, такъ шобъ и паша сира корова прибавыла молока». Затѣмъ эту краюху хлѣба даютъ сѣсть коровѣ. (г. К., сл. Ар. Пп).

— Когда корова отелется, даютъ ей размоченные въ водѣ и посыпанные освященной солью кусокъ пасхальной шишки и крайчика ржаного хлѣба, что освящался съ пасхой (г. К., х. М.).

— Если у коровы гдѣ нибудь на тѣлѣ появится опухоль, то ее подкуриваютъ сказанными шишкой и крайчикомъ хлѣба (г. К., сл. Пн. Дв.).

— Освященнымъ макомъ посыпаютъ вылупившихся цыплятъ, утятъ и прочую домашнюю птицу, чтобы никто ихъ не сглазилъ, а освященнымъ пшеномъ закармливаютъ цыплятъ. (г. К., сл. Св. Л.).

— Даютъ жевать пшено дѣтямъ отъ тошноты, а взрослымъ на водѣ отъ желудочныхъ спазмъ (г. К.).

— Освященнымъ галуномъ (квасцы) присыпають язвы на тѣлѣ (г. К.), а нагрѣтымъ брускомъ придавливають опухшее у коровы вымя (сл. Вб. Св.-Л., Н. Н., Пи.).

— Льють по каплямъ чрезъ отверстіе въ освященной щепкѣ воду и потомъ этой водою промывають глаза у людей, больныхъ такъ называемой куриной слѣпотою, или предлагають этимъ больнымъ смотрѣть при восходѣ и закатѣ солнца на солнце въ ушко освященной иглы (г. К., сл. Пря., Н. Н.).

— Молодые люди, женихи и невѣсты, носятъ освященную иглу въ платѣ, закалывая ее на груди или на спинѣ, но непременно вверхъ жаломъ (г. К., сл. Н. Н., Св. Л.), чтобы никто не сглазилъ.

— Освященное сало дается скоту и свиньямъ, когда у нихъ заводятся черви,—черви всѣ выпадають; этимъ же саломъ смазываются язвы у рабочаго скота на шеѣ (г. К.).

— Кто на свѣтлый праздникъ поправитъ крестъ на могилѣ, тому прощается самый тяжкій изъ грѣховъ, поэтому нѣкоторые въ этотъ день поправляютъ на кладбищахъ ветхіе кресты.

— Во время заутрени крадутъ чью-нибудь палку и потомъ бросаютъ ее въ голубятникъ: голуби будутъ хорошо водиться (сл. Бор.).

На Свѣтлый праздникъ въ однихъ селеніяхъ тотчасъ послѣ заутрени, въ другихъ—разговѣвшись, ходять преимущественно небольшіе мальчики поздравлять съ праздникомъ, причѣмъ говорятъ и вирши за что чаще всего получаютъ красное яйцо.

Пасхальныя вирши.

1.

Христось воскресъ! Христось вос-
кресь!
Христось воскресъ! и насъ вознесъ:
Тамъ пташки летали,
Весело спивали,
Не мы будемъ спивать,
Христа звеселять
Будьте здоровы, съ праздникомъ
Воскресеньемъ Христовымъ (сл.
Кбя Пря).

2.

Христось воскресъ!
За насъ вознесъ,
Не самъ собою
Души къ покою.
А ты, мате, не плачь, не рыдай,
Свого Сына зъ гроба не копай:
Твой Сынъ воскресъ,
Намъ радость принесъ.
Мы радость принимаемъ,—
Вась съ праздникомъ поздравляемъ
(сл. Гус.).

А.

Христось воскресь!
На насъ вознесъ
Самъ собою
Вишный покою.
Анголы литають,
Весело спивають,
И я веселюся,
Христу поклонюся (г. К., сл. Дв.).

3.

Христось воскресь! Христось вос-
кресь!
Христось воскресь! Не самъ воз-
несъ,

Не самъ собою души упокою:
Иопавъ за наши муки
Христось жидамъ у руки.
Сталы Его быты, кататы,
На крести распынены.
Дива Марія пидъ крестомъ стояла,
Плакала й рыдала,
Своего Сына возлюбленого вельчала:
Сынъ мій возлюбленный, якого дня
Устанешъ ты изъ гроба?
Третьяго дня.
Ангелы це чулы, сталы пияты,
Намъ раду казаты.
Мы пий рады давно желаемъ
И васъ съ праздникомъ Св. В. по-
здравляемъ (сл. Кбя).

4.

Христось воскресь: радъ мырь
увесь,—
Дождалыся паски, Божой ласки.
Теперь всякъ найвсякъ въ смакъ
Свяченой паски.

Вси гуляють, восхваляють
Воскрешаго Бога,
Авжежъ тая намъ до рая
Протерта дорога.
Злыи дуси, якъ ти муси
Вси воны послызлы:
Знавъ Иусуъ въ пекло покусь,
Щобъ хрыстянъ ны грызлы.
А смерть люта, иго намъ пута
Вельми докучала,
По очеретахъ, по болотахъ
Бижуче крычала.
Хай суцига теперь бига,
Якъ шалена зъ ляку. (г. К.).

5.

Христось воскресе!
Царей, царей, другъ людей,
Жертва злобы, вставъ изъ гроба,
Жизнь разлилъ.
Торжествуй и ликуй,
Тварь земная, воспѣвая
Богу силъ.
Богъ боговъ, царь вѣковъ
Всѣхъ отрада, жало ада
Притупиль,
И рабовъ злыхъ духовъ
Царь вселенны отъ геенны
Свободиль.
Золь вину—сатану,
Смерти брата, супостата
Низложилъ;
И сей духъ нынѣ вдругъ
Тронъ падзвѣздный въ бездну бездны
Урониль.
Рушивъ адъ, въ рай преградъ
Богъ Спаситель, Искупитель
Нашъ лишилъ,

И въ эдемъ, людямъ всѣмъ
Недоступный, онъ пріютный

Путь открылъ.

Наконецъ Богъ отецъ,

Всѣхъ сзывая, двери рая

Растворилъ.

Торжествуи и ликуи

Тварь земная, воспѣвая, прославляя

Бога силъ (г. К.).

6.

О выносни и выльки Христось
тырпивъ муки,

Якъ Его жида взяли въ бизбожни
свои руки;

И тяжки Ему муки завдавали:

За власа тягали и бычували,

И трость на глави Его ломали,

Терновый винець на главу Ему
возложили,

Руци и нози къ древу гвоздями
прыбыли.

Руци и нози Его къ древу пры-
быша

И остама съ желчью Его напоиша.

Христось въ выльчайшемъ своимъ
мученьи

Изглаголаша всимъ свое изрѣче-
ніе:

«Совершися! Отче, тоби предаю
духъ мой!»

Потимъ умре, испустя Отцу не-
бесному духъ свой.

Единъ изъ воиновъ въ ребро ко-
пиемъ Христа прободѣ,

И изъ раны Его кровь и вода
истече.

Смерть Спасителя и мученье от-
крылся:

Сопце и мисяць на три часа зат-
мылся,

Завѣса церковная во храмѣ надвое
раздрася,

И въ градѣ томъ цилый день зем-
ля тряслася.

Де прычистая Дива при Хрысти
стояла

И жалостнымъ плачемъ до Его
зывала:

Увы мнѣ, надежда моя, сладчай-
шій Сыне мой!

Увядаю я серцемъ и душою, Бо-
же мой!

Како злодѣйскимъ судомъ чадо мое
осуждено

И неправедно на крестѣ пригвож-
дено.

О страшное сіе видѣнье и слы-
шаніе:

Чрезъ насъ грѣшныхъ Хрыстово
страдаіе.

Христось воскресъ, крестъ претыр-
пивый въ гробѣ пребывый,

Смертью своею всихъ вирныхъ одѣ
ада свободывый.

Я вамъ радость сію возвищаю

И васъ съ празныкомъ В. Хр. по-
здравляю. (г. К.).

7.

О несносныя и великія Христось
терпѣль муки,

Когда Его въ саду взяли безбож-
ные жида въ руки.

Брали Его, вязали, въ глаза Ему
плевали,

По ланитѣ ударяли, за власы тер-
зали,

На крестѣ съ разбойниками рас-
пинали.

Мать Его подѣ крестомъ стояла,
Горькими слезами рыдала:

О, сыне мой, сыне! очей моихъ свѣте!

О, кресте, кресте! на тебѣ царя
распяли,

На тебѣ царь небесъ умираетъ.

Звѣзды и солнце въ страхѣ свѣтъ
свой скрываютъ,

Вся земля восклицаетъ;

Мертвые встаютъ, къ Тебѣ при-
падаютъ,

Своимъ избавителемъ Тебя назы-
ваютъ.

Христовъ воскресъ! Христовъ вос-
кресъ!

Адъ трепещетъ, а мы въ восторгѣ
восклицаемъ:

Христовъ воскресъ! Христовъ вос-
кресъ! Христовъ воскресъ!

И съ праздникомъ Воскресеньемъ
Христовымъ поздравляемъ (г. К.).

8.

Во святомъ было во градѣ во Іеру-
салимѣ,

На позорномъ лобномъ мѣстѣ, на
горѣ Голгоѣ,

Безглаголенъ, обезчещенъ Исусъ,
Сыне Божій,

Весъ въ кровавыхъ язвахъ на кре-
стѣ былъ распятъ.

Тутъ стояла Дѣва-Мати, плакала,
рыдала,

Сокрушалась и терзалась о своемъ
любезномъ Сынѣ:

«Ахъ ты, Сынь, моя надежда,
Исусъ, Сыне Божій!

«Гдѣ архангелъ, кой пророчилъ,
что Царемъ ты...

«Я всего теперь лишилась: я те-
перь безчадна...

«Бейся, сердце, сокрушайся и утро-
ба вся терзайся!»

Со креста узрѣвъ Сынь Божій
плачущую Мать,

Услыхавъ Ея рыданья, тако про-
лаголалъ:

«Не рыдай Мене, о, Мати, и отри-
потокъ ты слезный,

«Веселися ты надеждой: я вос-
кресну,

«Царемъ буду надъ землею и не-
бомъ;

«Я тебя тогда прославлю

«И гѣхъ вознесу со славой, кто
Тебя возвеличитъ. (г. К. сл. Бѣ-
ловодскъ, Староб. у.).

9.

Пророки пророчили за тысящу лѣтъ,
Другіе сказали за триста годовъ,

Во пятой во тысящи, въ пяти
стахъ годахъ

Рожденъ, мученъ Исуса Христа.

Во мартѣ, во мѣсяцѣ, во послѣд-
нихъ дняхъ

Въ Страстныя недѣли во пятиш-
ной день,

Плакала-рыдала Святая Дѣва

Во святомъ во градѣ Іерусалимѣ

При ней были три мироносицы
жены.

На сустрѣчу имъ грядутъ два жиды.

Восплакала, спросила Святая Дѣва:

«Гдѣ вы, жиды, были, куда гря-
дете?»

— А мы били-мучили Исуса Христа,
— Бивши-мучивши, въ темницу
всадили,
— Въ шестомъ часу въ пятницу
распяли Его,
— Въ ноги и во длани прибиша
гвоздями,
— Вѣнецъ наложиша на главу Его,
— Мученья и ранъ Его не мож-
но исчислить:
— Копіемъ пробиша Исуса ребро,
— Земля обогрѣлася отъ крови Его
Услышала глаголы ихъ Святая
Дѣва,
Ударьлась о землю, едва бысть
жива:
«Увы, мать-сыра земля, возьми мя
къ себѣ!
«Сыне мой любезный, надежда моя,
«Почто не послушалъ матери своей
«Нынѣ сердце мое все терзается.
«Суставы и плоти разсыпаются,
«Кровію уста мои закипаются
«Почто оставляешь едину мя здѣ?
«Вкупѣ бы вкусила съ Тобою горь-
кую я смерть.
«Кто нынѣ утѣшить отъ горькихъ
мя слезъ?»
«Со страха великаго и со ужести
«Скрылися-бѣжали апостоли вси,
«Едину оставили плакати мене
«Кто мнѣ нынѣ, Сыне, поможетъ
въ слезахъ?»
Господь проглагола къ Матери
своей:
«Любезная Мать моя, не плачь
обо мнѣ». «Плачьте, стоните, небо и земля!

«Плачьте, рыдайте, рѣки и моря!
«Плачьте, стоните, солнце и луна!
«Плачьте, стоните, вдовы, сироты,
«Наставникъ - учитель покинулъ
всѣхъ васъ,
«Сыне мой любезный, надежда моя,
«Волею поиде на крестную смерть». Господь проглагола къ Матери
своей:
«Любезная Мать моя, не плачь
обо мнѣ:
«Въ третій день воскресну и про-
славлю Тебе,
«Радость и веселье— не будетъ
конца. (Сл. Н-Н.).

10.

Кажуть будто, молодыци—лыда-
щици,
Вси пужлыви, якъ зайци, ажъ не
правда панотци.
Глядь, Марія среди ночи изовсїй
пустылась мочи
Плакаты на гробъ Христовъ, на
Голгофу межъ кустовъ.
Поздырала соби ноги, ны боялась
сынагоги,
И напала тамъ Христа, Винъ же
ій сказавъ спроста:
«Ты чого, Маріе, плачешъ? Я уже
воскресъ, якъ бачешъ». Пусть жиды на путь крычать, що
нарушена пичать:
Сторожама дала плату, щобъ бры-
хала такъ Пилату,
Будто змигъ ихъ крипкий сонъ,
а Христа унесъ хтось вонъ.
Нить, Христосъ бувъ па работи,
насъ избавивъ отъ заботы,

Уже пекло погасывъ, и Адама
 воскресывъ.
 Куца сатана почула, шо и смерть
 уже заспула,
 И Адамъ сміяця ставъ, зъ Моисеемъ
 засвиставъ.
 Прибигаютъ ко Арону здилать
 справку по закону,
 А Аронъ очки надивъ и въ скрѣ-
 жали поглядивъ,
 Поглядивши засміявся, бо винъ
 заразъ догадася,
 Шо уже воскресъ Христось. Въ
 землю потупивши носъ,
 Выбилъ на некеьну браму, ажъ
 Христось иде къ Адаму.
 Брама впала передъ Нымъ, муръ
 розсыпався, якъ дымъ;
 Смерть лыжала у кусточку, рвала
 на соби сорочку,
 Надулася и соплаина Богашось несла.
 Куцый збигався изъ ляку: круто
 стало небораку,
 Заразъ пекло погасывъ, а Хри-
 стось его спросывъ:
 «Де старенька баба Ева, шо кис-
 лычку зѣйла зъ древа?»
 Куцый кочергу узявъ и все въ
 пекли помишавъ:
 Еву вынули изъ печи, обгорили
 въ неи плечи,
 А за нею и Адамъ, весь испече-
 ный и самъ
 Бидныхъ бачивши всю кару, шо
 спеклыся вси одъ жару,
 Зъ голоду запавъ живить, задъ
 нагайкамы побыть,
 Адамъ слизамы облывся, Христу
 до нигъ поклонывся,

Горько, горько зарыдавъ и на Еву
 поглядавъ
 Христось взявъ его за руку и ска-
 завъ: «такую муку
 Ты, Адаме, забывай, та иды пря-
 менько въ рай!»
 Тутъ дали вси съ пекла драга,
 Ева на вси жилы брала,
 А Адамъ ажъ употивъ, шо попе-
 реду лытивъ.
 И тоди велику зграю провели во-
 ны до раю:
 Тутъ и богатырь Самсонъ, шо ла-
 сенькый бувъ на сонъ,
 Наробывъ по пеклу трусу, крѣ-
 нувъ Навыну Иисусу,
 Щобъ винъ сонпе задержавъ, самъ
 затрясся, задрожавъ.
 Чувши це Мусій зъ рогамы тун-
 нувъ, якъ солдатъ, ногамы,
 Шо сямтянь потоппывъ, самъ за
 море ухныль.
 Вси 14-ть тысячь дитей вый-
 шлы, А Илья лытивъ при
 дышли,
 Елисею давъ жупанъ, щобъ пы-
 рыйшовъ на Йорданъ.
 Царъ безъ племени и роду йхавъ
 верхи до народу,
 А за нымъ святой Ахветъ нисъ
 шаблю и мушкетъ.
 А Исавъ казавъ Исаку: «забувайме
 стару драку!»
 Тутъ же за руки взялысь и до
 раю потовкыльсь.
 На дорози встрили Лота, ажъ ва-
 лила пина зъ рота,
 И той чеше въ райскій садъ ве-
 оглядкою назадъ

Ной старенькій підтоптався, вы-
пывъ съ трудовъ тай заспався,
А премудрый Соломонъ выгляда изъ
раю вонъ (завонывъ у райскій
звонъ).
Затряслося въ раю было, що ажъ
Ною досадыло,
Пробудывся старый дидъ, ажъ тутъ
кмычуть на обидъ,
Косо поглядывъ на Хама, тай по-
тягъ до Авраама,
Тамъ засунувся за стиль, прыся-
бывся та и сивъ.
Тутъ дали по чарци пыва, а Да-
выдъ наче на дыво
Прыударывъ въ гусли такъ, що
скакать хотивъ усякъ.
Сара кинула и ложку, размахала
свою ножку,
А за нею и Рахиль, Лія кинулась
въ постиль,
Протырала свои очи; а Ревека зу
всїей мочи
Понеслася гопака, а Сусанна изъ
садка

На долину поглядила и на танецъ
полытила;
А красывая Есфирь красну вы-
няла псалтырь,
Предъ Давыдомъ развернула и за-
грать ему шепнула...
Ажъ до алтаревыхъ рогъ, де пред-
сыдытъ вичный Богъ.
Тутъ и бабы, тутъ и внуки вси
побралыся за руки,
Заплылыся въ хороводъ: «слава
Богу въ родъ и въ родъ!»
Ны здывуйсь, святыи владыко,
може для тебя и дыко,
Що я виршу такъ сказавъ, та ще
пысанки ны взявъ,—
Ны затымъ шо покупывся, а на
гарну ны разжився,
А погану стыдно несть,—сю я
зпаю трохи честь.
Ни пригожа наша мова, колы
брешемъ хочъ пивслова,
Озымы сердце розверны,—есть брех-
ня, такъ заверны. (г. К., сл. Тар.,
П., Александровка, Староб. у.).

На Свѣтлое Воскресенье, пойдя въ церковь къ заутренѣ во всемъ повомъ, въ первый разъ надѣтомъ, можно увидѣть тамъ и вѣдьму съ дойницею на головѣ и черта, стоящаго задомъ къ алтарю (х. М.).

Хотя на Свѣтлый праздникъ всѣ крестьяне, отъ мала и до велика, радостно стремятся къ церкви, но и при такомъ всеобщемъ влеченіи къ церкви, малорусскій рационализмъ не преминулъ напомнить, что внутреннее благочестіе важнѣе внѣшняго публичнаго его выраженія, приводя въ примѣръ случай съ старикомъ, никогда не посѣщавшимъ церкви. Сущность содержанія легенды такова:

Жиль хорощій хозяинъ, почтенный старикъ, жилъ со всѣми мирно, не пьянствовалъ, ни съ кѣмъ не бранился и не ссорился, бѣднымъ по-могалъ, милостыню подавалъ,—совсѣмъ хорощій человекъ, да вотъ странность: въ церковь никогда не ходилъ, однако дома молился, что знали

и свои и чужіе. Сосѣди удивлялись его поведенію, а молодежь стала даже смѣяться надъ внуками старика, обзывая дѣда ихъ «бузувиромъ», «нехрыстомъ». Дѣти не разъ съ плачемъ выговаривали старику, что черезъ него, изъ-за него имъ нельзя и на улипу показаться. Догло крѣпился старикъ, накопецъ не выперпѣлъ: пошелъ на Свѣтлый Праздникъ къ заутрени въ свою слободскую церковь. Тамъ онъ видѣлъ, какъ чертъ записывалъ на лошадиной кожѣ грѣхи людей, а на возвратномъ пути изъ церкви старикъ этотъ, при переходѣ черезъ рѣку, замочилъ подошвы сапогъ, между тѣмъ какъ, шедши въ церковь, перешелъ черезъ рѣку по водѣ, какъ по льду. (г. К.).

Второй день Пасхи называется «Богородица», а третій «Тройца». Христосуются обыкновенно при встрѣчахъ до Вознесенія, но обычай этотъ уже не строго соблюдается не говоря уже о молодежи, но даже и пожилыми.

— Если на второй день Пасхи будетъ сухая и ясная погода,— лѣто выйдетъ сырое, дождливое.

Отъ Пасхи до Вознесенія вечера считаются святыми и крестьянками, поэтому часовъ съ 4-хъ пополудни не работаютъ, а собираются на «юльцю», гдѣ и ведутъ бесѣды. Многіе вѣрятъ, что отъ Велькодня до Вшестья ходятъ не только Христосъ съ апостолами, но и души всѣхъ умершихъ, посѣщая хаты, какъ днемъ, такъ равно и ночью. Другіе же убѣждены, что по почамъ бывають въ хатахъ Богородица и ангелы-хранители, а поэтому каждая хозяйка всегда на ночь подметаетъ въ хатѣ. (г. К., сл. Св.-Л.. Кбя, Пря, Дв.).

— Въ теченіе всей Свѣтлой недѣли (Велькодній недѣли) не выбираютъ изъ печей золы, а выбираютъ ее сразу на Проводы и потомъ этой золою посыпають разсаду и капусту, чтобы не заводилась на нихъ зия (попильнуха) и блошакъ.

Проводы.

Проводами называется поминовеніе умершихъ, совершаемое въ по-недѣльничъ, а иногда, и во вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ. Въ эти дни, по окончаніи литургіи въ церкви, служатся панихиды на кладбищѣ на родовыхъ могилахъ, вокругъ которыхъ и располагаются, по окончаніи панихиды, всѣ пришедшіе помянуть своихъ покойниковъ. Могилы къ проводамъ приводятся въ порядокъ, обкладываются зеленымъ дерномъ, носыпаются пескомъ; кладутъ на нихъ и букеты или вѣнки весеннихъ цвѣтовъ.

— Существуетъ повѣрье, что на Проводы, въ ожиданіи прихода священника, всѣ покойники сидятъ на своихъ могилахъ и читаютъ поминальницы, а когда придетъ священникъ и начнетъ панихида, тогда и они присоединяются къ молящимся (сл. Пря.).

— Нѣкоторые «якъ помивнають покойныкнвъ, та выльють тры чарки горилъки на могилу, шобъ и покойныки тамъ покуштовалы, и зокопують въ могилу яйца, шобъ покойныки розговилысь», большинство же только закапываютъ въ могилу яйца, а, вмѣсто водки, иные выливаютъ на могилу канунъ.

— Начиная закусывать, говорятъ: «Дай, Боже, царство переслазущимъ душамъ», или: «Царство небесне, вичный покій,—дай вамъ, Боже, легко лежаты и Христа въ очи выдаты», или же: «нехай надъ вами земля перомъ». А за водкой: «дай, Боже, намъ на свити пожиты».

Поминовеніе на могилахъ совершается вообще тихо, благопристойно: ведутся приличествующіе мѣсту и обстоятельствамъ разговоры, кое-гдѣ слышатся плачь и причитываніе, но все безъ крика и, такъ сказать, чинно. Не то бываетъ по возвращеніи съ кладбища вечеромъ въ слободѣ, когда старики, бабы и молодежь, разбившись на особыя кружки, заканчиваютъ поминки усиленно налегая на водку. Тогда за плачемъ не рѣдко слѣдуетъ пляска, а за объятіями и поцѣлуями—драга, послѣ которой мировая заключается въ шишкѣ.

На проводы справляютъ поминки объ умершихъ естественною смертью, душъ же самоубійць въ этотъ день нельзя поминать. Иные полагаютъ,—какъ это видно изъ слѣдующаго разсказа,—что этихъ погибшихъ душъ даже грѣшно поминать.

«Жила жинка; у неи була одна дочка, дивка, своею смертью вона не вмерла, а повисылась. Маты сыльно плакала за нею, шо нилзя ии помынаты. Отъ и стала вона просыты Бога, шобъ ий хочъ у снѣ побачыты ии. Дочка не явылась у снѣ, а явывся нѣкоторый старыкъ и сказавъ: «Ны плачь, а то и сама зъ нигъ звалыся; ты собырысь на обидь, та тики не зовы соби никого на помигъ, бо якъ станешъ поратыся сама коло печи, такъ ни съ кымъ тоби .буде лыхословыты. Якъ напечешъ и наварышь усякои стравы, та мазатымешъ горячи пырижки, такъ отхылы двери и тоди побачишь свою дочку: вона прыйде до тебѣ въ тимъ наряди, въ якому була жива». Якъ казавъ, такъ и зробылось: тильки шо ввійшла въ хату дочка, а тутъ шось якъ застукна на горищи, а маты и скажи: «шо воно, дочко, товчетьця, якъ головоко, (чертъ) въ погриби?» А дочка и каже: теперъ же вы, мамо, мене бильшь не побачете, а шо вы кажете, такъ то гришни души пару хватають (утопля-

ныки, вишалныки, ризалныки), тымъ воны тики и пытаютця. А теперь вы, мамо, усе те, що напыклы, та наварылы, хочь и собакамъ отдайты: уже вы согришили,—ваше не прѣметця». (сл. Кругл.).

— На проводы души грѣшниковъ, находящіяся въ аду, видять рай, потому что на этотъ день адское пламя поднимается вверху и рай появляется предъ глазами грѣшныхъ душъ (сл. Бар.).

В е с н я н к и.

Съ масляницы начинаютъ пѣть весеннія пѣсни, ипаче веснянки. Праздникомъ «козла» и открывается рядъ веснянокъ, въ которыхъ обрываются взаимныя отношенія двухъ половъ, изображается стремленіе молодежи другъ къ другу и будущая семейная ихъ жизнь. Въ сборникѣ «Игры крестьянскихъ дѣтей въ Купянскомъ уѣздѣ» нами приведена нѣсколько пѣсень, распѣваемыхъ молодежью, когда «козла» водять, но мы сочли нелишнимъ дать и здѣсь мѣсто вариантамъ нѣкоторыхъ изъ числа помѣщенныхъ въ сказанномъ сборникѣ пѣсень.

Въ слободѣ Араповкѣ дѣвушки, одѣтыя въ новыя свитки и всѣ подпоясанныя красными поясами, собравшись на ровномъ мѣстѣ за слободою, берутся за руки и выстраиваются въ одну шеренгу. Затѣмъ, начиная съ конца, пробѣгаютъ подъ руками двухъ первыхъ дѣвушекъ, не разрываясь, одна за другой, при чемъ послѣднія перекруживаются, выворачиваясь подъ своими руками. Въ такомъ порядкѣ совершается движеніе и по улицамъ слободы. Увлекая одна другую все впередъ и впередъ, всѣ поютъ, точнѣе сказать: всѣ кричатъ:

1.

Черную чернушку, зеленую петрушку,

Да ладо, ладо,—петрушку.

Та вловымъ козла за рижокъ,

Та поведемъ козла на торжокъ,

Та продамо за рубля,—

Пришла додому загула:

Дешево козла продала.

Та булюбъ браты сто рубливъ,

Та купиты сто конивъ,

Та вспахаты все поле,

Та сіяты все ячмивъ:

Старымъ бабамъ на кисиль,

Та варыты все ныво:

Дивчатамъ же все пыво,

А ребятамъ все дыво.

Та вскочивъ козелъ въ огородъ

Та пойвъ козелъ лукъ-часнокъ,

Ще й зеленую петрушку

И бленькую капусту,

Ще й червоніи буряки.

Одаривски хлопци дураки,

А наши хлопци молодци:
 Піймалы козла за рижокъ,
 Повелы козла на торжокъ,
 Продалы козла за шажокъ,
 Купылы дивчатамъ пырижокъ.

Въ сл. Преображенной, какъ и въ большинствѣ другихъ селеній уѣзда, водящія «козла» дѣвушки, взявшись за руки, бѣгутъ одна за другой, начиная съ задней, пробѣгая подъ руками впереди стоящихъ заплетая плетень, то есть, обѣгая одну спереди, а слѣдующую сзади, пока задняя не протянетъ всего ряда подъ руками передней пары, ставъ, такимъ образомъ, во главѣ новаго ряда, на концѣ (въ хвостѣ) котораго находится пара, бывшая во главѣ.

Б.
 Ой вскочивъ козель въ огородъ, въ
 огородъ,
 Та поивъ козель лукъ-чеснокъ, лукъ-
 чеснокъ,
 Та піймалы козла за рижокъ, за
 рижокъ,
 Та повелы козла на торжокъ, на
 торжокъ,

А.
 Вскочивъ козель въ огородъ,
 Да ладо, ладо,—въ огородъ,
 Та поѣль лукъ-чеснокъ,
 Да ладо, ладо,—лукъ-чеснокъ,

Та продалы козла за симъ кипъ,
 за симъ кипъ,
 Та купылы симъ воливъ, симъ во-
 ливъ,
 Та выоралы симъ ланивъ, симъ
 ланивъ,
 Та посіялы ячминю, ячминю
 Та й уродыло ячменю за жменю,
 за жменю.

Въ сл. Гусинкѣ къ этому добавляють:

Та й наробылы солоду, солоду:
 Отъ вамъ, дивчата, помыться, по-
 мыться,
 А вамъ, хлопьята, напыться, на-
 пыться.

А панови голову,
 А Федоту тулупецъ:
 Винъ хорошій моладецъ;
 Иванови кишички—
 Къ Велькодню стежики;
 А Петрови кендюшокъ—
 Къ Велькодню картузокъ;
 Сизѣнивськи парубкы,
 Сизѣнивськи дуракы
 Покохалысь, порослы,
 Поишхалы на лугы
 Рудыхъ мышей ловыты.
 Ны піймалы ны мыши,
 А піймалы комаря,
 Та й цовылы до суда.
 Сталы суды судыты и т. д. (г. К.)

2.

Наши хлопци молодци
 Поишхалы на вловы
 Пидъ зелени дибровы,
 Упіймалы комаря—
 Велького господаря,
 Тай понеслы до папа.
 Сталы суды судыты,
 Якъ комаря дилыты.
 Сѣму тому по стегну,

А Оедькови тѣлеса—
Его Маруся нечоса.
Возьми, Оедько, борову,
Пригладь Маруси голову. (сл. Ар.)

А.

Кропивое колесо выше тыну стояло,
Бильше дыва выдало.
Преображеньски парубки
Пойхалы на ловы:
Рудыхъ мышей ловыты.
Не впіймалы ни мышки,
Та впіймалы комаря,
Та повызлы до пана.
Сталы суды судыты,
Якъ комаря дилыты:
Сему тому по стегну,

А (имя парня) голова,

Шо здоровый безъ ума;

А (имя) нижычки,

Шо въ его чорни бривочки;

А (имя) крылычко,

Шо хороший на лычко;

А (имя) толупецъ,

Шо хороший молодець;

А (имя) ребра шмать,

Шо здоровый неженать;

А (имя) лопата,

Шо его дивчина горбата;

А (имя) пичинка,

Шо оборвався съ прычилка;

А (имя) легеня,

Шо его дивчина Олена;

А (имя) кишычки,

Затыкаты пляшечки;

А (имя) довгый хвистъ,

Шобъ стало грызты на весь пистъ

(сл. Пря).

3.

У мене мылый ревныый,—
Мій кудрявче, мій кучерявче!—
ревныый ¹⁾:

Не вельты, мини рядытьця
И на вулицю ходыты;
А я его не боюсь:
У недилю нарядюсь,
На вулицу я пиду,
Дивкамъ козла поведу;
А за мною тры посла:
Первый посоль—нагайка,
Другый посоль—шабелька,
Третій посоль—самъ мылый.
Я нагайку перерву,
А шабелку переломлю,
А мылого упросю (сл. Ар.).

А.

Тыжь, барвинку зылений,—
Мій кудрявчикъ, мій кучиряв-
чикъ! ²⁾ —зылений,
Ны стылыся по гринку,
Постылыся по садку,
По маненькому слидку.
Ой де мій мылый походе,
Такъ барвинокъ посходе
А теперь мій мылый рывныый
На вулицю ны пуска,
А я таки сама йду
Усимъ дивочкамъ таночокъ завьду
Шо выведу, та стану,
По дивочкамъ погляну,
Чи вси дивочки у таночку.
А одніи нымае,
Шо зъ королемъ гуляе.
А за нею тры посла.

¹⁾ Этотъ приѣвъ повторяется послѣ каждого стиха съ добавленіемъ на концѣ послѣдняго слова стиха.

²⁾ Этотъ приѣвъ повторяется за каждымъ стихомъ съ добавленіемъ на концѣ одного или двухъ послѣднихъ словъ стиха, смотря по смыслу.

Первый поселъ—шабылька,
Другой поселъ—нагайка,
Третій поселъ—самъ иде.
Я шабылку пырыбью,
А нагайку испалю,
А мылую спать положу.
Маты рожу ламае
И доньнку научае:
Якъ идемъ, доньнку, у таночокъ,
Та ны становись край короля,
Бо король пышное дытя:
И на нижиньку наступе,
Золотый перстынекъ зъ рученьки
зниме (г. К.)

4.

Тума танокъ водыла,—
Шо выведе та й станы,

Въ сл. Араповкѣ игра—козла водить—окапчивается такъ: одна изъ крайнихъ дѣвушекъ беретъ палку и гонить другую дѣвушку по надъ руками всего ряда и, догнавши, бьетъ. Этимъ показывается, какъ ревнивый мужъ погонитъ свою жену домой съ гулянья, почему въ это время припѣваютъ:

Гей, жона, до дому, до дому:
Диты плачуть, йсты хочуть!
Тамъ на полицы
Три паляныци,

На всихъ дивчатъ погляны:
(По всихъ дивочкахъ погляне
сл. Ар.)
Чи вси дивочки въ таночку?
Самой кращои (имя) немаи:
(Лишь роженки немае сл. Ар.)
Маты косу чысала,
«Та чышучы наючала:
«Ой, доненько, ты жъ моя роженко,
«Не йды въ таночекъ
«Гуляты до дивочекъ,
«Та не становись край тумы:
«Тума изведе изъ ума—
На ниженьку наступы,
Чырывычекъ розлупы;
За рученьку здавы,
Золоть перстень роздавы (г. К.,
сл. Ар. Пря., Пп., х. М.).

5.

Игра, «въ короля» идетъ въ сл. Араповкѣ въ такомъ порядкѣ: Двѣ дѣвушки отдѣляются отъ общей группы и становятся вдали отъ нея; прочія берутся за руки и выстраиваются въ рядъ. Первыя дѣвушки на-распѣвъ спрашиваютъ.

«Чомъ не йдемъ, чомъ не йдемъ!»
Стоящія въ ряду отвѣчаютъ:
— Боюся, боюся.
«Кого жъ боишься, бовишься?»

— Короля, короля.
«Короля дома нема»
— Сынъ дома, сынъ дома.
«И сына дома нема».

При послѣднихъ словахъ, сказанныхъ двумя дѣвушками, рядъ бросается къ нимъ и во время бѣга поетъ:

А въ нашего короля	И дочка Галька.
Королиха молода,	Зеленая травка
И сынъ Максимъ,	Полягла, полягла.

Но когда рядъ подбѣжить близко, то двѣ дѣвушки выхватываютъ изъ него одну и, убѣгая дальше, поютъ.

«Одъ вашего полку одбуло,
«А къ нашему полку прыбуло.

Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока во второй группѣ, въ бывшемъ ряду, останется двѣ дѣвушки.

А.

Б.

«Чомъ не йдешъ, чомъ не йдешъ?»	Сызъ горобейко коло города хо-
— Бюся, бюся.	дывъ,
«Кого жъ ты буйся, буйся?»	Сызъ горобейко тай у городъ усту-
— Короля, короля	пывъ,
«Якого, якого?»	Сызъ горобейко соби парочку шу-
— Старого, старого.	кавъ,
«А короля дома пема—	Сызъ горобейко соби парочку най-
«Сама королица,	шовъ.
«Королица Марія	Сызъ горобейко, поклонитесь ны-
«Не за царя Павла.	зенько,
— Король иде,—земля гуде:	Сызъ горобейко, пощылуйтыся мы-
Війско, стой! (сл. Пря.).	ленько!

Когда поютъ эту пѣсню, становятся въ кругъ, причемъ одинъ изъ играющихъ обходить кругъ сначала снаружи, потомъ, при словахъ: «сызъ горобейко тай у городъ уступывъ», входитъ въ кругъ, а при словахъ: «сызъ горобейко соби парочку найшовъ» беретъ одну изъ стоящихъ въ кругѣ дѣвушекъ, затѣмъ эта пара кланяется другъ другу и цѣлуется. (сл. Пря.).

7.

Рученьки склавъ, ниженьки прос-

Уже нашъ дударъ захворавъ—запе-
дужавъ,—
Ой люли, ой люли, захво-
равъ—занедужавъ:

тягъ,—
Ой люли, ой люли, нижень-
ки простягъ.
Ходить, подруженьки, зильячка
копаты,—

Ой люли, ой люли, зильячка
копаты,

Зильячка копаты, дударя скупаты,—

Ой люли, ой люли, дударя
скупаты.

Зилья накопили, дударя скупали,—

Ой люли, ой люли, дударя
скупали.

А теперь нашъ дударь и въ скоки,
и въ боки,—

Ой люли, ой люли, и въ ско-
ки, и въ боки;

И въ скоки, и въ боки—навпри-
сядки, гоць,—

Ой люли, ой люли навпри-
сядки гоць.

Та скажи! дударю, якъ стари диды
пляшуть?

Ой люли, ой люли, стари диды
пляшуть.

Отакъ воны пляшуть, отакъ воны
скачуть,—

Ой люли, ой люли, отакъ
воны скачуть:

Отакъ сутуливше, отакъ сгорбу-
ливше,—

Ой люли, ой люли, отакъ сгор-
буливше,

Ой такъ не хороше, ой такъ не
пригоже,—

Ой люли, ой люли, ой такъ
не пригоже.

Та скажи, дударю, та якъ бабы
пляшуть?—

Ой люли, ой люли, та якъ
бабы пляшуть?

Отакъ воны пляшуть, отакъ воны
скачуть,—

Ой люли, ой люли, отакъ
воны скачуть:

Отакъ сутуливше, отакъ сгорбу-
ливше,—

Ой люли, ой люли, отакъ
сгорбуливше,

Ой такъ не хороше, ой такъ не
пригоже,—

Ой люли, ой люли, ой такъ
не пригоже.

Та скажи, дударю, якъ парубочки
пляшуть?

Ой люли, ой люли, якъ па-
рубочки пляшуть?

Отакъ воны пляшуть, отакъ воны,
скачуть,—

Ой люли, ой, люли, отакъ
воны скачуть:

Отакъ хорошенько, отакъ приго-
женько,—

Ой люли, ой люли, отакъ
пригоженько.

Та скажи, дударю, якъ красни див-
ки пляшуть?

Ой люли, ой люли, якъ
красни дивки пляшуть?

Отакъ воны пляшуть, отакъ воны
скачуть,—

Ой люли, ой люли, отакъ
воны скачуть:

Та отакъ хорошенько, та отакъ
пригоженько,—

Ой люли, ой люли, та отакъ
пригоженько.

Поющіе составляютъ кружокъ, въ серединѣ котораго лежитъ парень, изображающей «дударя» и сообразующій свои движения съ словами гѣсни (сл. Кбѣ).

8.

По вулицы по широкой—
 Ладомъ, ладомъ,—по шпрокой,
Та ходыло дивочекъ таночекъ—
 Ладомъ, ладомъ,—таночекъ,
А мижъ нымы дрима дримыть—
 Ладомъ, ладомъ,—дримыть.
«Устань, дрима, продримыся—
 Ладомъ, ладомъ,—продримыся:
«Свекорко иде, подывыся—
 Ладомъ, ладомъ,—подывыся!
— Я свекора не боюся, та ще
 дужче задремлюся—

Ладомъ, ладомъ,—задремлюся.
По вулицы по широкой—
 Ладомъ, ладомъ,—по широкой,
Та ходыло дивочекъ таночекъ,—
 Ладомъ, ладомъ,—таночекъ,
А мижъ нымы дрима дримыть—
 Ладомъ, ладомъ,—дримыть.
«Устань, дрима продримыся—
 Ладомъ, ладомъ,—продримыся:
«Свекруха иде, подывыся—
 Ладомъ, ладомъ,—подывыся!
— Я свекрухи не боюся, та ще
 дужче задремлюся—
 Ладомъ, ладомъ,—задремлюся.

Дѣвушка, изображающая «Дриму» сидитъ въ серединѣ круга поющихъ дѣвушокъ и дремлетъ (сл. Кбя).

«Ой ты, хронъ, ты, мой хронъ,
«Чи ты спишь, чи лыжишь?»
— Я ны сплю, ны лыжу:
— Выйду на вулицю—
— На вулицы дивки
— Въ золотыхъ винкахъ,
— А я молоденькій поскачу.

«Хронъ же ты, мой хронъ,
«Чи выдавъ же, хронъ,
«Якъ трусятъ макъ?»
— Отъ такъ—такъ
— Трусятъ макъ,
— Якъ макивку—пастернакъ.

По серединѣ кружка поющихъ стоитъ мальчикъ, котораго при словахъ: «чи выдавъ же хронъ, якъ трусятъ макъ? подхватываютъ на руки и начинаютъ подбрасывать вверхъ, не допуская до земли, пока не скажутъ: якъ макивку—пастернакъ»; тогда опускаютъ мальчика на землю, а онъ, ставши на землю, приотпнетъ (г. К.).

10.

Хлопци, хлопци, до мене!
 Кучерява у мене,—
Кучерява мяточка
 Въ огороди у мене.
—
Хлопци, хлопци, до мене!
 Солоденька у мене,—

Солоденька яблунька
 У садочку у мене!
—
Хлопци, хлопци, до мене!
 Глыбокая у мене,—
Глыбока криниченька
 У садочку у мене! (г. К.)

11.

У мене въ огороди зацвила калина,
Зацвила калина, зацвила ка-
лина —
Тымъ я тебе полюбыла, звычайна
дытына,
Звычайна дытына, звычайна
дытына.
У мене въ огороди зацвилы волошки,
Зацвилы волошки, зацвилы
волошки —
Тымъ я тебе полюбыла, шо чорня-
вый трощки,
Шо чорпавый трощки, шо
чорпавый трощки.
У мене въ огороди зацвивъ черно-
бривчикъ,
Зацвивъ чернобривчикъ, за-
цвивъ чернобривчикъ —
Тымъ я тебе полюбыла, шо въ
батька одынчикъ,
Шо въ батька одынчикъ, шо
въ батька одынчикъ (г. К.).
А й у мене въ огороди та зацвила
мятка, —
Тымъ я тебе полюбыла, шо козаць-
ка хватка.
Перестанъ же ты та домене ходыты.
Перестанъ же ты мене изъ ума
зводыты (г. К.)

12.

Ой тамъ наши оралы, оралы —
Ой лели, ладо, — оралы!
Тамъ наши просо сѣялы, сѣялы —
Ой лели, ладо, — сѣялы!
Мы жъ просо выбьемо, выбьемо —
Ой лели, ладо, — выбьемо!

Ой чимъ же вы выбьете, выбьете?
Ой лели, ладо, — выбьете?
Мы жъ стадо коней выпустымъ,
выпустымъ —
Ой лели, ладо, — выпустымъ!
Мы жъ стадо коней заженемъ, за-
жепемъ —
Ой лели, ладо, — заженемъ!
А мы стадо коней выкупымъ, вы-
купымъ —
Ой лели, ладо, — выкупымъ!
Ой чимъ же вы выкупыте, выку-
пыте?
Ой лелп, ладо, — выкупыте!
Мы вамъ дида оддамо, оддамо —
Ой лели, ладо, — оддамо!
А мы дида не беремъ, беремъ —
Ой лели, ладо, — не беремъ!
А мы бабу додамо, додамо —
Ой лели, ладо, — додамо!
А мы бабы не беремъ, не беремъ —
Ой лели, ладо, — не беремъ!
Мы вамъ красну дивку оддамо, од-
дамо —
Ой лели, ладо, — оддамо!
Мы жъ красну дивку возьмемо,
возьмемо —
Ой лели, ладо, — возьмемо!
(сл. Пря).

А.

А мы нывку оралы, оралы,
А мы ладомъ оралы!
А мы просо сѣялы, сѣялы,
А мы ладомъ сѣялы!
А мы его выбьемо, выбьемо,
А мы ладомъ выбьемо!
А чимъ же вы выбьете, выбьете?
А мы ладомъ выбьемо.

А мы конивъ заженемъ, заженемъ,

А мы ладомъ заженемъ!

А мы коній займемо, займемо,

А мы ладомъ займемо!

А мы коній выкупимъ, выкупимъ,

А мы ладомъ выкупимъ!

Ой чимъ же вы выкупыты, выку-
пыты?

А мы ладомъ выкупимъ!

А мы дидушку дамо, дамо,

А мы ладомъ дамо!

А мы дидушки не возьмемъ, не
возьмемъ,

А мы ладомъ не возьмемъ!

А мы бабушку дамо, дамо,

А мы ладомъ дамо!

А мы бабушки не возьмемъ, не
возьмемъ,

А мы ладомъ не возьмемъ!

А мы дивушекъ вамъ дамо, вамъ
дамо,

А мы ладомъ вамъ дамо!

А мы дивушекъ возьмемо, возьмемо,

А мы ладомъ возьмемо!

А мы парубкивъ вамъ дамо, вамъ
дамо,

А мы ладомъ вамъ дамо!

А мы парубкивъ возьмемо, возь-
мемо,

А мы ладомъ возьмемо! (сл.

Кбя).

13.

Продай, бабка, бычка!

— Якого?—Полового.

Винъ у мене половый, половый

И на гроши дорогой, дорогой:

Я жъ его ны продамъ!

Продай, бабка, бычка!

— Якого?—Сирого.

Винъ у мене сирый, сирый,

Вымитае хату й сины:

Я жъ его ны продамъ!

—

Продай, бабка, бычка!

— Якого?—Лысого.

Винъ у мене лысый, лысый,

Пырымые ложки й мыскы:

Я жъ его ны продамъ!

—

Продай, бабка, бычка;

— Якого?—Мурого.

Винъ у мене мурый, мурый,

Нагодуе свини й куры:

Я жъ его ны продамъ!

—

Продай, бабка, бычка!

— Якого,—Рябого.

Винъ у мене рябий, рябий,

Куды иде—все прямой, прямой:

Я жъ его ны продамъ!

—

Продай, бабка, бычка!

— Якого?—Черного.

Винъ у мене черный, черный,

Та й у борозну моторный:

Я жъ его ны продамъ!

—

Продай, бабка, бычка!

— Якого?—Билого.

Винъ у мене билый, билый,

Куды иде—все смилый, смилый,

Я жъ его ны продамъ! (сл. Гор.).

14.

Ой тамъ за горами

Тамъ наши оралы

Четырьмя плугами,
Пятый бороною:
Насѣяли лёну
Брали дѣвки лёнъ,
Брали—выбирали,
Землю выбивали.
Добралися дѣвки
До вечера поздно,
До сѣраго волка.
А у сѣраго волка
Золота головка:
По лѣсу ходя,
По полю рыща,
Красныхъ дѣвокъ ища. (сл. Тор.).

15.

Ой за лисомъ—лисочкомъ,
Тамъ наши оралы
Четырьмя плугами,
Пятой бороною,
Кобылою вороною:
Молода дивчына
Обидать носыла
Та все Бога просыла.
Ой, Боже, мій Боже!
Уроды лёнъ хорошій:
На стыбло стыблыстый,
На зерно зерныстый,
На волокно волокнистый! (сл. Гон-
чаровка).

16.

Ой ты, осень, ты, весна,
Каку радость принесла?
Краснымъ дѣвкамъ сухота,
Добрымъ молодцамъ печаль
Зачѣмъ, зачѣмъ зеленъ садъ завяль?
Добрый молодець гуляль
На своемъ добромъ конѣ,

На черкасскому сѣдлу.
Скоро, скоро съ коня всталь,
Все словесно рассказалъ:
Ахъ ты, конь мой вороной,
Распрекрасный, дорогой,
Отвези меня домой,
До горенки до новой,
До кровати тесовой,
До перины пуховой.
А вже солнце на востокъ,—
Беруть парня въ острожокъ
За шелковый поясокъ,
За серебряно кольцо (тамъ же).

17.

Да до насъ, до насъ, Забочаны,
До насъ черезъ воду,
Есть у насъ тры дивочки
Хорошого роду.
Та до насъ, до насъ, Забочаны,
До насъ погуляты:
Есть у насъ три дивчины,—
Будемъ даруваты. (тамъ же).

18.

Якъ посію я горошку,
Горошку потрошку.
Утопталы Забочаны
На нашъ край дорожку.
Та ны такъ вони утопталы,
Якъ киньмы убылы.
Бодай же вы не дождалы,
Шобъ мы васъ любылы (тамъ же).

19.

Вары, маты, вечеряты:
Пожыну тылята,
Та все тымы улицями,
Де мылаго хата,

У мылаго хата,
Похылысты сины, —
А тамъ мой два перстыни
На вику послали.
Верны, верны два перстыни,
Або копу грошей:
Съ инчою идешъ,
Мене судышъ,
Бо и самъ не хорошій (тамъ же).

20.

Шумять вербы коло гребли,
Шо я насадила,
Нема того въ Гончаривци,
Шо я полюбыла.
Нема его, —туда тилкы
Его та слидочокъ.
Росердыла дивчынонька—
Прохаты ны буду.
Та прохавъ батько,
Прохала маты,
Прохала родына...
Ныхай его просы
Лыхая година! (тамъ же).

21.

Ой высняночка, высна,
Шо ты намъ прынысла?
— Принысла я вамъ литычко
— И зелене зильячко,
— Крыщатый барвынокъ,
— Запашный васылёкъ (сл. Ново-
Николаевка).

22.

Вербо, вербо, вербыця
Спустыла гильячко до долу,
Ще й зеленая диброва,
Де соловейко гнздо вье,

А зузулинька перевье.
Шо соловейко—Василько,
А сыва зузулинька—Катюшка.
Та стояла Катюшка край межи,
Въ чырвоныхъ черевычкахъ обь
нози,

Шо купывъ Василько на дорозы.
Ой якъ износышъ, ще куплю, —
За твое свово не люблю.
Ой будь здорова, якъ вода;
Ой будь богата, якъ земля;
Ой будь красна, якъ весна;
Ой будь погожа, якъ рожка!
(тамъ же).

23.

Ой вербо, вербо, вербыця,
Пора тоби розвыця!
Та пора жъ тоби, Васылько, жы-
нытьця!
Я не буду жыныться до Пылыца,
Ще й моя дивчына не вылыка;
Я не буду жынытьця до Йвана,
Щобъ моя дивчына погуляла,
Чырызъ Купала поскакала,
Гарни писыньки заспывала,
(тамъ же).

А.

Ой ище не часъ, не пора: ще моя
Маруся не подросла.
Нехай до лита до Купала, щобъ
моя Маруся погуляла;
Нехай до лита до Петра, щобъ моя
Маруся подросла. (г. К., сл. Ар)-

24.

Упавъ снижокъ на оближокъ,
Та взявсь водыцею.

Лучебъ було дивыцею,
Нижъ молодыцею.
Шо дивкою, шо жинкою,
Та все воно ривно.
Ой брешыте, вражи сыны,
Гуляты не вильно!
Я гуляла, не виляла,
Маты не спинала,
Тыперь мыпе супыныла
Чужая дытына,
И свить минн завязала,
Гулять саказала.
А пидъ мостомъ трава ростомъ,
Не калына сосна.
Ой брешите, вражи сыны,
Я въ батынька зросла!
Я въ батынька зросла,
Крамомъ крамоваты, —
Ледачому досталася
Воливъ поганяты.
Поганяла сиры волы
Ще й чорни корови,
Испалыла биле лычко
И чорни бровы.
Було лычко, якъ яблучко,
Стало, якъ калына;
Булы бривки, якъ шнурочки,
Сталы, якъ листочки (тамъ-же)

25.

Якъ була бь я гилочка,
Якъ була бь я зелененька,
Поплыла бь я по Дунаю,
Якъ чаша по меду.
Возьмись за яглицю,
Ще выще за пльчицю,
Умій биле личко,
Прыгладь головочку,
Наложы скиндявочку,

Набуй сукняпочку,
Заспивай весняночку! (тамъ же).

26.

Зиряла зирочка, зиряла,
Сь кымъ же ты, Катюша, стояла?
Пидь зеленою вербою?
— Сь тобою, Васылько, сь
тобою.
Пидь колючою грушою?
— Сь тобою, Васылько, душою.
При вышителкымъ рукавцемъ?
— Сь тобою, Васылько, молод-
цемъ.

А де Васылько походывъ,
Тамъ барвыночекъ уродывъ;
А де Катюша ходыла,
Тамъ рутка-мятка вродыла
(тамъ же).

27.

Спивалы дивочки, сивалы,
Въ решыто писиньки складалы,
Поставылы на верби.
Якъ налынулы лыбыди,
Извалылы решыто до долу,
Чась вамъ, дивочки, до дому,
И вы, хлопьята, изъ намы,
Иште бублычкы сь дидамы,
А мы дивочки прянычкы,
Шо идять уси панычкы (тамъ же).

28.

Чась вамъ, дивочки, до дому,
Париты свынямъ полову!
А вы, хлопьята, за намы,
Йжты полову зь свынямы!
А вы, лагеи, за намы
Панамъ кущаты носыты!

А вы, дивочки, за нами
Ижты булочки съ панамы!
Спивалы, дивочки, спивалы,
Въ рещыто писиньку складалы.
Лытылы галочки съ подолу,
Извалылы рещыто до долу,
Чась вамъ, дивочки, до дому.
(сл. Гус.).

29.

Грайты, дивочки, грайты,
Пылу не збывайты,
Платья не каляйте!
А на дивочкахъ платья,
Якъ биль, билесыньки,
Якъ попиль, тонесыньки!
А на хлопьятахъ платья,
Якъ на собакахъ шматья:
Изъ мишка, та зъ рядныща,
Заткнута капшурыща (тамъ же).

30.

Горила нывочка, горила,
Я молоденька гасыла,—
Решетомъ воду носыла.
Скільки въ решети водыци,
Стильки у хлонцивъ правдыци.
Горила диброва, горила,
Я молоденька гасыла:
Видерцемъ воду носыла.
Скільки въ видерци водыци,
Стильки въ дивчатокъ правдыци.
— Скільки въ видерци водыци,
— Стилько дивчатамъ трясныци!
«Скільки въ решети дирочокъ,
«Стильки хлопцямъ болячокъ!»
(г. К.).

31.

Ай у Солодкихъ пидъ хатою дрова,
Одна дивка Оринка, тай чернуброва.

Ай у (фам.) на хати вытушка,
Одна дивка (има), тай та щебе-
тушка.

Ай у N у синяхъ болото,
Одна дивка N, тай та якъ стри-
бло-злото.

Якъ пидымо до N добуваты воза,
Сыдыть дивка N, якъ повная рожа.
Якъ пидымо до N добуваты брычки,
Одна дивка та N, тай та, якъ цви-
туть гвоздычки.

Якъ пидымо до N добуваты ложки,
Одна дивка та N, тай та якъ цви-
туть волошки.

Ай у N на хати барыло,
Одынъ парубокъ N (имья), тай той
дурыло.

Ай у N на хати копійка,
Одна дивка та N, тай та соло-
пійка.

Ай у N на хати прядка,
Одна дивка та N, тай та косо-
глядка.

Ай у N пидъ хатаю вышня,
Одна дивка та N, тай та шобъ по-
высла.

Ай у N: на хати гадюка,
Одна дивка та N, тай та якъ пад-
люка.

Ай у N на хати вужака,
Одна дивка та (имья), тай та якъ
собака (сл. Преображенная).

32.

Та на нашій улыци курчата чубати,
А на (назв. другой ул.) дивчата
губати;
Куда ны йдутъ, губы дмутъ, отды-
мають,

А на нашу челядоньку косо по-
глядяють.

Якъ убогій прыторкнетця,
Вона къ бису дметця;
Якъ богатый прыторкнетця,
Вона й засміетця.

А на N улыци смиття та полова,
А на нашій челядь черноброва.

А на нашій улыци все ривно та
ривно, —
Выгравалы парубочки воронымы
кинмы,

А на тій Забочанивци все яры та
кручи,

Выгравалы чорты куци, зъ вулицы
идучи.

Верховивци—друни вивци, не мо-
лятця Богу,

Запрягають батька й матырь, й
идуть у дорогу. (тамъ же).

33.

Задумалы Верховивци городъ го-
родыгы,

Шобъ никуды Забочаньцямъ до
церкви ходыты.

Не поможе, мылый Боже, ваша
огорожа,

Идутъ наши Забочаньци, якъ пов-
ная рожа.

Не поможе, мылый Боже, тыны
та ворякы,

Идутъ Верховивци, якъ руди со-
бакы.

34.

Сюда, сюда, Забочаньци, до на-
шої чести.

Наварылы варенычкывъ зъ соба-
чої шерсты.

До насъ, до насъ, Верховивци, до
насъ погуляты:

Есть у насъ горщокъ болячокъ,
будымъ даруваты.

До насъ, до насъ Забочаньски па-
рубкы прыходылы,

А за нымы, пресквернымы, будя-
кы вродылы.

До насъ, до насъ Верховивьски
парубкы прыходылы,

А за нымы, прегарнымы, васыль-
кы вродылы.

35.

До насъ, до насъ, Верховивци,

До насъ черезъ воду:

Есть у насъ по дивочци

Хорошого роду.

Плывить, плывить, сылызени,

Поки воды стане;

Прыбувайте, Забочаньци,

Якъ вечеръ настане.

— Тоди прыбувалы,

— Якъ насъ прывиталы;

— А теперь пересталы,

— Якъ лаяты сталы. (тамъ же).

36.

Ой выкоты, Грыцю, тры бочки вына,

Шобъ твоя Олена здорова була.

Ой выкоты, Петре, тры бочки
смолы,

Шобъ ту дивку Орынку чорты узялы.

37.

Выйды, Грыцю, на вулицю и ты,
коваленьку,

Заграй намъ у дудочку съ тыха,
помаленьку.

Хиба того ковалонька дома нема,
Шо на нашій на вулиці сопил-
ка не гра?

38.

Тонка висока ялына
Прийшла Олена схылыла,
Та два цвѣточкы зломыла,
Та звыла соби два винкы,
Тай повисыла високо,
А сама стала далеко.
Прийшовъ нелюбъ, не доставъ,
Соби Оленкы тай не взявъ.
Тонка висока ялына
Прийшла Оленка схылыла,
Та два цвѣточкы зломыла,
Та звыла соби два винкы,
Тай повысыла нызенько,
А сама стала блызенько,
Прийшовъ Мыколка тай доставъ,
Соби Оленку тай узявъ. (тамъ же).

39.

Летать гусочки рядъ-по-рядъ,—
Весела весна, весела!
Сира гусочка передня,—
Весела весна, весела!
Де не взявся гусачокъ—
Весела весна, весела!
Та всыхъ гусочокъ розигнавъ,—
Весела весна, весела!
А сиру гусочку соби взявъ.
Йдуть дивочки рядъ-по-рядъ,
Весела весна, весела!
А Оринка передня,—
Весела весна, весела!
Де не взявся Мыколка—
Весела весна, весела!
Та всыхъ дивочекъ розигнавъ,—

Весела весна, весела!
А Оринку соби взявъ (тамъ же).

40.

А на мори на сынему плавалы
сирѣ вуточки,
Мижъ нымы била лебедушка.
Подлѣта сызокрылый орелъ,
Ухватывъ билую лебедушку.
Скрыкнулысь, скрыкнулысь сирѣя
уткы:
Хто жъ будетъ впередъ моря плыть?
Ай у воротъ стоять дѣвушекъ ко-
рагодъ.
Подъизжаеетъ молодой Мыколка
Тай узявъ молодую Оленку.
Сплакнулысь, сплакнулысь крас-
ныя дѣвушки:
Хто жъ будетъ таночекъ водить?
(тамъ же).

41.

«Самъ ходю, самъ ходю.»
— Де жъ твои диты?
«Гримъ побывъ, гримъ побывъ,
«Доць потопывъ,
«Зеленымъ неводомъ заволочывъ»
(тамъ же).

42.

А надъ нашимъ садомъ
Тры мѣсяци рядомъ:
Первый мѣсяць ясный—
Грыцько парень прекрасный;
Другой мѣсяць ясный—
Васылько парень прекрасный;
Третій мѣсяць ясный—
Омелько парень прекрасный.
А надъ нашимъ садомъ

Тры зирочки рядомъ:
Перва зирочка ясна—
Оленка дѣвушка прекрасна;
Друга зирочка ясна—
Оринка дѣвушка прекрасна;
Третя зирочка ясна—
Маруська дѣвушка прекрасна
(тамъ же).

43.

Передайся, мисяцю,
Та на нашу юлыцю,—
Ой ле, ой лели!
Та на нашу юлыцю.
А на нашій юлыци
Уси хлопци—молодци,—
Ой ле, ой лели!
Уси хлопци—молодци.
Ой немаи кращого
Надъ Ивана нашего,—
Ой ле, ой лели!

Надъ Ивана нашего.
Черезъ тествивъ двирь ходы,
Черезъ тещыны сны,
Шобъ собаки не зылы,—
Ой ле, ой лели!
Шобъ собаки не зылы.
Шобъ и шпоры не брязталы,
И собаки не горчалы,—
Ой ле, ой лели!
И собаки не горчалы.
Шобъ и теца хвалыла
Й Дуняша любыла,—
Ой ле, ой лели!

И Дуняша любыла.
Упередь выходыла,
Карагодъ выводула,—
Ой ле, ой лели!
Карагодъ выводула.

Карагодъ запрявляла,
Та Ивана завертала,—
Ой ле, ой лели!
Та Ивана завертала:
«Ой верныся, Иванъ,
«Ой верныся Васыльевичъ!
Ой ле, ой лели!
«Та верныся Васыльевичъ!
— Не вернуся я, Дуняша,
— Не вернуся Мытровна
Ой ле, ой лели!
— Не вернуся Мытровна!
— Ой за тымъ я не вернуся:
— Вечеряты опизнюся,—
Ой ле, ой лели!
— Вечеряты опизнюся.
— Вечеряты опизнюся,
— Щей собаки боюся,—
Ой ле, ой лели!
— Щей собаки боюся. (тамъ же).

44.

Зацвила калынонька
Въ лузи у куточку;
Породыла удивонька
Хорошую дочку.
Чи мини калыноньку
На дрова зрубаты?
Чы мини цюю дочку
Для красы держаты?
Зрубаю калыночку
Соби на лоточку,
Держаты буду дочку
Та на шинкарочку (тамъ же).

45.

А й у барини за дворомъ
Посіялы дивки лёнь,—
Ой ёрь, не майёръ,

Любывъ дѣвицу майеръ,

Дѣвки лёнь.

Та пишлы дѣвки лѣну полоты,

Бѣлыхъ ручекъ колоты,—

Ой ёрь, не майёръ,

Любывъ дѣвицу майеръ,

Колоты!

Станемъ мы во кружокъ,

Споемъ пѣсенку во рожокъ,—

Ой ёрь, не майёръ

Любывъ дѣвицу майеръ,

Во рожокъ!

Одна дѣвка весела:

Вона пляше, платкомъ маше,—

Ой, ёрь не майёръ,

Любывъ дѣвицу майеръ,

Платкомъ маше! (тамъ же)

46.

Улыця наша черчата,

Тамъ биглы наши дивчата;

Найшлы воны тры узла, тры узла:

Первый узоль—биыло, биыло;

Другый узоль—красыло, красыло;

Третий узоль—черныло, черныло.

Я биыломъ набилюсь, набилюсь,

А красыломъ покрасюсь, покрасюсь,

А черныломъ бровкы начерню, на-

черню!

Якъ прихавъ мій мылый со млы-

на, со млына.

«Шо жъ ты, мыла, билая, билая?»

— Мылый муку сіяла, сіяла.

«Шо жъ ты, мыла, красная, красная?»

— Я надъ жаромъ стояла, стояла.

«Чымъ ты, мыла, бровы черныла,

черныла?»

— Мылый, сажу трусыла, трусыла.

(сл. Новосилова).

47.

Якъ задумала одивонька,

Якъ на свити жыты,

Тай наняла видмедыка

За плугомъ ходыты,

А вовчика сирыхъ воливъ погоныты,

А заюшку—Степанушку переднихъ

водыты.

Оравъ, оравъ видмедычокъ,

На пляхъ поглядае:

Чужи жинкы обидь несутъ,—

Моеи немае.

Розсердився видмедычокъ,

Та й плугъ поломавъ,

А вивчычокъ воливъ розигнавъ,

А заюшка—Степанушка

Вси снасти покидавъ (тамъ же)

48.

Якъ посию руту-мяту надъ волою,

Якъ выросла рута-мята зъ лободою.

«Ой хто жъ тую руту-мяту тай
прополе?»

Обизвався старый дидъ съ бородою:

«Я жъ тую руту-мяту та й прополю.»

— Ой цуръ тобі, старый диду съ
бородою!

— Ныхай тая рута-мята росте зъ
лободою. (Сл. Кал.)

49.

«Соловейко, моя ньенько,

«По саду литае.»

— Давай, доню, прыпадоньку

— Нехай прылитае.

«Яку жъ ему, моя мате,

«Прынаду даваты?»

— Посыпъ пшениця по колінця,

— Водыци по крыльця.
— А винъ пшинце подзебае,
Водыцю попывае.
«Козакъ, мате, козакъ, мате,
«Къ двору прыйзжае.»
— Давай, доньку, привитоньку,
— Нехай прыйзжае.
«Яку жъ ёму, моя мате,
«Прывиту давати?»
— Стелы постилъ биденькую,
— Та лягай зъ нымъ спаты:
— Праву ручку пидъ головочку,
— Ливою обнимыся,
— Тай наговорыся (сл. Араповка).

50.

Святылося Литычко,
Зацвило все зильячко,
На води лататьячко.
Тамъ молода дивка ломала,
Малого янгола піймала:
Полынь, Полынь, янголю,
Пидъ батинькову коморю;
Слухай, слухай, янголю,
Що мій батынько говоре.
«Зныдило, зныдило дитянько,
«Въ чужого батынька живучи,
«На гору видерця носючи».
(Тамъ же).

51.

Ой гай, мате, ой гай, мате.
Гаекъ зелененькый!
Помандрувавъ изъ Рубижни
Козакъ молоденькый;
Помандрувавъ, шапочку знявъ,
Нызенько поклонывся.
За нымъ иде отецъ й мате:
«Сыночокъ верныся!»

— Не верпуся, отецъ й мате,
— На Дону загыну —
— Прыймиць мою дивчыноньку
— Якъ ридну дытыну.
«Ой не така, нашъ сыночокъ,
«Годынонька стала,
«Щобъ чужая дытынонька
«За ридную стала». (тамъ же).

52.

Шумлять вербы кинецъ гребли,
Що я насадыла;
Нема того, що я ёго
Вырненько любила.
Шумлять вербы кинецъ гребли,
Що я поливала;
Нема того, що я ёго
Вирно сподобала.
Шумлять вербы кинецъ гребли,
Явирь стоить тыхо;
Не йды, дивко за удивця:
Буде тоби лыхо.
А удивецъ—не молодець,
Вси норовы знае:
Перву живку изгадае,
Нагайкою скрае (тамъ же).

53.

Ой въ бору, въ бору, у бирку
Станове Иванко комирку;
Тай выйшла къ ёму Катричка:
«Становы, Иванко, зъ вугламы
«И зъ высокымы дверямы,
«И зъ велыкымы викнамы,
«Щобъ до мене соловейкы пры-
литалы,
«Щобъ вопы веселенько щebetалы,
«Щобъ мене раненько пробу-
жалы».

— На що тобі, Катричко, соловейкивъ:
— Есть у мене соловейко—батынько,
— А сывая зузуленька—матынка;
— Вона тебе рапенько избуде,
— Ще й пиде за ворота й осуде:
«Сонлыва, дремлива невестка
(тамъ же).

54.

Ой, чижыку—горобчыку,—
Тожь калына-малына, ягода червона ¹⁾
Скажи мини всю правдопыку:
Кому воля на вулицю?
Молодыцямъ нима воли:
На пичи воркунъ ворчить: постылы мини!
А въ пичи окрипъ кыпыть: отставъ мене!
За порогомъ порося крычыть: нагодуй мене!
Въ колысци дытына плаче: погодуй мене!
А дивчатамъ своя воля на вулицю:
За платочокъ та въ таночокъ,
За юпочку та на вулычку,
За черевычки та на вечернычки.

55.

Перейды, мисяцю, та на пашу вулицю,
А на нашій вулицы та все хлопцы—молодци,
Та нима красшого надъ Сережку нашого:
Черезъ тещинъ двирь ходе, набокырь шапку посе,

Шобъ теща хвалыла,—Марычка
любыла (тамъ же).

56.

Вылынь, вылынь, галочко,—
Ладомъ, ладомъ, галочко!
Изъ вышневого садочка,—
Ладомъ, ладомъ, садочка!
Пизнай свого сокола,—
Ладомъ, ладомъ, сокола!
У мене соколонько обмитный,—
Ладомъ, ладомъ, обмитный!
На крылечкахъ золотыхъ,—
Ладомъ, ладомъ, золотыхъ!
Ой де лытыть, тай звиныть,—
Ладомъ, ладомъ, тай звиныть!
Ой де сяде, тай сяде,—
Ладомъ, ладомъ, тай сяде!
Ой де стане, рубае,—
Ладомъ, ладомъ, рубае!
Выйды, выйды, Марычко,—
Ладомъ, ладомъ, Марычко!
Изъ новой свитлынькы,—
Ладомъ, ладомъ, свитлынькы!
Пизнай свого Якова,—
Ладомъ, ладомъ, Якова!
Въ мене Яковко обмитный,—
Ладомъ, ладомъ, обмитный!
Пидъ нымъ конь вороный,—
Ладомъ, ладомъ, вороный!
На ёмъ жупанъ голубый,—
Ладомъ, ладомъ, голубый!
На ёмъ шапка дуброва,—
Ладомъ, ладомъ, дуброва!
Въ рукахъ хустка шелкова,—
Ладомъ, ладомъ, шелкова!
(тамъ же).

¹⁾ Этотъ призывъ повторяется за каждыиъ стихомъ, (сл. Кабанья).

57.

Туманъ яромъ по долини,
Широкий листъ на калыни,
А ше й ширшій на дубочку,
А ше й ширшій на дубочку.
Звисывъ голубъ головоньку,—
Клыче парень дивчиноньку,
Хочь не свою, такъ чужую,
Хочь не свою, такъ чужую:
Прыйды, сердце, поцилую.
На що чужу цилуваты,
Свой жалю завдаваты,
Свой жалю завдаваты (тамъ же).

58.

Ой ны ходы та надъ моремъ,
Бо у море упадешъ;
Ой ны сватай богатоп,
Бо сердыту попадешъ.
Богатая, губатая,
На словечко пышна,
А вбогая хорошая,
Якъ у саду вышня (тамъ же, г. К.).

59.

По надъ моречкомъ ходыла,
Тай садыла вышпи:
Выбирала парнышечка,
Тай соби пидъ мысли:
Шобъ пыгарки не курывъ,
Табаку не нюхавъ,
Чужихъ живокъ не любывъ,
Дуракивъ не слухавъ
(А своей слухавъ) (тамъ же, г. К.).

60.

Тече ричка риковая,
Плаче дивка молодая.

Не плачь, дивко, пе журыся,
Ще я—молодь не жынывся.
Якъ я буду жынытыся,
Прыйды, сердце, дывытыся,
Ой якъ буду винчатыся,
Прыйды, сердце, прощатыся.
Ой якъ буду на рушпычку,
Подай минни билу ручку.
Ой якъ буду свадьбу граты,
Якъ сяду я на посади,
Прыйды, сердце, у досади.
Ой якъ буду выно пыты
Будешъ, сердце, слезы лыты...
Въ тебы водка вочень гирька,
Въ тебы маменька злодйика,
А сysterця—лыходйика. (тамъ же,
г. К.).

61.

Не разывайся, сухой дубе,
Бо на завтра морозъ буде.
«Я морозу не боюся,
«Рано, рано розовьюся.
Та не жыныся, молодой козаче:
Завтра наборъ буде.
«Та я набору не боюся,
«На жаль ожынюся».
Въ недиленьку ожынылы,
Въ понедилокъ въ солдаты забрылы.
Тобъ плакала мате одна,
А теперь буде плакаты й молода
жена (тамъ же, г. К.).

62.

Ой да сызь голубъ литае
Ой да буркотае, крылушкы блуде.
Ой да тяжко, на серденьку важко,
Ой хто кого вирно любе.
Тому тяжко, ой хто кого покидае,

Ще й бросае, сердцю жалю завдавае.
Ой да попидь мостомъ трава росте,
Щука-рыба ой да лына гоне.

Ой да то не рыба, та тожь и не
щука

То зь мылымъ дружкомъ разлука.
Ой да якъ мы съ тобою любы-
лыся,—

Сухи дубы розвылыся;
Ой да якъ теперыча пересталы,—
Однолитки повсыхалы.

Умры мыла изъ вечера,
А я умру въ ранци;
Ой да поховають та насъ съ тобою
Въ одной трунци й ямци.

Ой да труна жь моя та широкая,
Яма жь моя та глубокая!

Ой да лыжыть мылуй другъ лю-
безный,

Якъ рыбонька щука вяла:
Та розійшыся, та розбрылыся,
Якъ на неби туча—хмара
Тай розійшыся, тай розбрылыся,
Якъ на неби туча—хмара. (тамъ же).

63.

Якъ ходыла я по току.
Та считала вышни,—
Выбрала козаченька
Пидь свои пидь мысли:
Шобъ и трубки не курывъ,
Табаку не нюхавъ;
На улицу не ходывъ
И брехни не слухавъ (г. К.)

64.

На тимъ боци, на толоци
Два камня меле,—
Пытається козакъ дивки:

Чи пидешъ за мене?
Ой не пиду я жь за тебе,
Пиду я за Марка:

А у Марка срибна чарка—
Я буду шинкарка.

Ой не пиду я жь за тебе,
Пиду я за Грыця:

А у Грыця та пшениця—
Я буду царыця. (г. К.).

65.

Ой якъ выйду за ворота,
Трава якъ болото
Ой якъ выйду за новые:
Трава зеленіе
Ой та трава зеленіе:
Мое сердынько мліе.
Ой та мліе, помливае,
Шо мого мылого дома нымае.

Ой та уже свить биленькій,—
Иде мій мыленькій

Ой та спрымы воламы,
Зь чорнымы бровамы.
Та ны пойхавъ до дому,
Та пойхавъ понадъ яромъ.

А понадъ тымъ яромъ
Тры садочки рядомъ.
Та вси зелененьки
Зацвилы биленько.

Та въ первомъ садочку
Соловейки щебечуть,
А въ другимъ садочку
Зозуленька куде,

А въ третимъ садочку
Клынь дерево росте.

А пидь тымъ же та клыномъ
Стояла маты съ сыномъ.

Та маты съ сыномъ стояла,
Правдоньки пытала;

«Скажи, скажи, мій сыночокъ,
«Хто съ роду вирнійшій:
«Чы жинка, чы тища,
«Чы ненька ридненька?»
— Жинка для совиту,
— Теща для привиту,
— А надъ неньку ридненьку
— Лучче свити ниту:
— Вона якъ мене рожала,
— Та й смерти бажала:
— Ой дай, боже, смерты
— Съ покояніемъ умерты! (г. А.)

66.

Ты думаешь, моя ненько,
Что й я ны журюся,—
Якъ выйду я за ворота,
Отъ витру валюся.
Ты думаешь моя ненько,
Что я и ны плачу,—
Якъ выйду я за ворота
Свитенька ны бачу.
Берегомъ иду, водою бреду,—
Писочокъ нижки риже.
Кого не люблю, страсть ненавижу,
Той мини въ вичи лизе.
А за кымъ я тужу,
А за кымъ я плачу,
Та того й непобачу,
Та того й непобачу (г. К.)

67.

Ой изъ гаю зеленого
Голубы литають,—
Ой еще я не гуляла,
Вже лита минають,
Ой еще я не гуляла,
Вже лита минають.
Не гуляла я зъ молоду,—

На старисть не буду:
Почему я лита свои
Згадуваты буду?
Почему я лита свои
Згадуваты буду?
Шо не спыла, не згуляла
Хороше й ны сходыла,
Тилько по тому згадаю,
Шо важко робыла,
Тилько по тому згадаю,
Шо важко робыла.
Якъ зирву я зъ рожи квитку
Та пуцу на воду:
Плывы,плывы, зъ рожи квитко,
Та до мого роду,
Плывы,плывы, зъ рожи квитко,
Та до мого роду.
Выйшла маты воды браты
Тай стала пытаты:
«Ой чого жъ ты, зъ рожи квитко,
«На води завьяла?
«Ой чого жъ ты, зъ рожи квитко,
«На води завьяла?
«Ой чого жъ ты, моя доню,
«Така стара стала?»
— Изстарили мене, маты,
— Та чужіи хаты,
— Изстарили мене, маты,
— Та чижіи хаты.
— Й а ще къ тому изстарили
— Манесиньки дитки,
— Й а ще къ тому изстарили
— Чужіи пивмитки (г. К.).

67а.

Сонце сходыть—я журюся,
А заходе—плачу,
Ой кого жъ я вирно люблю,
Того ны побачу;

Кого жъ ненавижу;
Того що дпя выжу.
Есть у мене въ огороди
Два кущика рожи,
Якъ зирву я зъ неи квитку,
Та й пусто на воду:
«Плывы, плывы, зъ рожи квитко,
«Ажъ до мого роду.»
Плыла, плыла зъ рожи квитка,
Тай стала кружиться;
Прійшла ненька воду браты,
Та й стала дывиться.
«Ой чого, квитко, та на води
завьяла?»
— Ой, чого, чого, донько така
стара стала? (г. К).

68.

За тучами громовыми
Соньчко не сходе,—
За близкими ворогами
Мій милый не ходе.
Ой вы, тучи громовы,
Розійдытьця ризно,—
Прыйды, прыйды, мій миленькій,
Хоть не рано, пизно.
Якъ я жъ тебе дожидала:
Всю ничку не спала,
Всю ничку до свиточка
Столы застылала.
Столы жъ мои дубовы,
Скатерти парчови.
Очи кары, бровы чорни,
Горе мене зъ вами,
Не хочете почуваты
Ни ниченьки самы.
Хоть хочете, не хочете,—
Треба привыкаты:
Якъ пойхавъ мій миленькій

У поле ораты
Оравъ тры дни на цылини,
Тай ставъ у толоци,—
Выплакала кари очи
За чотыри ночи.
Уже жъ мини ци чотыри
Та за десять стали.
Лыбонь мого мыленького
Волыкы присталы,
Та й плугъ поламався,
Шобъ мій милый чернобривый
Зъ волами пригнався,
Та до мене молодой
Съ старостами слався (г. К.)

69.

Ой сяду я край виконця,
Тай буду дывитьця,
Чи не прійде мій миленькій
Ко мни весельтьця.
Ой прійхавъ мій миленькій
Въ недилю раненько,
Знявъ шапочку и склонывся:
«День добрый, серденько!»
«Ой день добрый, моя мыла,
«Якъ ты соби маешь?
«Ой може жъ ты въ сѣму дому
«Иншого кохаешь?
— Передъ Богомъ присягаю:
— Иншого не маю,
— Тилько тебе, мое сердце,
— Одного кохаю!
Не схотила дивчинька
Дружиною буты.
«Ой дай мини таке зилья,
«Шобъ тебе забуты!»
— Есть у мене таке зилья
— Близко перелазу:
— Якъ дамъ тоби напытыся,—

— Забудешь одь разу.
«Скриплыми воротичка
«Замкомъ не заперты,—
«Не забуду дивчипоньки
«До самои смерти!» (г. К.).

70.

Продай, продай, моя мате,
Съ курчатами квочку;
Купы, купы, моя мате,
Чохлату сорочку!
Иде дивка по улыци,
Чохлами махае;
Стоить парень у воротяхъ,
Важенько вздыхае.
Иытаеця товариша:
Чи вдовына дочка?
На ий плахта черчаточка,
Сама якъ квиточка,
Запасочка штаметова,
Дивка черноброва;
Въ коси лента голубая.
Дивка молодая.
Ой стелетця передь дивкой
Парень листомъ, листомъ,
Вызывае парень дивку
Не голосомъ,—свистомъ:
«Выйды, выйды, дивчинонько,
«Зъ рублевои хаты,
«Порадь мене, сердце мое,
«Якъ ридная мате!»
— Я жъ тебе, козаченьку,
— Ражу и не ражу,
— Я съ тобою вечеръ стою,—
— На иншого важу.
«Бодай же ты, дивчинонько,
«Тоди замижъ пишла,
«Якъ у поли при дорози
«Рута-мьята зійшла!»

— Бодай же ты, козаченьку
— Тоди ожинывся,
— Якъ у млини на камини
— Кукиль уродывся!

А дивчина догадалась:
Мьяты насіяла
Доци пишлы,—рута зійшла:
Дивка замижъ пишла.
А у млини на камини
Куколь не вродывся:
Старый козакъ, якъ собака,
Тай ще не женився (г. К.).

71.

Чи я брела, чи я ишла,
Чи мыне пидлыто?
Чи самъ козакъ не ставъ ходыть,
Чи ёго одбыто?
Ой одбыла щука-рыба
Одь берега ряску;
Потыряла дивчинонька
Видъ козака ласку.
А я жъ тую дрибну ряску
Збыру у запаску,
Таки тому козаченьку
Пидійду пидъ ласку.
А ще жъ тоби, дивчинонько,
Ны на горе пишло,
Якъ учора изъ вечыра
Тры козака прыйшло.
Одынъ сыдыть за столыкомъ,
Медь, выно кружае;
Другий сыдыть край столыка,
У скрыпочку грае;
Третий стоить у порози,
Дивчину пытае:
«Дивчинонько, сира утка,
«Чи свататы хутко?
«Дивчинонько, повна рожа,

«Чи свататы гожа?
— Козаченько—барвынонько,
— Сватай въ ныдильнюку.
«Ой пидожды, дивчинонько,
«До другои весны.
Росла, росла дивчинонька,
Тай у пори стала;
Ждала, ждала козаченька,
Тай плакаты стала:
«Бодай же ты, козаченько,
«Тоди ожынывся,
«Якъ у млыни на камини
«Кукиль уродывся!»
— Бодай же ты, дивчинонько,
— Тоди замижъ пишла,
— Якъ у поли край дороги
— Рутка-мятка зійшла!
Дивчинонька догадалась:
Мьятку насіяла,
Ай у млыни на камини
Кукиль ны вродывся.
Ище той же козаченько
Тай ще ны жынывся.
Ой у поли край дороги
Рутка-мятка зійшла,
Уже жъ тая дивчинонька
Давно замижъ пишла.
А якъ той же козаченько
Ходы якъ бурлака,
А якъ той же козаченько
Старый, якъ собака. (сл. Кол.)

72.

Ой, дивчино моя,
Та утишь ты меня:
Та подай рученьку
Черезъ быстру риченьку!
Та подай рученьку
Черезъ быстру риченьку!

— Ой та риченька широка,—
— Рученька коротка.
Ой, дивчино моя,
Та утишь ты меня:
Та подай голосокъ
Черезъ темный лисокъ!
Та подай голосокъ
Черезъ темный лисокъ!
— А лисокъ винь высокъ,—
— Не зайде голосокъ. (г. К.)

73.

Ай у поли крынычнька,
Холодная водычнька,
Холодная, негожая—
Нельзя ии пыты.
Нельзя мужу жыны быты,
Шобъ ны розгнivyты.
Посылае женамужа
Та рано по воду,
Дае ёму коромысло,
Та нове клынове:
Гныся, гныся, коромысло,
Гныся, ны вломыся.
Ой чомъ же ты, молодой Лукаша,
Давно ны жынывся?
Ой радъ бы я жынытыся:
Дивка молодая,
Въ неи коса по пояса,
Лента голубая (г. К.).

74.

И видтиль гора, и видтиль крута,
Помижъ тымы крутымы горами
Сходыла зоря,
Помижъ тымы крутымы горами
Сходыла зоря.
Ой тожъ ны зоря, ой тожъ ны
ясна,—

Ой тожь моя молода дивчина
По воду пишла,
Ой тожь моя молода дивчина
По воду пишла.
А я зорею у слидь за нею,
Чистымъ полемъ воронымъ конемъ
По-пидь Дунаемъ,
Чистымъ полемъ воронымъ конемъ
По-пидь Дунаемъ.

«Дивчино моя, чомъ замижь ны
шла?»

— Всю Украиньку сходила—
— Дружка не нашла,
— Всю Украиньку сходила—
— Дружка не нашла.
— Всю Украиньку
— Городочкивъ три,
— Та не найшла такого другого,
— Якъ, серденько, ты,
— Та не найшла такого другого,
— Якъ, серденько, ты.

«Козаченьку мій, чомъ не же-
ннвсь?»

— Я у Крымъ їздывъ, забарывся,
— Тымъ не оженився,
— Я у Крымъ їздывъ, забарывся,
— Тымъ не оженився (г. К.).

75.

И шумить и гуде,
По дорожки иде,
И стучить, и гремьтъ
У викошечко:
Ты видсунь, одчены,
Моя крошечко!
Я до тебе прыйшовъ
Не гостытыся:
Я до тебе прыйшовъ:
Испросытыся,

Я до тебе прыйшовъ
Испросытыся,
Чи позволишь, душа,
Оженытыся.
«Ты женысь, ты женысь,
«Разбезсовастный!
«Не берешь ты мене—
«Возьмы подружку мою,—
«Не берешь ты мене—
«Возьмы подружку мою:
«Й а мы съ подружкою
«Въ однимъ мисти булы,
«Въ однимъ мисти булы,
«Обучалыся
«Й у водно платычико
«Наряжалыся,
«У одни башмачки
«Обувалыся,—
«У одни башмачки
«Обувалыся,
«Однимъ мылымъ дружкомъ
«Подилиялыся. (г. К.).

А.

Ты, верба, ты, верба,
Ты кудрявая,
Ой де же ты выросла,
Кучерявая?
Я выросла во лужку,
Въ крутому бережку.
Тамъ сидѣла Маша
Поздно съ вечера сама,
Зажигала свѣчу
Воску ярого,
Дожидала дружка,
Разудалаго.
Онъ стучить и гремьтъ
Подъ окошечко:
«Отопри, отвори,

«Моя крошечка!
— Ой чи ворь, чи злодѣй,
— Чи разбойничекъ?
«Ой не ворь, не злодѣй,
«Не разбойничекъ,—
«Тоже прежній твой
«Полюбовничекъ.
«Я до тебе пришелъ
«Не гоститися:
«Я до тебе пришелъ
«Распроситися,
«Чи позволишь, душа,
«Оженитися!
— Оженися, душа,
— Мое дитятко
— Бери въ женушку
— Мою подружку. (г. К.).

76.

Повій, теплый витирочикъ,
Просвѣты, ясна зоря,—
Прыбуди, удалый молодчикъ,
У гости до миня!
Та выпѣмо, удалый молодчикъ,
По рюмци красного вина.
«Выпый, выпый, молода дивчина,
«Упредъ сама, упредъ сама!»
Вона одвырнулася,—
Сама ны пыла,
Таки жъ того молодчика
Та зъ ума звыла.
Зъ вечера удалый молодчикъ
Все пывъ и гулявъ,
А къ свиту удалый молодчикъ
Богу душу отдавъ.
А въ пыдилю та раненько
Вси звоны рывуть:
Уже жъ того та молодчика
Хоронять нысутъ.

Выйшла дивка за ворота
И осмихається,
А за гробомъ иде маты—
За сыномъ побывається (х. Ма-
лиевъ).

77.

Плыве човынь; воды повынь,
Та все хлюпъ, хлюпъ!
Иде козакъ до дивчины,
Та все тюпъ, тюпъ!
Плыве човынь, воды повыпъ,
Та й накрывся дубомъ,—
Та ны хвастай ты, козаче,
Кучирявымъ чубомъ!
Якъ выйдышь ты на вулицю,
Твій чубъ розивьється,
И съ тебе молодого
Вся челядь сміється.
Плыве човынь, воды повынь,
Та й накрывся листомъ,—
Та ны хвастай, молода дивчино,
Чырвонымъ намыстомъ!
Якъ выйдышь ты на вулицю,
Твое намысто порвется,
И съ тебе молодон
Вся челядь сміється.

(тамъ же).

78.

Та по тимъ боци Дунаю
Вивчарь вивци сгоняе,
Вивчарь вивци сгоняе,
На молодцивъ кивае:
Ой ви хлопци-молодци,
Накажите дивоци,
Шо въ чарчатій плахотци,
Въ корковому башмачку,
Въ корковому башмачку,

Въ розовому платочку,—
 Та нехай вона не гуля
 И литъ свихъ не теря:
 Нехай мене не ждеть,—
 Нехай замижъ идеть.
 Й а дивчина почула,
 Изъ улыци махнула,
 Не добигла до ворить —
 Ухватилась за живить:
 «Ой, Боже жъ мій, Боже мій!
 «Шо хорошій та не мій,
 «Шо хорошій та не мій,
 «Та не ходе мимо двирь.
 «Ой, мамочко, мамочко,
 «Шо жъ будемо робыты,
 «Шо будемо робыты?
 «Покинувъ другъ любыты?!
 — Та иды жъ, доню, до гаю,
 — Шукай зилья розмаю.
 Ше до гаю не дойшла,—
 Размай зильячко найшла,
 Та накопила кориння
 Съ пидъ билого каминня.
 Полоскала на рици,
 А мочила въ горилыци;
 Полоскала на лѣду,
 А варила у меду.
 Й а варила у молоци
 У добрый часъ у ноци;
 Поставила у печи,
 Сама й сила на печи;
 Поставыла до жару:
 Кипи коринь по малу.
 Ще коринь не вкипивъ—
 Юже козакъ прилытивъ.
 «Ой, чога же ты прилытивъ,
 «Колы любить не схотивъ?»
 — О якъ мини не литать,
 — Колы стала чаровать! (г. К.).

79.

Якъ сіяла вдова
 Пшынычиньку яру,
 Посіявше стала волочыты,
 А заволочивше стала Бога про-
 сыты:

«Вроды, вроды, Боже,
 «Пшынычипьку яру,
 «И на моихъ дитокъ,
 «И на вдовыну славу!»
 Ище жъ та вдовушка
 Та й до дому не дойшла,
 А уже вдовина
 Пшынычинька зійшла.
 Ой ище жъ та вдовушка
 На лавци ны сила,—
 Уже вдовушкипа
 Яра пшыныця поспила.
 Якъ пишла та вдовушка
 Пшыныцю глядаты,
 А тамъ вывыла чаечка
 Маленькіи диты.
 Котори бильши
 На лугъ полытили,
 А котори меньчи,
 Ти й такъ осыротили.
 Котори бильши
 Калыну клювалы,
 А котори менчи
 И такъ погыбалы.
 И стала тоди
 Та чаечка казаты:
 Горе мини зъ вами—
 Нїкому васъ доглядаты.
 Горе мини зъ вами,
 Поки вы вси пидростыте,
 А якъ пидростытѣ,
 То й полытыте.

Та по чужыхъ горахъ,
Та по чужыхъ долинахъ,
За сини за моря
И по чужыхъ окраинахъ (х. Мал.).

А.

Ой изъ-за гаю та буйный витерь
вѣ,
Ой тамъ удивонька пшениченьку
сѣ,
Ой тамъ удивонька пшениченьку
сѣ.
И а посіявши, та стала волочиты,
А заволочивши стала Бога просыты,
А заволочивши стала Бога просыты:
«Та роды, Боже, та пшениченьку
яру
«На вдовыныхъ дитокъ, та на вдо-
выну славу,
«На вдовыныхъ дитокъ, та на вдо-
выну славу!
Ще удивонька та й до дому не
дѣйшла,
А вже удовына та пшениця зій-
шла;
Ище удивонька на лаву не сила,
А вже удовына та пшениця при-
спыла.

«Ой годи жъ тобі та на лави
сидиты
«Беры серпъ та йды въ степъ пше-
нычнюку жаты,
«Беры серпъ та йды въ степъ пше-
ныченьку жаты.
Якъ пишла удивонька пшеници
глядиты,
А тамъ перепелка та й вывила
диты.
«Ой, диточки мои, та й горенько
намъ зъ вами!
«Ой, диточки мои, та й горенько
намъ зъ вами!
«Якъ пидростыте, та й политыте й
сами.
«Ой, диточки мои, та й горенько
миши зъ вами,
«Шо нымае та батенька та надъ
вами,
«Шо нымае та батенька та надъ
вами!
«Якъ пидбольшаєте, то й пидете
сами,
«Та будете, дитки, по степахъ й
по долинахъ,
«Та будете, дитки та й по чу-
жихъ окраинахъ! (г. К.).

31. А прѣль 8-е.

Св. Руфа. Всякій злакъ въ этотъ день «рушаетця» изъ земли, вмѣстѣ съ злаками вылазять изъ земли и змѣи; но въ теченіе этого дня не должно ихъ убивать, а въ прочее время, напротивъ того, слѣдуетъ, потому что: «якъ хто побаче гадюку и ны вбѣе, такъ сонце тры дни буды плакаты» (сл. Пря).

Увидѣвши въ первый разъ змѣю, говорятъ: «гадина, гадина! не кажи ты гадови, шо я тебе бачила, и я не буду никому казаты.»

Въ слободѣ Сватовой-Лучкѣ пришлось слышать, что ночью на этотъ день веселятся и ликуютъ какія то неопредѣленныя, воздушныя существа, появляющіяся впрочемъ изъ земли, называемыя Руфами, нѣчто въ родѣ душъ растительнаго царства, или полевыхъ нимфъ.

— Когда выносить въ первый разъ изъ хаты и пускаютъ на дворъ маленькихъ цыплятъ или гусятъ на траву, то завязываютъ себѣ глаза, «шобъ вороны и шулики (коршуны) слиплы» (сл. Пря).

— Увидѣвъ первыхъ журавлей берутъ, не сходя съ мѣста, земли и тотомъ примѣшиваютъ ее къ просу, при посѣвѣ, чтобы лучше родило (сл. Пря).

Въ г. Купянскѣ же, съ этою цѣлью, увидѣвъ въ первый разъ весною журавлей, берутъ не землю, а собираютъ вокругъ себя на землѣ соломинки, которыя, затѣмъ, кладутъ въ гнѣзда гусей.

— При появленіи первой ласточки тоже берутъ землю, но расѣваютъ ее не въ полѣ, а въ огородѣ,—должень уродить хорошиі укропъ (сл. Пря).

— Въ какой сторонѣ услышатся первые раскаты весенняго грома, въ той сторонѣ будетъ и урожай.

— При первыхъ ударахъ грозы женщины спѣшатъ приподнять спиною телѣгу или подпереть плетень, чтобы во время жатвы спина не болѣла, а дѣвушки, сверхъ того, умыться и утереться чѣмъ-нибудь краснымъ, что-бы быть богатыми и красивыми.

— До первой грозы не должно на воздухѣ мотать питокъ (г. К).

32. А п р ѣ л ь 17-е.

Св. Зосимы. Въ каждой пасѣкѣ обязательно находится икона св. Зосимы, соловецкаго угодника, которому въ этотъ день многіе изъ пасѣчниковъ и служатъ молебны, какъ покровителю пчелъ и пчеловодства.

33. А п р ѣ л ь 23-е.

Св. великом. Георгія побѣдоносца (св. Юрія). Св. Юрій считается покровителемъ скотоводства, но вмѣстѣ съ тѣмъ и повелителемъ волковъ. Предполагается, что въ этотъ день онъ разѣвзжаетъ верхомъ на конѣ по полямъ и принимаетъ подъ свою охрану выгоняемый на пашу скотъ, поэтому многіе изъ крестьянъ начинаютъ выгонять въ поле скотъ только съ этого дня, хотя большинство дѣлаетъ это, начиная съ появленія первой зеленой травки въ полѣ.

Въ слободѣ Кабаней существуетъ между крестьянами повѣрье, что если выгнать на пастбище скотъ раньше Юрія, то этотъ скотъ будетъ

подвергаться частому нападенію дикихъ звѣрей; между тѣмъ какъ скоть, выгоняемый на Юрія, находится подъ охраною этого святого. Когда первый разъ выгоняютъ скоть на пашу, то поперекъ воротъ растилаютъ на землѣ красный поясъ, черезъ который и перегоняютъ скоть. Если, выходя изъ двора, животное не зацѣпитъ ногами пояса, то оно не будетъ лѣтомъ болѣть и звѣрь не тронетъ его; животное же, зацѣпившее и стянувшее съ мѣста поясъ, будетъ болѣть или подвергнется нападенію дикихъ звѣрей.

Якъ выгоняютъ первый разъ скотыну въ поле, то берутъ «наченье» и замкаютъ его замкомъ и кладутъ по середины двора. Якъ гонютъ скотыну въ ворота, то старающа, щобъ кожна скотыняка переступыла черезъ нѣго, т. е. наченье, то ии все лито ни звирыка, ни чоловікъ дурный не троне, хоть и пастуха до неи не треба. (сл. Ново-Ник.)

Этотъ день принято праздновать, чтобы не оскорбить повелителя волковъ. Говорятъ, что какъ-то разъ одному крестьянину пришлось выйти изъ слободы ночью подъ Юрія въ поле. Вдругъ видитъ онъ, что среди поля сидитъ старый сѣдой, какъ лунь, человекъ, а вокругъ него волковъ видимо-невидимо, и всѣ они сидятъ въ почтительномъ отдаленіи отъ старика, только царь ихъ, бѣлый волкъ, сидитъ у самыхъ ногъ Егорія и внимательно слушаетъ, что старикъ говоритъ ему. Крестьянинъ приникъ къ землѣ и сталъ прислушиваться къ тому, что говорилъ волку св. Егорій. И услышалъ онъ, что это Егорій отдавалъ царю волковъ приказанія на счетъ того, что и у кого изъ хозяевъ можетъ каждый изъ подчиненныхъ царю волковъ украсть себѣ на пищу. При этомъ, говоря, что у такого-то пусть зарежетъ овцу, у такого-то—свинью, или корову, или жеребенка, святой прибавлялъ, а у такого-то, чтобы ни одинъ не смѣлъ ничего трогать, потому что этотъ хозяинъ и вся семья его посятятся на Егорьевъ день. Когда старикъ пересталъ говорить, всѣ волки съ своимъ царемъ во главѣ взвыли, поклонились до земли и, затѣмъ, разбѣжались. (сл. Ар.).

Въ другомъ разказѣ, записанномъ въ слободѣ Преображенной, Юрій является въ родѣ охотника, а именно: «Ихавъ чумакъ степомъ, глядь-якъ побила его чырызь дорогу бижить вовкъ и въ зубахъ нысе гуску. Чумакъ махнувъ батогомъ и отбивъ ту гуску. Пройхавши мало-богато, винъ выпрягъ воливъ пасты, а затымъ оскубъ гуску и ставъ варыты кашу. Каша кыпыть, а чумакъ цюка тамъ соби на дривитни, чоку чи що робы. Це шось якъ загуде коло ёго, винъ глядь,—ажъ де ны взявся охотныкъ на билому кони и собашни коло ёго сыла. А дали чумакъ роздывывая, колы то ны собаки, а вовкы окружали охотныка крючкомъ, на подобіе

того, якъ журавли лытять. Чумакъ такъ и омертвивъ на мисти. «Ага, проворный, вже й кашу варе», кажы охотныкъ: «добре, значыть, исты винъ хочы. А у мого хорта нашо жъ ты пищу отнявъ?»

Та ты знаешь хто я? Я святыи Юрій, а це мои хорты. Теперь колы хочишь ще жыты на свити, такъ палыгуй самого лучшого вола, та выды въ лисъ; прывьяжышь тамъ его до дерева, а самъ стико мочи тикай». Чумакъ такъ и зробывъ, и тико прывязавъ вола та самъ отбигъ, якъ де ны взялась тьма вовкывъ и размытала вола.»

— Въ этотъ день слѣдующія завѣтамъ старины хозяйки спѣшатъ посадить въ теченіе времени между заутреней и обѣдней рѣдку: вырастаетъ большая и сочная.

— Если на Юрія ворона спрячется во ржи, то будетъ хорошии урожай этого хлѣба.

— Пословица: «До Юрья въ житахъ и травахъ бьютъ тильки дурня, а писля Юрья набьются и умного». Считается что до дня Георгія скоть не можетъ повредить озимому хлѣбу и травамъ, а послѣ этого дня вредъ отъ попаса не всегда поправимъ.

— Выгоняя въ этотъ день скоть въ поле знающіе произносятъ заговоръ отъ волковъ, непримѣрь: «Святыи Ягорій побѣдоносець ихавъ на Осіанській гори на чырвоному кони звирь-вовкы собыраты,—ны ходитъ мого стада пойдаты». Илл: «Святыи Ягорій, издывъ ты по своихъ городахъ, запырай ты свои города, запирай своимъ собакамъ зубы и губы, шобъ ны плямкалы губамы и ны клацалы зубамы!». (сл. Пря).

— Собираютъ на утренней зарѣ «до схидъ сонця» съ травы росу полотенцемъ, потомъ выжимаютъ эту юрьевскую росу и хранятъ какъ лѣкарство въ глазныхъ болѣзняхъ.

— Если зузуля (кукушка) начинаеть куковать до Георгія на голый лѣсъ, то есть, когда лѣсныя деревья не одѣлись еще листвою, ожидай неблагополучнаго года. Считается счастливымъ предзнаменованіемъ услышать въ первый разъ кукушку, имѣя при себѣ деньги. Дѣти при этомъ обыкновенно говорятъ: кукушка, кукушка, скажи, сколько мнѣ лѣтъ жить! и начинають затѣмъ считать, сколько разъ крикнетъ кукушка—столько лѣтъ и жить.

— Пока деревья еще не распустились, не покрылись листвою, пока «голый лисъ»,—неслѣдуетъ на дворѣ (на воздухѣ) шить: оголѣешь, голый будешь.

34. Преполовеніе.

Права середа. На «праву середу» до восхода солнца обходятъ съ иконою вокругъ двора для предохраненія его отъ пожара (сл. Дв.).

По освященіи воды въ рѣкѣ, начинаютъ купаться. Въ тѣ годы, когда начинаютъ купаться до преполовенія, бываетъ много утопленниковъ и пожаровъ (г. К.).

— Въ этотъ день садятъ огурцы, «шобъ праві (прямые) росли».

— «Якъ на цей день народылася яка-нибудь скотына, то вона буде полового цвита» (х. М.).

35. Май 9-е.

Пер. мощ. св. Николая чудотворца. Съ этого дня начинается большею частію стрижка овецъ. Послѣ этого дня не слѣдуетъ садить бакчи, «бо завязи не буды» (сл. Пря).

36. Май 10-е.

Св. ап. Симона Зилота (Сыменово зыло), Мыколыного батька. Въ этотъ день женщины, а особливо знахарки, ходятъ по лѣсамъ, собирая разныя травы (зиле), которыя отъ Зилота получаютъ цѣлебную силу. Знающія вырываютъ растенія съ молитвою и произнесеніемъ извѣстныхъ словъ заговора. Обыкновенно же, подойдя къ растенію, становятся лицомъ на востокъ и, крестясь, читаютъ молитвы; затѣмъ, обратясь на западъ, вырываютъ растеніе, приговаривая: «Матырь Божа ходыла, зилля родыла, видромъ полывала—намъ па помпшь давала».

— «На Семеново зыло рвутъ зилья и всяке вырване въ цей день згидлыве отъ усякои хворобы» (сл. Св.-Л.).

— «На цей день якъ рвутъ или копаютъ зилья, то кажутъ: Мыколынъ батько веливъ, шобъ ты, зилья, було ликарствомъ одъ всякои хворобы. Або, якъ у кого свыни хвори, то той каже такъ: Мыколынъ батько веливъ, шобъ ты, зилья, выличило моихъ свиней. Тоди быре те зилья, варе его у горшку, а потимъ и напува своихъ свиней» (х. М.).

37. Май 11-е.

Обновленіе Цареграда. Этотъ день празднуется многими крестьянами потому, что они увѣрены въ существованіи какого то паря града, который выбиваетъ градомъ хлѣба у непочитающихъ его и работающихъ въ этотъ день.

38. Вознесение Господне.

(Вшестя). Подъ этотъ праздникъ или на самый праздникъ пекутъ «драбынки» (хлѣбцы въ формѣ лѣстницы) и вѣшаютъ или ставятъ ихъ на божницѣ къ иконамъ, чтобы Господь по этой «драбыни» могъ взлѣзть на небо. Въ урожайные годы такія драбынки пекутся съ большимъ числомъ перекладинъ, а въ неурожайные съ меньшимъ, потому что тогда небо бываетъ ближе. Пословица: Непрыдыця въ середу Ушестя, а все у четвергъ.

39. Троицынъ день.

Наканунѣ Троицына дня, въ субботу, крестьянки рвутъ разныя душистыя травы, какъ-то: богородскую травку, чебрець, полынь, любистокъ, кануперь, аиръ, и вечеромъ убираютъ свои хаты зеленью, причемъ передъ дверьми натыкаютъ молодыхъ деревцовъ, преимущественно клена, липы, ясени и осины. Послѣдняя ставится непременно на воротахъ, около трубы на хатѣ, а самое главное въ загородѣ, гдѣ почуютъ коровы, какъ предохранительное отъ вѣдъмъ средство. Молодые деревца, срубленные въ этотъ день для украшенія двора и хаты, называются «кличанье», или «квичало», а вся недѣля пятидесятницы клечальнойю, квичалью, зеленою, русальпою, троецкою. •

— Подъ Тройцу вносятъ на ночь въ хату срубленную осину и если окажется на утро, что листья на этомъ деревцѣ остались зелеными, хотя бы они и засохли за ночь, но лишь бы сохранили свой цвѣтъ, то всѣ въ семействѣ доживутъ и до слѣдующаго клечанья, если же за ночь листья на осинкѣ почернѣютъ, то нужно ожидать смерти кого-нибудь изъ членовъ семьи (сл. Ар.).

• — Берутъ на Троицу изъ подъ колѣнъ въ церкви траву, особенно стараются взять ту, на которой стоялъ священникъ. Настой этой травы считается цѣлебнымъ и употребляется отъ многихъ болѣзней.

— «Пидъ Тройцю низзя дивчатамъ въ лисъ ходыты, а то хвата русалка и питаи: «Полынь чи петрушка?» Якъ скажыть: полынь, такъ вона кажы: «иды соби, та й згынь» и пусты; а якъ скажышь: петрушка, такъ вона кажы: «Тыжъ моя душка», и до смерти залоскочы. (сл. Пря).

Обыкновенно въ теченіе Троицкой недѣли дѣвушки не купаются и, боятся ли русалокъ или не боятся, ходятъ съ душистыми травами въ рукахъ, между прочимъ, съ любисткомъ и полынью. Послѣднюю бросаютъ въ рѣку прежде, чѣмъ набрать въ ведра воды.

и пожелтѣвшіе стебли лука на грядахъ въ огородахъ, а затѣмъ «по чарци». (г. К.)

Вообще же оставшіяся дома, не уѣхавшія на сѣнокосъ женщины работаютъ въ это время на огородахъ и бакшахъ, полятъ грядки и окучиваютъ картофель. Гдѣ работаютъ дѣвушки и молодцы, тамъ не рѣдко раздается веселый смѣхъ или звонкая пѣсня, чаще же слышатся задорныя припѣвки проходящимъ мимо работающимъ лицамъ, причемъ и послѣднія рѣдко остаются въ долгу, а большею частью отвѣчаютъ полольщицамъ подобною же монетою.

40. Пѣсни во время молотбы.

1.

Поютъ проходимъ:

Ой чіи то хлѣрки
Волочуть оборки?
Оборки волочуть,
Робыты не хочуть;
Оборки тягають,—
Робыты ны знаютъ;
Оборка здорова,
Сама якъ корова.

—
Прохожія отвѣчаютъ:

2.

Ой чіи то полилныкы,
Ой чіи то бездильныкы.
Полоть не пололы?
Руки покололы?

—
—
Проходящей дѣвочкѣ.

3.

Ой чіе то козыня,
Та задрало хвостыня,—

Бижыть и меркочы,
Робыты ны хоче?

Отвѣтъ:

4.

Ой чіи то полилныкы.
Воны соби бездилныкы:
Полоты не полятъ,
Та вороны ловлятъ;
Тяпки поломалы,—
Спаты полягалы.

—
Пріятељницѣ:

5.

А по тыну павутына повылась,
А Стыпаныда у Грыцька удалась:
Таки ручки, якъ у пани,
Таки нижкы, якъ у ткали;
Така головка, якъ у соловья.

—
Соперницѣ:

6.

Така пыка, якъ прытыка;
Такой нисъ, якъ занизь;

Таки руки, якъ у марюкы;
Така голова, якъ у барана.

7.

Ой тепла весна, та холодна роса, —
Просывъ Иванъ Марью: не ходы
боса:
«Де ти чырывычкы, шо я тоби
давъ?»
— Повисыла на килочку, — попо-
вычь изнявъ.
«Бодай того поповыча та мителица
замела
«На тыхий Дунай, на зеленый
гай».

8.

«Та напны, Иване, холодокъ, хо-
лодокъ,
«Шобъ не згоривъ у дивки Марьи
билый выдокъ.
— Ой радъ бы я напынаты,
— Та не вмю шынкуваты.
— Дуня тажъ моя зарученная,
— Хоть зарученная, та не винчан-
ная.
— Давно, Иване, та до осени жда-
ты,
«Якъ найдутся добри люды,
«Отдасть мене батько,
«Отдасть мене мате
«Та за того Грицька,
«Кохаче дытятко.

9.

Ой выкоты, парснекъ, тры бочки
вына,
Шобъ твоя Маруся та здорова
була,

Шобъ за тебы въ осыны рушны-
кы дала,
Хочъ не якы вышывани, хочъ изъ
полотна.

Довго мини та до осени ждаты
и т. д.

10.

Хто насъ мынам, тому счастья
немав;
А хто насъ мыне, то й до вечера
вмре.
А завтра уранци положымъ на
лавци,
Сонце пидъ обидь, — справымо обидь.

11.

Йхавъ дядько долиною
Вороною кобылою.
«Зайль, дядьку, до насъ:
«Завтра празныкъ у насъ,
«Поголяемъ у насъ.
«Якъ пидымо по кыслыци —
«Не займайте насъ!»

12.

Шо жытычко,
Шо пшениченька —
Одынъ колосокъ;
Шо у Йванька,
Шо у Марьечкы —
Одынъ голосокъ:
Йванько заговори,
Якъ у дзвинь задзвони;
Марьечка засмѣтця, —
Дунай розильетця,
Вода сколыхнетця,
Ныхай тому Йванькови
Легенько хыкнетця!

13.

А вы у яру,
А мы у ярочку;
У насъ бровы на шнурочку,
А у васъ на матузочку.

14.

Надъ нашою слабодкою кропыва
жалка,
Лыбонъ нашимъ полилныкамъ ра-
бота важка.
Треба тую кропывоньку сырпомъ
позжынаты,
Треба нашимъ полилныцамъ пы-
рымину даты.
А вже жъ наши теляточка подро-
чмыся,
А вже жъ наши полилныцы помо-
рылся;
А вже жъ наши теляточка въ хо-
лодочку лыжать,
А вже жъ наши полилныкы не
йдуть, а бижать.

15.

У чужого хозяина идать калачи,
А у нашего рытвого ще й хлибъ
у пичи;
У чужого хозяина вже обидають,
А у нашего рытвого щей не ду-
мають;
У чужого хозяина горилочку пьють,
А у нашего рытвого исты не
дають.

16.

А вже сонце котыця,
Намъ до дому хочыця;

А вже сонце надъ дубкомъ,
Я додому холодкомъ
Полынула бъ я,—
Не воля моя!
Якъ бы моя воля,
Сидила бы я дома
У садочку въ холодочку,
Пидъ вербою надъ водою.
А въ ставочку бы купалася,
А въ садочку бъ кохалася,
Въ тимъ садочку
Напряла бъ сорочку.
А сорокы оснують,
А вороны вытчуть,
А билиы лыбды
Тай убилять на води,
А разныя пташкы
Пошыють рубашкы,
Ой пошыють, помережуть
Й поясочкомъ пидпережуть.

17.

Наша паня пышна
За ворота выйшла,
Выйшла противъ насъ,
Выглядаты насъ,
Тай вынесла тры скрыбочкы,
А четвертый бась:
Усимъ дивочкамъ по скрыбочци
А сироти бась,
Ни хто не баче,
Якъ сырота плаче,
А якъ заскаче,
То всякъ побаче.

18.

Наша паня пышна,
Въ неи въ поляхъ лыштва.
Лыштва подеретця,

Пышанья менетця.

Отвѣтъ:

Якъ ця подеретця,

Я й другу пошыю,

Такы свого пышанья

Цо викъ не покыну.

19.

Наша паня тетеря,

Чы готова вечера?

Якъ не готова,

То йды въ лись по дрова,

А якъ готовенька,

Сыды веселенька.

20.

Наша паня Хивря

Заризала пивня,

Зарубала индыка—

Коло печи трындыка (сл. Пра).

41. Петровъ постъ.

Существуетъ повѣрье, что Петровка обязана своимъ происхожденіемъ ап. Петру, установившему этотъ постъ по просьбѣ хозяекъ. До того мужики во время сѣнокоса поѣдали всѣ молочные скопы, а чрезъ то хозяйки лишены были возможности имѣть свою копѣйку. Вотъ онѣ и заявили ап. Петру о своей нуждѣ. Онъ внялъ ихъ просьбѣ и, съ согласія ап. Павла, державшаго сторону мужиковъ, установилъ постъ, но только не одинаковой продолжительности, чтобы не обидѣть сильно и мужиковъ. Оскоромиться въ Петровку считается болѣе легкимъ грѣхомъ, чѣмъ въ другіе посты, даже чѣмъ въ среду или въ пятницу. Хотя, конечно, все же не соблюденіе поста влечетъ за собою наказаніе:

«Одна жинка захворала у Питривку и начала, по совиту дохторивъ, ѣсты скоромне. Богъ дывввся, дывввся на неи, тай наказавъ ѣи пропасныцею. Жинка начынала ѣсты скоромне зъ обидя,— и якъ пидойде обидня пора, ѣи заразъ и начына пропасныця (лихорадка) трусыты, та такъ трусе, шо ѣи нывлеже на постели. Прохворала зъ годъ, дохтора ничого не подіють, и дала вона слово, шо якъ выздоровію, то буду чтыты посты. Писля сего и выздоровила» (х. М.).

Съ Петровкой начинается для крестьянской семьи горячая рабочая пора. Но день такъ жарокъ, такъ дологъ, такъ тяжелъ, а благодатная ночь до того хороша, что забываешь и о снѣ, и до того коротка, что уставшіе отъ дневной работы члены не успѣваютъ отдохнуть.

Не даромъ въ такомъ ходу пѣсня:

Ой петривочка—мала ничка!

Не выспалась наша дивочка:

Череду гнала, задримала,

На пеньки ноги позбывала,

На шпычки очи повѣймала,

Ой, петривня зузуленько,

Ты не куй рано въ диброви,
Не збуды мене молодой:
Въ мене свекорко—не батынько,
Въ мене свекруха—не матинка,—
Избудять мене раньше тебе (сл. Ар.).
«Ты, невестка, не робитныця
«Моимъ коморамъ ты не клюпныця,
«Моему добру не кубитныця!»
(сл. Гус.).

Та на неи люды дывлятця.
Ой, не дывуйтеса, дывни люды!
Я бачыла ще дывнйше:
Щука рыба красно ткала,
Красноперочка перебырала,
Ракъ-байракъ цивкы сучыть,
А комашечка въ печи топыть,

Муха-горюха дижу мисыть,
Чорна блоха хату мететь,
А комарь пищить—воду тащить:
«Якъ бы мини не пырылазы,
«Прынисъ бы воды чотыри разы,
«Якъ бы мини не пырыскокы,
«Я взявся бъ у боку». (сл. Н.-Н.).
«Якъ бы мини не молодыци,
«Прынисъ бы водыци зъ крыны-
ци (г. К.).

Тогда же поють:
Ой, Петре, Павле, Иване!
Та зоримо поле орламы,
Та засіймо поле цвитамы.
Бо ваша Петривка мынае,
А Спасивочка наступае (г. К.).

42. Іюнь 13-е.

Св. муч. Акулины. Говорять: «Кулыны послвдни посивы». Къ этому дню должны быть окончены посѣвы проса и гречихи, и съ этого дня «годыця все лито вечеряты на двори». (сл. Пря).

Но въ окрестностяхъ г. Купянска проса никогда не сѣютъ позже Николина дня, 9 мая, а гречиху хотя и сѣютъ иногда въ началѣ іюня, но это случается весьма рѣдко, исключительно лишь тогда, когда и май и начало іюня бываютъ дождливые.

Вечерять же на открытомъ воздухѣ начинаютъ обыкновенно со времени сѣнокоса.

Сѣнокось одна изъ пріятныхъ полевыхъ работъ, когда крестьянская молодежь, неистощенная еще страдною порою, и днемъ за работою и вечеромъ по окончаніи ея оглашается окрестность то веселымъ смѣхомъ, то громкой пѣсней. Легкій степной воздухъ, пріятный ароматическій запахъ свѣже скошенной травы, большое общество, а главное присутствие молодежи другого пола,—все бодритъ и оживляетъ работающихъ.

Вотъ какъ описываетъ сѣнокось въ окрестностяхъ сл. Архиповки учитель нач. училища въ этой слободѣ, М. Д. Скубакъ.

Самое веселое для молодыхъ парней и дѣвушекъ рабочее время—это сѣнокось. Начинается онъ у насъ по большей части въ половинѣ іюня.

Партіи косарей, копильщиковъ и гребцовъ собираются на обширномъ лугу или на степи, которой «квнця й краю не видно». Начинается обычная работа. Косари одинъ за другимъ «якъ били лебеди», дружно налегаютъ на высокую траву. Тишина нарушается только звономъ косы. да изрѣдка вырывающейся остротой переднихъ косарей, подтрунивающихъ надъ отстающими: не время лясы точить, когда во рту пересохло, хотя самъ весь мокрый. Не то у копильщиковъ и гребцовъ.

Тамъ заразительно весело: пѣсни, остроты, шутки, хохотъ наполняютъ воздухъ. Вонъ «гребци» — молодые дѣвушки и бабы — острятъ и трунятъ надъ «копильщиками» — молодыми парнями, припѣвая имъ:

«Наши гребци, якъ гребци,	«Копыць не поклары,—
«Копильщики жъ падлыци:	«Выла поламалы,
«Копыць не кладуть,—	«Спать полягалы.
«Обыдаты йдутъ;	

Копильщики не остаются въ долгу и въ свою очередь подчуютъ гребцовъ непечатными остротами. Глядя на эту всегда веселую и смѣющуюся молодежь подумаешь, что она, не смотря на тяжелую работу подъ палящими лучами июнскаго солнца, когда и вѣтерокъ лишь изрѣдка, какъ бы случайно, пронесется и пахнетъ свѣжестью въ лицо труженниковъ,— что она. эта смѣющаяся жизнерадостная молодежь никогда не утомляется. Но нѣтъ, взгляните на эти пылающія лица, на раскрытыя запекшіяся губы и вы убѣдитесь, что работа тяжелая, очень тяжелая, и вызываетъ потребность въ отдыхѣ, въ передышкѣ. И вотъ какая-нибудь разбѣдовая дѣвушка бросается на кучу сѣна и кричитъ: «повеливъ панокъ, щобъ привалылы валокъ!» Выдумка эта встрѣчается всеобщимъ хохотомъ и одобреніемъ: всѣ перестаютъ работать, садятся на душистое сѣно и отдыхаютъ. А потомъ снова за работу, и опять слышны смѣхъ, шутки, пѣсни.

Приближается время обѣда, откуда нибудь затыгивается пѣсня, мигомъ подхватываемая всѣми:

«У чужого хозяина били калачи,	«У чужого хозяина обидаты йдутъ,
«А въ нашего хозяина ще й хлибъ	«А въ нашего хозяина йсты не
у печи;	дають».

Но вотъ шапка кашевара на шестѣ говоритъ, что обѣдъ готовъ. Всѣ весело спѣшаютъ къ табору, гдѣ уже стоятъ большіе котлы съ горячимъ кушаньемъ, а иногда и съ «крутою кашею». Рабочіе моютъ руки, крестятся и садятся на земли, а кашеваръ подаетъ имъ обѣдъ. Во время

ѣды пожилые люди говорятъ мало, но молодежь не можетъ и теперь усидѣть тихо: скоро начинается говоръ и смѣхъ, особенно между дѣвушками. Степеннымъ мужикамъ не правится такое нарушеніе обычнаго порядка во время ѣды, когда въ крестьянской семьѣ позволяется говорить только старшимъ, поэтому они и здѣсь, въ степи, то и дѣло унимаютъ болтливыхъ: «ну, вы, сороки, чого розскрыкатались?!». Шумъ утихаетъ въ одномъ мѣстѣ, чтобы тотчасъ же начаться на другомъ. Послѣ обѣда каждый отыскиваетъ себѣ «холодокъ», тѣнь, и ложится отдыхать, чтобы черезъ полчаса снова взяться за косу или грабли. Передъ заходомъ солнца идетъ самая спѣшная работа, хотя всѣ сильно умаялись, работая болѣе 15-ти часовъ, но вечерняя прохлада и предстоящій отдыхъ поддерживаютъ энергію уставшихъ рабочихъ. Чѣмъ ниже склоняется солнце къ горизонту, тѣмъ громче раздается пѣсня дѣвушекъ:

Уже солнце котится,
Намъ додому хочется,—

Пора та й давно,

А мы не йдемо.

Уже солнце надъ дубкомъ,—

Намъ додому холодомъ,—

Пора та й дуже,

А мы байдуже.

Уже солнце надъ липкою,—

Намъ до дому изъ скрипкою,—

Пора та й давно,

А мы не йдемо.

Солнце зашло, начало темнѣть; работы прекратились; рабочіе собираются къ табору и ужинаютъ. Послѣ ужина парни и дѣвушки сходятся въ кружокъ недалеко отъ табора, раздаются звуки «сопилки», на середину кружка выходитъ пара: парень съ дѣвушкой, и начинаютъ отхватывать «козачка». Утомленія какъ не бывало: несется и стелется вокругъ дивчины молодець, едва касаясь земля, то, ставъ фертомъ предъ своей парой, учащенными ударами каблуковъ поражаетъ землю, вызывая своими выкрутасами крики одобренія и восторга въ толпѣ товарищей, съ разгорѣвшимися отъ зависти или удовольствія глазами, жадно слѣдящихъ за всѣми выкидываемыми имъ колѣнцами. Окружающая природа и та не остается холодной: трескомъ кузнечиковъ, крикомъ перепеловъ и коростелей она апплодируетъ танцующимъ. На смѣну первой выступаетъ вторая пара, или же музыка и танцы смѣняются пѣсней, той чарующей малороссійской пѣсней, чудные звуки которой съ неотразимой силой овлаживаютъ душой каждаго сына Украйны. Далеко за полночь иногда слышатся эти волшебные звуки и не замѣчаешь времени: оно не существуетъ для тебя, часы проходятъ, какъ минуты. Я знаю, говорить М. Скубакъ, что человѣку, никогда не бывшему у насъ на сѣнокосѣ, не проведенному

тамъ ни одной такой ночи, подобныя чувства не знакомы и могутъ, пожалуй, показаться даже странными, но, испытавши ихъ нѣсколько разъ, я не въ силахъ не высказать ихъ.

Пѣсни во время сѣнокоса.

1.

Наши грибки, якъ грибки,
А у Солодкого, якъ старци.
Наши грибки зъ граблями,
А у Солодкого съ торбамы. (сл. Пря).

2.

Ой чи то копилныкы?
Воны соби бездилныкы
Копыть не покламы,—
Выла поламалы
Й спаты полягали.
Ныхай воны сплять,
Поки выла вздрять;
А за те имъ плата—
Собака кудлата.
Копилныкы падлыци
Надіютця на грибки,
Шо грибки погрыбуть,
Та й въ копы покладуть;
А за те грибцямъ плата—
Горилочки кварта (сл. Пря).

3.

Скрыплять, скрыплять воритечка
Лыбонь, на морозъ;
Вси хмарочки до купочки,
Лыбонь, буде дощъ.
Ой дай, Боже зъ неба,
Чого намъ треба,
А намъ треба
Дощу зъ неба.

Ой дай, Боже, дощъ,
Абы не морозъ!
Ой дай, Боже, дощыци,
Щобъ поплывлы копыци,—
Копыци зъ валкамы,
Дивкы зъ парубкамы. (сл. Пря).

4.

Скрыплять воритечка
Лыбонь, на морозъ,
Вси хмарочки до купочки,
Ой дай, Боже, дощъ!
Ой дай, Боже, зъ неба,
Чого намъ треба,
Намъ треба водыци,
Шобъ поплывлы копыци,
Чи бь ны булы,
Бодай погнылы!
Ой дай, Боже, воды,
На четири годы,
Хочь ныдиль на пьять,
Шобъ намъ погулять;
Хочь на вивторокъ,
Ныдиль на сорокъ:
А хочь на поныдилокъ,
Хочь на одынь дывѣкъ.
Ой дай, Боже, дощъ,
Абы не морозъ! (сл. Пря).

5.

Ой чи то косари
Покосылы по гори?!

Выкосылы луки—
Набралися муки.
Переднему косарю
Борщю—каши наварю,
А заднему косарю
Йсты даты ны вылю (х. М.)

6.

А въ огороди капустонька,
Якъ биль побилила,—
Чогось наша Марусынька
Тай охмарнила,
Лыбонь у неи головонька
Та заболела.
Болыть, болыть головонька и ти-
ло усе,—
Колыжъ того Васылечка Господь
прынесе?
Васылечка Господь несе,
Марусыньку радисть бере,—
Ныхай же бере, не перестаете.
(сл. Пря).

7.

Зайшло сонычко за виконычко,
За садъ выноградъ.—
Цылуйтыся, мылуйтыся,
Ой хто кому радъ!
Оринка та Ивану раденька була.
«Бодай ты, дивко Оринко, здоро-
ва була!
«Шобъ за мены въ осыны руш-
ныкы дала,
«Хочь не дужы вышывани, хочь
изъ полотна (сл. Пря).

8.

Наши грибки громадылы,
Чорнявого прынадылы,

Ой чернявого, кучерявого.
А ще будымъ громадыты,
Шобъ другого прынадыты,
Шулудывого та куршывого
(сл. Пря).

9.

А въ насъ грибки громадылы
Чернявого прынадылы
Не одного—двохъ,
Чернявыхъ обохъ.
Ты, чернявий, попляши,
Намъ по чарци поднесы!
А въ чужого хозяина
Обидаты йдутъ,
А въ нашего хозяина
Йсты не дають;
А въ чужого хозяина
Йдятъ калачи,
А въ нашего хозяина
Ще й хлибъ у печи;
А въ чужого хозяина
Горилочку пьютъ,
А въ нашего хозяина
Воды не дають (сл. Н-Н)

10.

А нашъ панъ—капытанъ, соловейко,
Отпускаи обидаты зараненько.
(сл. Пря).

11.

А нашъ панъ—копытанъ не на-
шой виры:
Вси люды обидаютъ, а мы й до-
си не йлы.
У чужого хозяина йдятъ калачи,
А у нашего рытывого щей хлибъ
у пичи;

А въ чужого хозяина обидають,
А у нашего рытывого исты не
дають. (сл. Пря).

12.

Наши грымбцы коржи йлы,
А Солодкого понимилы.
Ой Богъ ему давъ,
Шо такыхъ набравъ;
Богъ погодывъ...
Та й тыхъ розгубывъ (сл. Пря).

13.

Наши грымбцы, якъ грымбцы,
А то чинсь, якъ старця.
Ой Богъ ему давъ,
Шо такыхъ набравъ!
Наши грымбцы зъ грымблямы,
А то чинсь съ торбамы.
Ой Богъ ему давъ,
Шо такыхъ набравъ!
А Богъ погодывъ...
И тыхъ разгубывъ (сл. Пря).

14.

Ой чїи то грымбцы,
Ой чїи то молодци,
Дивчата та хлопци?

15.

Якъ у васъ, такъ й у насъ.
Морозы въ Петривку
Заморозылы на пичи
Парубка и дивку (сл. Пря).

16.

А вы у ярочку живыте,
Нашыхъ дивокъ мацьте
Чорнымы бровами,

Сынымы штанами.

А мы свои бровы въ сажу вмажымъ,
Таки вашыхъ переважымъ.
А мы свои намалюемъ,
А на вашихъ и наплюемъ (сл. Пря).

17.

Тымъ травка зылена,
Шо близько вода,—
Тымъ дивка хороша,
Шо ще й молода.
Де ходе—гуляе?
— Въ зыленимъ саду.
Рвала, бросала
Спилый виноградъ,—
Кидала, бросала
Дружка на кровать;
Съ краватушки брала,—
Та й за ворота:
«Не суши, сердечко,
«Мого живота».
Та своему мыленькому
Та наказывала:
«Ны ходы й у день, у день,
«Не смишы людей, людей!
«Прыйды й у ночи
«При ясной свичи,
«Шобъ насъ люды ны зналы,
«Шобъ насъ ны суждалы;
«Шобъ нашої любви
«Ны разлучалы».
— Ны кто жъ не разлуче:
— Ны свить, ны зоря;
— Тилько насъ разлуче
— Сырая земля! (сл. Н-Н).

18.

Какъ ва лугу, ва лужочку
Травушка расте,

Травушка муравушка,
Зеленая мая!

21.

Никто жъ тае муравушку не косе.
Никто жъ тае муравушку не косе.
Абизвался косарёкъ,
Ваня, миленькій дружекъ
Онъ касиль, касиль, касиль,—
Касу въ сторову бросиль:
Ты жъ вернися, воротыся,
Расклиновае касё,
Ты жъ вернися, вартися,
Насталёная каса;
Ты жъ залейся, закатися,
Полумѣдное кальцо;—
Ты умри, умри, мая
Разпостылая жена!
Возму я за себя
Красную дѣвицу (сл. Н.-Н).

А у нашего пана
Голова кудрява,
Ой кудрява, кучерява;
Лице, якъ у пана.
Винъ кудрямы затрясе,—
Намъ по чарци пиднесе,
Хоть по одній,
Такъ по повній.
Ой, паночку нашъ,
По чарочци дашь! (сл. Пря).

19.

22.

Эй, ну! помаленько на гору,
Нуты, косари, вы, косарыкы мои,
Хоть нырано почалы,
Такъ богато утялы.
Эй, ну! помаленько на гору,
Нуты, косари, вы, косарыкы мои,
Накосылы стигъ сина,
Тай той коза за ничъ зѣйла.
Эй, ну! помаленько на гору,
Нуты, косари, вы, косарыкы мои,
Постарайтысь вы дружно,
Шобъ було всимъ душно.

А у Солодкого косари косятъ,
А у насъ борщу просятъ.
А у насъ борщъ непорожній:
Лытивъ жукъ подорожній,
Лытивъ та й упавъ,—
Борщъ зъ мясомъ ставъ.
Переднему косарю
Борщу й каши наварю,
А заднёму косарю
И брусныцю розибью. (сл. Пря).

(х. М).

23.

20.

Уже сонце пидъ обидъ,
Вары кашу, бисовъ дидъ?
Ой вары, вары,—
Бисъ тебе быры! (х. М.)

Наша паня пышна
За ворота выйшла,
Выйшла та й стоить:
«Обидать идить!» (сл. Пря).

24.

Наша паня Кулына
Тры дни кулишь варыла;
Наварыла не вгодыла;
Наварыла кулишу,—
Накыдала камышу;
Наварыла галушокъ,—
Накыдала камушокъ. (сл. Пря).

25.

А вже сонце котыця,
Намъ до дому хочыця,
Хочыця давно,
А мы ныйдымо,
А мы ныйдымо—
Прыказу ждымо:
Пока панъ прыкаже,
Тройку коней запряже.
Сидай та й паняй,
Боже, помогай!
Сидай та й бижы,
Боже поможы!

26.

Уже сонце котыця,
Намъ до дому хочеця,
Пора та й давно.
А мы не йдымо;
Пора та й дуже,
А мы байдуже.
Уже сонце пидъ липкою,
Намъ до дому изъ скрипкою;
Уже сонце пидъ дубкомъ,
Намъ до дому холодкомъ.
Полынула бь я,
Та не воля моя!
Якъ бы мини воля, —
Сидила бь я дома
У садочку, въ холодочку,
Пидъ вербою, надъ водою.
Отчиняй, пане, ворота,
Иде твоя работа;
Паняй, пане, по грибы, —
Уже сино погреблы. (сл. Н-Н).

27.

Наша паня пышна
За ворота выйшла,

Выйшла противъ насъ,
Выглядаты насъ:
Десь мои грыбчыкы прытомылыся,
Та до дому вечеряты опизнылыся
(сл. Пря).

28.

Закотылося сонычко
За дубовыи доски;
Ой ходитъ вечеряты
До хорошей дочки.
Хороша дочка —
Хороша вечера:
Рыбка печена,
А на закуску
Печену гуску (сл. Пря).

29.

А нашъ панъ — копытанъ, соло-
вейко,
Отпускаи до домоньку зараненько.
Олчиняй, пане, ворота
Иде твоя работа,
Иде та не вся,
Ще й осталася,
Ще й осталася —
Пидтопталася
(Плоха була — розгубылася х. М.)
Осталася трошки,
Та й та край дорожки.
(Рубай, пане, биръ,
Пускай насъ у двиръ;
Одчиняй, пане, синьци,
Становы намъ ослиньци. х. М.)
Одчиняй, пане, сини,
Вечеряты силы;
Одчиняй, пане, хату,
Давай грыбцамъ плату,
Плату не яку —

По четвертаку;
А якъ не дасы,—
Бильше не просы.
Якъ прыйдышь прохаты,
Кочыргою съ хаты,
Кочергою, рогачемъ—
Черезъ поригъ сторкачемъ.
Ой не пидымъ,
Не пойдимъ,
А на другый день
Пидымъ до людей (сл. Пря).

30.

Зайшло солнце за виконце,
За садъ—виноградъ,—
Цилуйтеся, милуйтеся
Ой хто кому радъ.
А Бориско та Дуняша
Циловалися,
Дождали вони недиленьки,
Пишли повинчалися.
Зайшло солнце за виконце,
За соснови доски,—
Туда пидемо обидаты,
Де хороши дочки.
Зайшло солнце за виконце,
За дубовый тынь, —
Туда пидемо вечераты,
Де хорошій сынъ (г. К.)

31.

Ходе Коля по базарю,
Шукае товару;

Найшовъ Коля гостру косу
По добру покосу.
Чужу Коля траву косе,
Своя сохне, вяне;
Чужу Коля жинку любе,
Своя слезно плаче (сл. Кол.).

32.

Въ лиси—лисочку
Выросталы четыре дубочки,
Схылылыся верхи до купочки,
Налынулы сыви голубочки,
Силы, впалы та й заворкувалы,
Крылычками круту гору вкрылы,
Сами помижь собою ричи гово-
рылы:

Худо тому жонатому,
А й ще гирше, якъ хто кого
любе.

Ой винъ любе, любе, прыголубе,
Прыгортае, якъ мате дытну,—
Та такъ извивъ молоду дивчину
(сл. Гус.).

33.

Косари косять, а витерь повива,
Шовкова трава на косу наляга,
Десь мій мыленький изъ инчую
розмовля.

Якъ съ хорошою, хай Богъ по-
мога,

А якъ съ поганою, хай Богъ раз-
луча (сл. Кбя).

43. Іюнь 23-е. (Купала).

Наканунѣ Рождества Іоанна Прелтечи, вечеромъ по захожденіи солнца, когда стемнѣеть, крестьянская молодежь, парни и дѣвки, собираются на празднество Ивана Купала, въ селеніяхъ, расположенныхъ по рѣкамъ, гдѣ нибудь на берегу рѣки, вдали отъ строеній, въ степныхъ

хуторах—на возвышеннахъ мѣстахъ, гдѣ и разводять огонь, устраивая костеръ большею частію изъ соломы. Въ г. Купянскѣ и въ большихъ торговыхъ слободахъ костровъ не зажигаютъ, а, вмѣсто огня, ставятъ кусты крапивы, чертополоха или волчеца, и взрослая молодежь не принимаетъ участія въ праздникѣ, Купалы, такъ что распорядителями и участниками праздника бываютъ одни подростки, мальчики и дѣвочки.

Въ нѣкоторыхъ слободахъ, напр. въ сл. Кабаньей, сохранился старинный обычай купаться прежде, чѣмъ прыгать черезъ огонь; причѣмъ купаясь окунаются съ головою всего одинъ разъ. Скупавшись, дѣвочки надѣваютъ себѣ на головы вѣнки, сплетенные изъ разныхъ полевыхъ и огородныхъ цвѣтовъ, чаще другихъ бываютъ: сокирки (*Delphinium consolida*), барвинокъ (*Vinka minor*), нагидки (*Calendula officinalis*), дзинозверь (*Mociva Mauritiana*), рожа (*Althaea rosea*), а мальчики срубятъ молодое деревцо, почти исключительно черноключень. Дѣвочки надѣваютъ на это деревцо свои вѣнки и несутъ его на избранное для праздника мѣсто, гдѣ и втыкаютъ въ землю, а вѣнки снова надѣваютъ себѣ на головы. Деревцо это называютъ «Купало», или «Купайло». Перепрыгиваютъ черезъ огонь обыкновенно парами, парень съ дѣвкой, подростки же прыгаютъ черезъ крапиву безъ всякаго порядка. Парень, сжавъ съ дѣвки вѣнокъ, надѣваетъ ей на голову свою шапку, а себѣ ея вѣнокъ, и, схвативъ дѣвку за руку, прыгаетъ съ дѣвкой черезъ костеръ. Иногда же два парня, взявъ дѣвку съ обѣихъ сторонъ нодъ руки, переводятъ черезъ огонь, причѣмъ страдаютъ не только юбка и сапоги, но нерѣдко и ноги дѣвки. Перепрыгнувшая черезъ огонь пара проходитъ вокругъ «Купала» и становится позади прочихъ участниковъ, раздѣнявшись шапкой и вѣнкомъ. Всѣ присутствующія поютъ слѣдующіе пѣсни:

1. Купало! Выгрѣвало сонычко на Івана. Сегодня Купала, завтра Ивана,— Купало! Выгрѣвало сонычко на Івана. Купався Иванъ та въ воду упавъ,— Купало! Выгрѣвало сонычко на Івана (сл. Кбя). 2. Та купався Иванъ та въ воду упавъ. Стризь вода налынула, (сколыхнула)	А на мори хвыля была, А на дольни роса впала, А на вулыци Купала пидъ Ивана (г. К.). 3. Та купався Иванъ та у воду впавъ. Скризь вода польнула, А по мори хвыля была На Ивана на Купала, Де молода челядонька гуляла; По дольни розливала, На рыночку слава стала,

А въ пасъ на улыци Купала.
Выгрій, сонычко, на Ївана!
(сл. Св.-Л.).

А.

Пидь Ивана Купала
Десь наша челядонька гуляла!
Та й шлы дивочки
Та по ягодочки,
Скризь вода ялынила,
А на мори хвыля была,
На дольни роса пала,
На дивоци коса сяла,
На вулыци Купала пидь Ивана
(сл. Пря).

4.

Сёгодня Купала, а завтра Ивана!
Чымъ мини, моя маты, торгуваты?
Поведу я свекорка продаваты,
А ридного батынька купуваты.
Здешевыла свекорка, здешевыла,
А ридного батынька не купыла,
Тилко соби славоныки наробыла,
А ще того поприку до вику.

--

Сегодня Купала, а завтра Ивана!
Чымъ мини, моя маты, торгуваты?
Поведу я свекруху продаваты,
А ридную матинку купуваты.
Здешевыла свекруху, здешевыла,
А ридной матинки не купыла,
Тилко соби славоныки наробыла,
А ще того поприку до вику и т. д.
Продається диверекъ и зовыця, что-
бы купить риднаго брата и
сестру—(г. К., сл. Ар., Гус.,
Н.-Н., Св.-Л., Каб.).

А.

Сёгодня Купало, а завтра Ивана.
Выграло сонычко на Петра!
Чымъ мини, моя маты, торгуваты?
и т. д.

Буды мини поприку до самого вику,
Поговору да прыбору (сл. Кол.).

5.

Посію я рожу, поставлю сторожу:
Батынька мого, ридненького.
Стороною дощыкъ иде, стороною
Та на мою рожыньку чырвону.
Не вирна сторожа: поломана рожа.
Посію я рожу, поставлю сторожу:
Матинку мою, ридненькую.
Стороною дощыкъ иде, стороною
Та на мою рожыньку чырвону.
Не вирна сторожа: поломана рожа:
Посію я рожу, поставлю сторожу.
Братыка мого, ридненького.
Стороною дощыкъ иде, стороною
Та на мою рожыньку чырвону.
Не вирна сторожа: поломана рожа.
Посію я рожу, поставлю сторожу:
Васылька мого, мыльенького.
Стороною дощыкъ иде, стороною
Та на мою рожыньку чырвону.
Ой вирна сторожа: повна моя ро-
жа (г. К.).

6.

Питривская зузулынька,
Чого ты не куешь?
Чомъ ты соби, бездильнычка,
Гниздычка не вьешь?
Ще другого литычка не буде,
Тоби, не робитнычка, жаль буде.
Що у тебе гниздечка не буде.
(сл. Н.-Н.).

7.

Ой вербе, вербе, вербыце,
Часть тобі, ворбыце, розвытьця,—
Часть тобі, Васылько, жынытьця.
— Ой ще ни часъ, ще ни пора:
Щей моя Маруся молода.
Я ны буду жынытьця до Ивана,—
Ще жь моя Маруся ны гуляла,
Вь чырвоныхъ чырывычкахъ ны
скакала (г. К.)

8.

Идутъ дивочки
По ягідочки,
А за нымы два дубочки—
Нарубочки.
Чырвоная калынонька—
Дивчынонька,

Чырвоный мачёкъ
Парубачёкъ (г. К.)
Чирвоный мачёкъ—Ивашко,
Билая рожына—Марынка (сл. Кбя)

9.

Купалонька зь Купала ишла,
Кропомъ очи завикала,
Петрушкою пидперизалася,
Цыбулюю заквичалася (сл. Ар.)

10.

Купалочка купалася,
А на сонычку сушылася.
Дивка Варюшка журылася:
Чи було лито, чи не було,
Шось минни не вь помку було.
Соловейки не шыбыталы,
Зузулоньки не кувалы (сл. Н-Н.).

Вь сл. Араповкѣ, послѣ того какъ каждая пара перепрыгнетъ черезъ огонь три раза, костеръ гасится и молодежь расходится, а тамъ, гдѣ прыгаютъ черезъ крапиву или будяки, растенія эти относятся къ рѣкѣ и бросаются вь воду. Прийдя домой, дѣвушки снимають съ головы вѣнокъ и, вь однихъ мѣстахъ, бросаютъ его черезъ голову на крышу хаты, а вь другихъ сохраниють на чердакѣ, приписывая ему цѣлебнукъ силу.

Говорятъ, что уходя отъ Купала, не должно оглядываться, чтобы не догнала вѣдьма, которая обязательно тамъ присутствуетъ. А если желаете узнать, которая изъ бабъ на селѣ вѣдьма, возьмите отъ Купальскаго костра золы, завяжите ее вь тряпочку и идите домой не оглядываясь. На другой день баба—вѣдьма явится къ вамъ и попроситъ у васъ эту драгоценность: «одай минни тэ, що у тебе есть», подразумѣвая купальскую золу.

— На ночь не отлучаютъ телятъ отъ коровъ, чтобы вѣдьмы не повредили послѣднимъ.

— Золу отъ Купальскаго костра собирають и закапываютъ на воротахъ загороды, чтобы вѣдьма не ходила туда къ коровамъ (сл. Пра).

— Рвуть подорожникъ, который и употрѣбляется противъ различныхъ опухолей (сл. Ольш.).

— Пугаютъ дѣтей, говорятъ, что въ этотъ день нельзя купаться, не то русалки въ воду втащатъ.

44. Іюнь 24-е.

Рождество Іаонна Предтечи, Ивава Купала. На Ивановъ день дѣвушки дѣлаютъ изъ соломы большую куклу, одѣваютъ ее въ платье, вѣшаютъ на шею мониста, голову убираютъ лентами и цвѣтами, сами надѣваютъ на голову вѣнки. Убранную лентами и цвѣтами куклу, называемую Марынка, Морена (г. К.), Уляна, Катерына, (св.-л.), носятъ по всѣмъ улицамъ, въ сопровожденіи толпы ребятишекъ, а въ заключеніе несутъ къ рѣкѣ, гдѣ, снявши съ Марынки всѣ украшенія, куклу бросаютъ въ воду.

Въ хуторѣ Егоровкѣ куклу Марынки, сдѣланную изъ соломы, сажаютъ на вѣтку черноклена или другого дерева, приносимую для этого изъ лѣсу, и носятъ ее съ пѣснями вокругъ колодца и пруда, а затѣмъ относятъ къ рѣкѣ. Иныя устраиваютъ куклу изъ чурбака, обмотаннаго соломой; въ этомъ случаѣ, чтобы брошенная въ рѣку кукла скорѣе потонула, привязываютъ камень. Другія лѣпятъ куклу изъ желтой глины, щеки намазываютъ красной глиной, брови рисуютъ сажей, а вмѣсто глазъ—два угля.

Въ слободѣ Араповкѣ дѣвушки, надѣвши купальные вѣнки, плдутъ въ лѣсъ, срубиваютъ вѣтку клена и несутъ ее въ слободу, гдѣ дѣлаютъ изъ травы куклу. Сдѣлавъ куклу, надѣваютъ на нее дѣтскую сорочку, монисто и привязываютъ къ принесенной изъ лѣсу вѣткѣ. Кукла съ вѣткою называется Марыною. Потомъ на ровной площадкѣ въ слободѣ или выгонѣ вкапываютъ въ землю вѣтку, чтобы прямо держалась кукла, передъ которой ставятъ столъ, накрытый бѣлой скатертью. На столъ кладутъ хлѣбъ съ грудочкой соли; потомъ всѣ берутся за руки, ходятъ вокругъ стола и поютъ слѣдующія пѣсни:

1.

Тры мисяца ясныхъ—

Тры молодця красныхъ.

Купало! грало солнычко на Йвана.

Тры зирочки ясныхъ—

Тры дивочки красныхъ.

Купало! грало солнычко на Йвана.

Первый мѣсяць—

Молодый Иванько,—

Купало! грало солнычко на Йвана.

Кругый мисяць—

Молодый Оедирко,—

Купало! грало солнычко на Йвана.

Третій мисяць—

Молодый Оедотко,—

Купало! грало солнычко на Йвана¹⁾.

Перва зирочка—

Молода Катричка,

Друга зирочка—

¹⁾ Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждыяъ двухъ стиховъ.

Молода Марьечка,
Третя зирочка—
Молода Галичка.
А Иванко каже:
Я Катричку люблю,
Я Катричку люблю—
Черевычки куплю;
А Оёдирко каже:
Я Марьечку люблю,
Я Марьечку люблю—
Золоть перстень куплю;
А Оедотко каже:
Я Галичку люблю,
Я Галичку люблю—
И за себе возьму.

2.

Посію я рожу, поставлю сторожу.
Стороною дощыкъ иде, стороною
Надъ моею рожею червоною ¹⁾.
На первую ничку поставлю я
свекра;
Не вирна сторожа: поламана рожа.

—
На другу ниченьку поставлю свек-
руху;
Не вирна сторожа: поламана рожа.

—
На третю ниченьку поставлю ди-
верька;
Не вирна сторожа: поламана рожа.

—
На четверту ничку поставлю зовыцю
Не вирна сторожа: поламана рожа.

—
А на п'яту ничку поставлю мылого,
Вирненька сторожа: цила моя рожа.

3.

Ой славенъ городъ Купьянка.
А еще славнише Арапивка:
На чотыри вулыци стояла:
Перва вулыця кропова,
Друга вулыця роминова,
Третья вулыця дубова,
А четверта вулыця калынова.
Що зелений крипъ—мужычки,
Биленькі ромень—жиночки,
Зелені дубочки—парубочки,
Червонная калынонька—то дивочки.

4.

Ходылы дивочки коло Марыночки,
Зелені два дубочки—парубочки,
Червонная калынонька—то дивоч-
кы ²⁾.

Якъ пшлы дивочки въ лись по
ягідочки,
То й пришлось имъ тры риченькы
брысты,
Тры риченькы брысты и Дунай
пльвты.

Уси дивочки Дунай перепльвлы,—
Дивка Марынка въ Дунаи вто-
нула.

На дивци Марынци плахта чер-
нитка.

Якъ зайшлы слухы та до мачухы.
«Не жаль мини дивкы Марынкы,
«А жаль мини плахты черниткы».
Якъ пшлы дивочки въ лись по
ягідочки.

Та й пришлось тры риченькы бре-
сты,

1) Прип'явъ этотъ: «стороною» и пр. повторяется послѣ каждого стиха.

2) Этотъ прип'явъ повторяется послѣ каждого стиха.

Тры риченькы бресты и Дунай
 плывты.
 Уси дивочки Дунай переплывли,—
 Дивка Марынка въ Дунаи втонула
 На дивци Марынци плахта шовкивка.

Якъ зайшлы слухы та до матинькы:
 «Не жаль мѣни плахты шовкивки,
 «А жаль мѣни дивкы Марынкы».
 Зелени два дубочки—парубочки.
 Червоная калынонька—то дивочки.

По окончаніи этихъ пѣсень, дѣвушки берутъ Марыну и несутъ ее по улицѣ, направляясь къ рѣкѣ, съ пѣніемъ тѣхъ же самыхъ пѣсень. Пришедши на берегъ, раздѣвають куклу и затѣмъ бросаютъ ее вмѣстѣ съ вѣткой въ рѣку, причемъ поютъ:

Потонула Марынонька, потонула,
 Наверхъ кисонька зирнула.

Являются парни съ водкою. Всѣ садятся на берегу, пьютъ водку и закусываютъ тѣмъ хлѣбомъ, который лежалъ на столѣ передъ Марынкой.

По возвращеніи домой дѣвушки прячутъ свои вѣнки. Они хранятъ ихъ до слѣдующаго года и употребляютъ только, какъ лѣкарство. Послѣ Купала въ слободѣ наступааетъ тишина: жизнь уходитъ въ поле, гдѣ начинается страдная пора: время уборки хлѣбовъ.

Въ слободѣ Преображенной сдѣланную куклу «Марынку» выносятъ на улицу и ставятъ на приготовленную для нея скамейку, къ которой прикрѣплено небольшое вишневое деревцо. Поставивъ Марынку начинаютъ пѣть:

5.

«Шобъ винъ мѣни хорошенько
 спивавъ

А въ бирку, бирку
 Тамъ строявъ Хведиръ комирку;
 А до его Маруся прыходыла,
 Ему хорошенько говорыла:
 «Рубы, рубы, Хведирко комирку,
 «Та прорубы виконьчко въ пры-
 чилку,

«И раненько розбужавъ.
 — На шо жъ тоби, Марьечко,
 соловейко?
 — Есть въ тебе соловейко све-
 корю:
 — Винъ же тебе раненько роз-
 буды,

«Шобъ до мені соловейко пры-
 литавъ,

— Выйды за ворота та й
 осуды.

Потомъ начинаютъ носить Марынку по всѣмъ улицамъ и пѣть:

6.

Двиръ нывыльчкый,—зилля вы-
 лыке.

А въ мого батька двиръ нывы-
 лычкый,

А въ тимъ зилли вовкы завылы,
 Вовкы завылы, нелюба зъйлы.

А я за нелюбомъ три дни тужыла,
Три дни тужыла: пивъ хлѣба зѣйла.
А я одна въ батька була, ¹⁾
Я молода, якъ ягода! ¹⁾
А въ мого батька двирь нывы-
лычкый,
Двирь ны вылыкый,—зилья вылыке.
А въ тимъ зилли вовкы завылы,
Вовкы завылы, мылого зѣйлы.
А я за мылымъ тыждынь тужыла,
Тыждынь тужыла: пивъ хлѣба
зѣйла.

7.

Та стояла Марыюшка на межи,
Червоные черевичкы на нози,
Шо купывъ Иванъ на межи (?).
«Носы, носы, Марыюшка, здорова,
«Нихто тоби не скаже ни слова;
«Носы, носы, серденько, ще куплю,
«За твое серденько, що люблю!
(сл. Гус.)

8.

Сухый дубе горить дуже,
Съ тебе полумя паше дуже.
Черезъ воды на слободы,
Де Марынка биль билыла.
«Ой биле жъ моя, товста не била,
«Якъ пиду жъ я за нелюба,
«Я жъ тебе, биле, у калу билию,
«Я жъ тебе, биле, у чорни потчу,
«Я жъ тебе, биле, у будень зносю.»
Сухый дубе горить дуже,
Съ тебе полумя паше дуже
Черезъ воды на слободы;

Де Марынка биль билыла.
«Якъ пиду я за любого,
«Ой биле жъ моя, товста та
била,
«Я тебе, биле, въ бильи потчу,
«Я тебе, биле, у празпыкъ зносю
(сл. Кабя).

9.

Та гуляла Уляна у пана,
Чырвони чырывычкы покаляла,
Жымчугъ намысто порвала,
Золоти хресты поламала;
Та прохала Уляна Ивана:
Та пиды та скажы мачуси,
Шо Уляна у пана гуляла,
Чырвони чырывычкы покаляла,
Жымчугъ намысто порвала,
Золоти хресты поламала.
Ой, сыне мій, Иване,
Пиды скажы Уляни,
Ныхай вона утопыця,
А на мои кари очи ны явыця.
— Ой, брате, мій, Иване,
— Пиды та скажы мачуси,
— Шо вже наша Уляна вто-
нула,
— Тилькы їи кисонька зрынула.
«Ой, сыне, мій, Иване,
«Пиды скажы Уляни,
«Ныхай вона ны топыця,
«А на мои кари очи та явыця:
«Я вже чырвони чырывычкы по
обтырала,
«Жымчугъ намысто позбырала,
«Золоти хресты покувала.
(г. К.).

¹⁾ Припѣвъ послѣ каждого стиха.

Примѣчаніе. Пѣсни 5 и 6 въ г. Купянекъ поются вообще въ Петровну.

А.

Десь наша Уляна гуляла,
Намысто, жемчугъ порвала,
Зеленую суконьку замарала,
Золоти обидци поламала.
Ии братичокъ пидоздривъ,
Та свой мачуси сказавъ:
«Ой, ненько моя, мачухо,
«Якъ наша Уляна гуляла:
— Пиды жъ ты ий вскажы,

— Ныхай вона до дому не явця,
— Ныхай иде та топыця.
Пишла Уляна топыця,
Пишла мачуха дывыця.
Вынырнула Уляна трычи наверхъ,
Сказала мачуси трои сливъ:
«Ой, ненько моя, мачухо,
«Отдай ты мои обидци на винци,
«Зеленую суконьку братику,
«Жемчугъ намысто сыстрыци
(Св.-Л.).

Въ г. Купяцкѣ бросаютъ въ рѣку не одну Марынку, но и Купала вмѣстѣ съ нею, затѣмъ принесшїя куклу и сами начинаютъ купаться, причемъ окунають чурбанъ Марынки, припѣвая:

Утонула Марынка (Уляна) утонула,
Тяльки ии кисонька зирнула! или:
Пишла Марынка топытьця,

А за нею дружечки подывыться.
Ны топыся, Марынко, ны топыся,
Огляныся, та на свое дытятко по-
дывыся!

Старухи говорятъ, что купаться съ Марынкою не должно, потому что всегда, лишь только погрузится въ воду Марынка, налетаетъ сильный выхрь. Эта нечистая сила является за Марынкой, которая, по мнѣнію иныхъ, есть старшая русалка.

— Якъ розійдуця изъ юлыци уси дивчата и хлопци, то ночью на тому мисти, де носылы на гильци Марынку, тамъ сходяця уси видьмы той слободы и собирають тамъ листьа, шо осыпалысь изъ тїи гилкы, на яки носылы Марыну, такъ якъ воно згидлыве одъ всякой хворобы (х. Ег.).

— На Ивана Купала рвутъ полынь и сушать, а какъ золятъ въ первый разъ полотно, то въ жлукто (большой улей, въ который складываютъ холсть, или бѣлье, пересыпають золою и льють кинятокъ) полынь и пучку (щепоть) соли бросаютъ для того, «щобъ швыдче выблылось полотно (сл. Коля).

— «Якъ просо объ Иванѣ ростомъ зъ ложку, такъ будыть каша въ ложци.»

45. Іюнь 29-е.

Свв.-Ап. Петра и Павла. Въ этотъ день хозяйки служатъ благодарственный молебенъ ап. Петру за то, что онъ установилъ постъ Петровку (сл. Кбѣ).

Въ Купянскомъ уѣздѣ по возвышенностямъ праваго берега рѣкъ Оскола и Красной надъ мѣломъ наслоены зеленыя глины съ прослойками зеленоватосѣраго песчаника, такъ называемаго Харьковскаго камня. Слой камня обыкновенно прикрытъ черноземомъ, но при оранкѣ выворачивается изъ почвы много камней, о появленіи которыхъ на нивахъ разсказывается слѣдующая легенда, записанная въ сл. Преображенной:

«Сіавъ чоловикъ въ поли пры дорози пшыныцю,—иде святыи Петро, поздоровкався и пыта: «шо, зымлякъ, сіишь?» А той пиднявъ его на глузы (на смѣхъ): «камень», кажы.—Ну, ныхай жы и вроды камень», прорикъ Петро. И съ тыхъ пирь тамъ и теперь росте одыпъ камень. «На Петра и полупетра не должно купаться,—утонешъ».

46. Іюнь 30-е.

Соборъ 12-ти апостоловъ считается праздникомъ на половину меньшимъ сравнительно съ предыдущимъ днемъ и называется «Полупетра», или «Петрового батька». Въ хуторѣ Егоровкѣ въ этотъ день коровъ не доятъ и варятъ борщъ въ трехъ горшкахъ «тры борщи для того, шо св. Пытро тры разы одрикся одъ Хрыста, и въ ти борщи рижуть трехъ пивнивъ».

Хотя мѣстами по пескамъ рожь пачинають косить иредъ Петровымъ днемъ, но вообще Ікль мѣсяць есть главное время уборки хлѣба.

47. Іюль 8-е.

Св. великом. Прокопія. Въ этотъ день до восхода солнца рвутъ укропъ и потомъ употребляютъ его какъ цѣлебное средство въ головныхъ боляхъ, взрослые моютъ голову водою, въ которой варился укропъ, а дѣтей, страдающихъ «младенческимъ», купаютъ въ этой водѣ.

— Соловей поетъ, пока ячмень не выброситъ колоса, а кукушка въ крайнемъ случаѣ до «Прокипія», но такой продолжительный періодъ пѣнія кукушки предвѣщаетъ бѣду: или неурожай, или болѣзнь, обыкновенно крикъ кукушки прекращается къ Петрову дню.

— До Прокипія можно допускать роюбу пчель, послѣ же этого дня не слѣдуетъ.

48. Іюль 18-е.

Пр. Іоанна многострадальнаго. Жены, брошенныя мужьями, служатъ этому святому молебны, чтобы онъ воротилъ бѣжавшаго мужа и пробудилъ въ измѣнникѣ прежнюю любовь къ женѣ (сл. Кбѣ).

49. Іюль 19-е.

Пр. Макрины. Если въ этотъ день будетъ дождь, осень будетъ дождливая. «Якъ шо на Мокрипы буды дощъ, такъ сій жито: буды урожай».

50. Іюль 20-е.

Св. пр. Ильи. «До Иліи дощъ ходы съ своимъ витромъ, и за витромъ и противъ витру, якъ Илья звылыть, а писля Илья иде за витромъ».

Когда бѣсы возстали противъ Бога и хотѣли низвергнуть Его съ престола, Богъ велѣлъ Ильѣ прогнать ихъ съ пеба и загнать въ тартары. Вотъ съ тѣхъ поръ Илья и гоняется за бѣсами и загоняетъ ихъ въ пекло. Но въ одномъ мѣствѣ онъ ихъ загонитъ, глядь—они въ другомъ вылѣзли, нужно спѣшить туда, такъ онъ вѣчно воюетъ съ ними. Когда громъ гремитъ тихо и тучи идутъ медленно,—это Илья спокойно ѣдетъ на своей огненной колесницѣ, нигдѣ не видя бѣсовъ. Завидѣвъ же ихъ, онъ гонитъ во весь духъ; отъ страшной скачки подымается буря, гремитъ громъ, испуганные бѣсы бросаются во всѣ стороны, а Илья вслѣдъ за ними бросаетъ свои огненные стрѣлы-молніи. Такія стрѣлы сами выходятъ на поверхность земли черезъ семь лѣтъ; ихъ можно видѣть у нѣкоторыхъ изъ деревенскихъ знахарокъ. Подобная стрѣла имѣетъ большею частію видъ длиннаго каменнаго трехграннаго терпуга, на концѣ заостреннаго (каменное орудіе).

Во время грозы свѣтятъ предъ иконою страстную свѣчу. Многіе думаютъ, что происшедшій отъ молніи пожаръ тушить грѣшно, да и потушить его нельзя ничѣмъ, кромѣ молока, а потому къ тушенію такого пожара приступаютъ неохотно, говоря: «Богъ запалывъ, чоловікъ не затуше», такъ какъ пожаръ отъ молніи считаютъ наказаніемъ Божиимъ за грѣхи. Кто работаетъ въ день Ильи, того убиваетъ громъ. Во время грозы прогоняютъ отъ себя кошекъ и собакъ, вѣря что въ нихъ часто прячется діаволь, когда убѣгаетъ отъ преслѣдованія пророка Ильи. Но человѣка, убитаго громомъ, считаютъ праведнымъ, потому что въ этомъ случаѣ убитъ бываетъ не человѣкъ, а собственно бѣсъ, спрятавшійся отъ Ильи въ человѣка, душа же человѣка попадаетъ прямо въ рай.

— На Илью «до схидъ сонця» отправляются хозяйки въ одной бѣлой сорочкѣ на огородъ къ грядамъ капусты и тамъ начинаютъ сдавливать головки капусты руками, приговаривая: «святый Илья, складай головки туги та били такъ, какъ я» (сл. Св.-Л.).

— На этотъ день скота въ поле и въ лѣсъ на пастьбу не выгоняютъ, потому что въ этотъ день всѣ звѣри и гады ходятъ по лѣсамъ и полямъ свободно (сл. Топ.).

— Прежде почти во всемъ уѣздѣ, при окончаніи жатвы ржи, оставляли кустикъ этого хлѣба не сжатымъ «Ильѣ на бороду», теперь же это дѣлается только кое-гдѣ, да и то въ видѣ шутки.

— «Прійде Илья, наробе гныля», говоритъ народная пословица, составившаяся на основаніи частаго выпаденія дождей въ концѣ іюля мѣсяца.

— Послѣ Ильина дня, говорятъ, не слѣдуетъ купаться, а не то голова будетъ болѣть.

51. Іюль 27-е.

Св. вкм. Пантелеймона (Палія). Этотъ день называютъ днемъ Палія, потому что, по народному вѣрованію, хлѣбъ и все имущество у лицъ, работающихъ въ этотъ день, «спалится», сгорятъ отъ молніи. Во время пожара, особливо происшедшаго отъ грозы, обносятъ три раза вокругъ горящихъ построекъ икону св. Пантелеймона (а также икону Неопалимой купины), вѣря, что вслѣдствіе этого пожаръ прекратится. Св. Пантелеймонъ пользуется большимъ уваженіемъ въ народѣ, какъ цѣлитель въ болѣзняхъ, и иконы его встрѣчаются довольно часто въ хатахъ грамотныхъ крестьянъ.

52. Іюль 28-е.

Иконы Смоленскія Божія Матери (Смоленска).

Говорятъ: «Палій пале, а Смоленска смале», и въ этотъ день многіе не работаютъ изъ боязни, чтобы отъ грозы не погорѣли скирды хлѣба. Для предохраненія же хлѣбовъ въ стогахъ и въ скирдахъ отъ мышей, кромѣ скарлупъ крашенокъ, освященнаго на пасху хрѣна и костей пасхальнаго поросенка, кладутъ туда еще и кресты изъ колосьевъ хлѣба, сдѣланныя по окончаніи жатвы каждаго рода хлѣбовъ.

53. Іюль 30-е.

Св. Ивана вонна, Чтобы отыскать уворованную вещь или, по крайней мѣрѣ, отомстить вору, служатъ молебень Іоанну воину и при этомъ ставятъ передъ иконой его свѣчу верхнимъ концомъ внизъ и зажигаютъ нижній ея конецъ. Во время горѣнія свѣчи воръ будто бы испытываетъ такія страшныя мученія, что непременно возвратитъ украденную вещь, если она у него.

Пчеловоды, въ случаѣ воровства ульевъ или насылки изъ другой пчѣлки пчель, дѣлаютъ дома изъ своего воска свѣчу, зажигаютъ ее, а потомъ, потушивъ, относятъ въ церковь и ставятъ верхнимъ горѣлымъ концомъ внозь передъ иконой Іоанна воина.

Пчелы отыщутъ вора и отомстятъ ему. Такъ въ одной пасѣкѣ пчелы зажалили своего дѣда пасѣчника, который и оказался воромъ.

54. Пѣсни во время жатвы.

1.

Ой у доли нывка,
Съ краю матырыпка,
Тамъ дивчына жыто жала,
Сама чернобрывка.
Йхавъ парень дорогою:
«Здоровъ, здоровъ, женче!»
Вона стала, одгадала:
«Здоровъ, здоровъ, серце!»
А вже тая слава
На все село стала,
Шо дивчына казаченька
Серденькомъ назвала (сл. Пря, г.
К., сл. Коля).

2.

Посылае Сыдиръ Гапку
Въ поле жыта жаты;
Гапка каже: ны здужаю
Головку пидняты.
«Вставай, моя Гапка, ны лыжы,
«Кума въ гости зове».
— Пиду я поспишенько,—
— Може хворь скорій пройде.
— Заразь убываюся
— И скоренько пиду,
— А для тебе, Сыдорка,
— Дви работы найду:
— А первая работушка:
— Выжынь лыбыди зъ двора,
— А другая работушка:
— Поставъ самоваръ для меня.
(х. Ег., сл. Пря)

3.

Якъ послала мене маты
Ярового жыта жаты;
А я жытця ны жала—
Въ борозенци лежала.
Та йхалы чужежепци,
Найшлы мене въ борозенци:
«Встань, дивчыно ны лыжы,—
«Боже тоби поможы.
— Охъ вы, жынци—чужоженци,
— Та пыкажыть моей неньци,
— Шо лыжала въ борозенци.
— Я лыжала ны лыжала
— И снопыка ны нажала
— И копъ ны наклала (сл. Н-Н).
Тай повезлы мене до дому:
Ой мамочко, мамочко,
Не хочу жыта жаты,
Буду дома лежаты:
И головочка не заболыть,
И било лычко не загорыть (г. К.).

А.

Борозенька узенька,—
Въ двоухъ не вяжемоя,—
Теперь ничка маченька,—
Не награемоя.
Ой пидъ рядомъ холодно,
Пидъ кожухомъ душно;
Ой сама жъ я не засну, —
Безъ мылого скушно.
Ой, Маруся моя, ты до горя
довела,

Ты до горя довела, ты зъ ума мене
звела:

Ой ставъ же я та й хылюся
На ту кровать, де Маруся.
Ты, Маруся моя, ты до горя до-
вела (г. К.).

4.

За нашею слободою
Росло жыто съ лободою.
А хто буде жыто жаты,
То той буде горе знаты.
Катерина жыто жала,
Катерина горе знала (г. К.).

5.

Болять, болять били ручки,
Пшениченьку жпучи!
Та вже-жъ мипи надокучыло,
Мыленького ждучи!
Нема жъ, нема-жъ мого мыленького,
Нема жъ мого папа.
Уже жъ тая дороженька
А жъ пылью прыпала!
Та йдутъ возы скрипучи,
А по переду выступае
Мій мыленькій идучи,
Та у сошилочку грае.
Сопялочко, барвиночко,
Орихове денце,—
Прыйды, прыйды, молода дивчина,
Потишь мое сердце! (сл. Гус.).

7.

Нащо мини жынытыся,
Нащо жинку браты:
Теперь сина нывражай,—
Ничымъ годуваты.
Грычаной половицы

Та ны буде йсты,
А ячминна зъ усвюкамы—
Буде въ зубы лизты.
Нащо мини жынытыся,
Нащо мини жинка:
Цвитутъ цвиты въ огороди:
Всякая нагидка (г. К.).

7.

Посылала Ваньку маты
Ярового жыта жаты.
Ванька жавъ, Ванька жавъ,
За весь день снопъ нажавъ,
Малолитній изязавъ.
Якъ папала Ваньку скука,
Тай обривавъ серпомъ руку:
Полылась руда зъ руки.
Его паня подбижала,
Платкомъ руку обьязала;
Вона его въ гости звала,
За тысовый столъ сажала.
Вона его угощала:
Медомъ, виномъ наувала,
Калачама годувала (сл. Н—Н.)

8.

Изъ-за горы витыръ вие,
Жыто половие.
На козака худа слава:
Робыты ны вмие.
Ой робыты—ны робыты,
Жаты не вагнется—
До дивчыны чорнявой
Съ старостамы шлется.
Ой хоть шлыся, хоть ны шлыся;
Хоть у годъ наймыся,
Та выжывы пару коный
И пару жупанивъ,
Тоди садымъ край дивчыны,

Шо ны зъяла, шо ны спыла;
Шо хороше ны ходыла;
Тико буду згадуваты,
Шо кремно робыла.
Якъ запряжу я тройку коней—
Кони вороши,
Та побижу доганяты
Лита молодіи.
Та й побигла, та й догнала
На каменомъ мости:
Ой вырнитесь, лита мои,
Хоть на часъ у гости!
Ны вернымось, ны вернымось,
Ны будемъ вертатця:
Було бъ тоди шануваты,
Та й не гайнуваты,
Ны вернымось, ны вернымось,
Ны будемъ выртатця:
Було бъ тоди шануваты
Здоровьячка свого.
Я вырву я зъ рожи квитку,
Та й пустю на воду:
Плывы,плывы, зъ рожи квитка,
Ажъ до мого роду!
Плывла,плывла зъ рожи квитка,
Та й стала крутытьця
Выйшла маты, воды браты,
Та й стала журытьця:
Чого, чого зъ рожи квитка
На води завьяла,
Чого, чого жъ, донько моя,
Така стара стала?
— Изстарила мене маты,
Та чужая хата,
А ще й къ тому й малы диткы,
Та чужи пивмиткы (г. К.).

А.

Та шо дуброва ой да зашумила?

Ой да шо у мене, молодой, го-
ловка заболела?
Та якъ пиду я ой да у садочекъ,
Та й вырву жъ я ой да цвितочекъ.
Та якъ вырву я ой да рожи квитку,
Та й пустю на воду:
Та плывы, ой да рожи квитка,
Та й до мого роду!
Та якъ приплывла ой да рожи
квитка
Та й стала крутытьця.
Выйшла жынка ой да воды браты,
Та й стала журытьця:
Та чого, чого ой до рожи квитка
На води завьяла,
Та чого, чого моя жипка
Така стара стала (сл. Кбя).

12.

Та въ лиси пидъ кустыкомъ
(Ой у лиси та пидъ кустыкомъ
Х. Н-С.)
Та сьдидъ дивка сь купчикомъ,
Та сь купчикомъ, сь голубчикомъ.
Та купецъ дивку вговоряе:
«Ой ты, дивыця-красавыця,
«Ой ты, дивыця-красавыця,
«Ой моя прежняя любовныця,
«Моя прежняя любовница!
«Ой тожъ мы сь тобой любылыся,
«Тожъ мы сь тобой любылыся:
«Ой та ничого жъ мы не журылыся,
«Ой якъ мы сь тобой пересталы,—
«То й вси ворогы ради сталы
(г. К. и р. м.).

—
Якъ мы сь тобой вирпо любылыся,—
Вси сухи дубы та розвылыся,
Вси ворогы смутылыся:

А якъ тыперъ пырыстали,—
Вси однолютки та й повсыхали
(х. Ег.).

13.

Ой Семено, Семено,
Дома нѣту никово,
Только дома батракъ
Работае дурно такъ:
И сараи городить,
И плиты становить.
Уберацца батракъ
Въ чистое поле работать,—
Яровое жыто жать.
Заходьлы подь постать,

Позабыли серпы взять.
Ой ждатель да й пождатель,
Да некого да й послать.
Телѣжечка забряжчала,
За серпами побѣжала.
Прибѣгае ко дворцу,
Ходыть теща по дворцу.
«Здравствуй, тетка и свекры,
«Отдайте наши серпы!»
— Наши серпы у снопахъ
— Позастримляни лежать.
При высокому кургани
Стоять дивки съ молодцами,
Одну рѣчь вси говорятъ;
Кому кого брать (сл. Пры).

Въ настоящее время ни обжиночныхъ, ни дожиночныхъ пѣсенъ нѣтъ особыхъ, а во все продолженіе жатвы и уборки хлѣбовъ поются однѣ и тѣ же пѣсни, или изъ числа вышеприведенныхъ, или, даже, просто изъ числа общеизвѣстныхъ, распѣваемыхъ и на вечерницахъ, на примѣръ:

14.

Утромъ рано до зори
Вышли въ поле косари,—
Ай люли,-косари,
Косари вы мои
Рано, рано почали.
Косиль Ѳомка, косиль Власъ,
Да, Еремка кривой глазъ.
Ай люли,-косари,
Косарики,-вы мои, } припѣвъ.
Рано, рано почали }
Косиль батько, косиль я,—
Накосили черта два.
Припѣвъ:
Посылала меня мать

Въ поле яровое жать.
Припѣвъ.
А я сѣла на песокъ,
Просидѣла весь денекъ.
Припѣвъ.
Я въ песочкѣ простояла
Друга мила ожидала.
Припѣвъ.
Насилушку дождалась,
Насилушку бросалась.
Припѣвъ.
Ты, косаричекъ же мой,
Поцилуйся же со мною!
Ай люли,-косари,
Косарики вы мои
Рано, рано почали (г. К.).

Какъ отголосокъ временъ крѣпостного права приводимъ слѣдующія пѣсни:

15.

Господа наши дворяны
Неразсудливи бувалы,
Неразсудливи бувалы,
На работу рано гвалы.
На работу гонють рано,
На день дають хлѣба мало;
На послідку поприкалы,
Шо линыво работалы.
Работалы, все страдалы:
Съ лица питъ-вода течеть,—
Молодця горе беретъ.
Завыдувалы наши хрыстьяны
На лакейское житьѣ.
Хорошо буты лакею:
Лакей пашенькы не пашыть,
Винъ оброку не кладеть,
Косы въ руку не беретъ.
Куды пошлють — и деть скоро,
Шобъ и дыло ишло скоро,
На дорожкѣ состоять,
Сударушки дожидаль.
Сударушка ты моя,
Лебедушка бѣлая.
Хоть спинушка набыта,
Да сударушка нажита;
Хоть спинушка побыта больно,—
Любилъ дѣвушекъ довольпо.
(сл. Св-Л.).

16.

Нынче праздничекъ заходить,
Намъ хочется погулять —
Ахъ, бѣда! ахъ бѣда, бѣда!
Господа не вылять.
Мы дождемся темной ночи,
Украдимся и пойдемъ,
Погуляемъ мы всю почку
До бѣлой до зари.

А завтра рано поутру.
Призываютъ насъ къ кнуту.
Не велять молодну оправдаться,
Велять скоро раздѣваться,
Не поспѣлъ онъ сказать рѣчи,
Ужъ спустили ему бѣлы плечи.
Хоть спинушка набита,—
Сударушка нажита;
Хоть спинушка болить больно,—
Люблю дѣвушку довольно.
А на завтра къ вечеру
Ко мнѣ дѣвушка пришла,
Кувшинъ меду принесла
И бутылку вина,
Што бѣ спинушка зажила (сл. Пок.).

17.

Бѣла Доня заболѣла,
Сладкихъ прящевъ захотѣла:
«Ужъ ты, мужъ мой, мужинекъ,
«Поѣзжай ты въ городокъ!
— Ужъ ты, Довюшка—Дуняша,
Кабы воля па то наша:
Нонче годы не такіе,
Наши паны все лихіе,
И приказчики дюжа злые (сл. Пок.).

18.

У пашого пана вылыка панщина!
А въ ныдилю пораненько
Во вси звоны дзвонять,
А пасъ молоди дысятныкы
На панщину гонять
«Годи, годи вамъ, крыстьяны,
До церкви ходыты!
Идять, идить швыдче въ клупю
Овесъ молотыты,
А молодн хлопци
На греблю писокъ возыты,
Та щобъ по кряхъ
Килочки булы набыты» (сл. Пра).

55. Августъ 1-е.

Муч. Маккавеевъ. Маковія и перваго Спаса. (Сага на води). На Маковія пекутъ коржи и приготавливаютъ изъ нихъ такъ называемые «шупыки», то есть, изломавъ эти коржи на мелкіе кусочки, обливаютъ ихъ медовою ситою съ маковымъ молокомъ, дѣлаютъ также изъ молока съ медомъ «маковыки».

Какъ шулики, такъ равно и маковыки составляютъ отличное кушанье для пастоящаго дня у малороссовъ, а у великороссіянъ это кушанье неизвѣстно. Въ подтвержденіе чего разсказывается слѣдующій анекдотъ: какъ то разъ на Маковія зашелъ къ одной вдовѣ солдатъ — москаль. Хозяйка посадила его обѣдать и въ заключеніе стола подала ему шуликивъ. Солдатъ, никогда не видавшій этого кушанья и притомъ уже наѣвшійся борщу и каши, подозрительно взглянулъ на смѣсь изъ кусочковъ коржа и макового молока и спрашиваетъ: «а что это такое?» — Та це шулыки, отвѣтила старуха. «Кулики, кулики, такъ пусть летятъ себѣ съ своимъ гнѣздомъ», говоритъ солдатъ, выбрасывая за окно шулики. «Та шо се вы робыте, служивый?! вы бѣ покуштувалы, сказала хозяйка. Солдатъ лизнулъ ложку: вкусно, сладко, — да какъ закричить въ окно: «кулички, кулички! возвратитесь назадъ въ свое гнѣздушко!» Такъ дурный москаль и остався безъ шуликивъ на Маковія.

Больные лихорадкою, а также и тѣ которые думаютъ, что они болѣютъ, «сглазь», «уроченые», купаются въ этотъ день или до солнечнаго восхода на утренней зарѣ, или во время водосвятія. Цвѣты которыми окружаютъ крестъ, разбираются потомъ на расхватъ, такъ какъ имъ приписываются особыя цѣлебныя свойства.

56. Августъ 6-е.

Преображеніе Господне, Спасъ на гори. Въ этотъ день освящаютъ въ церкви яблоки, груши и медъ въ сотахъ «сцильныкы». До «Спаса» не ѣдятъ яблокъ многія женщины, преимущественно же тѣ, у которыхъ умирали дѣти, или были мертворожденныя. По народному повѣрью, на томъ свѣтѣ, на небѣ въ этотъ день Богъ роздаетъ яблоки умершимъ дѣтямъ, но даетъ только тѣмъ изъ дѣтей, матери которыхъ не ѣли до Спаса яблокъ, а дѣтямъ, родители которыхъ не воздержались отъ употребленія этихъ фруктовъ, не даетъ райскаго яблочка, говоря: «твое свыня зъѣла».

— Въ этотъ день до восхода солнца знахарки ходятъ рвать извѣстныя имъ травы, причемъ приговариваютъ: «Дива Марія це зилья сіяла, а Спасъ поливавъ, намъ на помищъ дававъ».

— Прійшовъ Спасъ, держи рукавички про запасъ.

Говорять: Спасивка-ласивка, а Петровка-голодивка, потому что ко дню Спаса окапчивается уборка не только ржи, но многіе изъ крестьянъ успѣвають къ этому времени убрать и ячмень, а иные даже и пшеницу. Говорять, что Спасовка есть продолженіе Великаго поста. Богъ назначилъ, молъ, для Великаго поста девять недѣль, но святые отцы, зная людскую слабость, упростили Бога раздѣлить этотъ постъ на двѣ части, чтобы людямъ было легче выполнять его.

Тогда Богъ повелѣлъ назначить для Великаго поста семь недѣль, а двѣ недѣли отнести къ концу лѣта и установить Спасовку.

Поэтому и въ Спасовку должно также строго соблюдать постъ, какъ и во время Великаго поста, а равно и говѣть, что стариками обыкновенно и исполняется.

57. Августъ 15-е.

Успеніе пр. Богородицы, перва Пречиста. Къ этому дню у многихъ хозяевъ бываетъ окончательный сборъ садовыхъ плодовъ, такъ какъ съ каждымъ днемъ послѣ Спаса становится все труднѣе сохранить ихъ на деревьяхъ отъ воровъ.

При собираніи грушъ въ сл. Преображенной поютъ:

Прычуста по груши ходыла,	Спасыку-братыку, отдай мени ми-
Прычуста мишокъ загубыла,	шочокъ,—
А Спасъ ишовъ,	Не буду ходыты у твѣй лисочокъ!
Мишокъ найшовъ.	(сл. Пря).

58. Августъ 29-е.

Усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи, Головосика. Въ этотъ день не варять борща, не рѣжутъ пожемъ хлѣба, многіе даже не берутъ ножа въ руки «потому шо святому Іоанну одрizarли голову на цей день». Если рѣзать ножомъ головку капусты, или разрѣзать арбузъ, то на ножѣ появятся капли крови, поэтому въ этотъ день для ѣды арбузы разбираются, а хлѣбъ разламывается на куски. Употреблять въ этотъ день какое-либо рѣжущее оружіе считается грѣхомъ, влекущимъ за собою наказаніе.

Разсказываютъ, что одинъ крестьянинъ ѣхалъ на «Головосика» по какому то дѣлу въ городъ, и дорогою сломалась у него въ повозкѣ чека. Не долго думая, взялъ крестьянинъ топоръ, отрубилъ отъ палки кусокъ, затесалъ, его и сдѣлалъ чеку. По обыкновенію, увидѣвъ сломавшуюся

чеку, крестьянинъ въ слухъ разсуждалъ самъ съ собою, но лишь только отрубилъ онъ кусокъ палки, какъ почувствовалъ, что у него языкъ какъ-бы отсѣкъся: сказать ничего не можетъ — совсѣмъ овѣмѣлъ. Долго оставался этотъ крестьянинъ нѣмымъ, пока по совѣту добрыхъ людей не сталъ служить передъ иконою Усѣкновенія молебней и не сталъ предъ всѣми людьми каяться въ своемъ грѣхѣ, тогда только снова получилъ онъ способность говорить, а то все мычалъ, какъ какой-нибудь звѣрь. (сл. Н.-Н.).

59. Сентябрь 1-е.

Св. Симеона Столпника, Семена. Съ этого дня деревенскіе мастеровые работаютъ и по вечерамъ при огнѣ, начинаютъ «засиживать вечеръ», а поэтому случаю бываетъ изрядная выпивка.

Говорятъ, что на Семена въ селеніяхъ по утру нельзя увидѣть ни одного воробья, потому что въ этотъ день всѣ воробьи съ ранняго утра собираются на берегахъ рѣкъ и озеръ въ камышахъ, гдѣ черти перемѣриваютъ ихъ мѣрами, причемъ попавшіе въ мѣрку достаются чертямъ, а остаются въ живыхъ только вершки, поэтому то послѣ Семена дня число воробьевъ въ селеніяхъ замѣтно уменьшается. (г. К.).

60. Сентябрь 4-е.

Иконы Б. М. «Неопалимая Купина». Нѣкоторые изъ крестьянъ имѣютъ эту икону въ домахъ, такъ какъ приписываютъ ей чудесное свойство предохранять домъ отъ пожара.

Вѣрятъ также, если обнести вокругъ горящаго зданія икону Неопалимая Купина, огонь самъ собою потухнетъ. (сл. Кабя).

61. Сентябрь 6-е.

Чудо Архистратига Михаила, Михайлово чудо. Работать въ этотъ день считается большимъ грѣхомъ и нарушитель святости праздника неминуемо понесетъ соотвѣтствующее наказаніе, какъ это видно изъ слѣдующихъ разсказовъ:

— На Михайлово чудо выйхавъ чоловікъ жыта сіяты, а другой ему каже: чогò ты выйхавъ жыта сіяты, сѣгодня праздникъ—Михайлово чудо?!» А той ему въ отвить: чудно буде, якъ посію. Ну, и ставъ зниматы бороны, та якъ знявъ перву борону, узявъ її на голову, та такъ цілий день и ходивъ по релі съ бороною на голови. Отакъ чудно винъ посіявъ!» (сл. Ар., х. М.).

— На Михайлово чудо грихъ кроиты сорочку або штаны. Одна жинка кроила, а сусидка прыйша до неѣ та ѣ каже: «сегодня грихъ кроиты: сѣгодня Михайлово чудо!» А вона ѣ и каже: чудна буде, якъ покрою. Та съ тыхъ поръ всю жысть свою вона все ризала ножныцами що ны запопаде. (г. К.).

— Одна жепщина ткала полотно, вечеромъ приходитъ къ ней ея знакомая; увидѣвъ ткачиху за станкомъ, говоритъ ей: «Якъ це ты такъ не боишься, шо сегодня тчешь: сѣгодня Михайлово чудо?!» А хозяйка ей въ отвѣтъ: буде чудно, якъ ось я сѣгодня дочту та ѣ верстакъ выкыну.

Та ѣ начала смѣяться, та все смѣялась, ажъ цѣлый годъ не перестаячи до самого цѣго праздника. (сл. Н.-Н.).

62. Сентябрь 8-е.

Рождество пресв. Богородицы, друга Прычыста. Съ этого дня начинается сватовство, отсюда поговорка: «Прыйшла друга прычыста понысла старостивъ пычыста».

63. Сентябрь 14-е.

Воздвиженіе креста Господня, Здвиганья. Въ этотъ день соблюдается строгій постъ и не совѣтуютъ ходить въ лѣсъ, потому что тамъ можно провалиться въ ту яму, въ которую собираются на зимовлю всѣ гадюки (змѣи), и тогда придется вмѣстѣ съ ними лизать гадючій камень. Рассказываютъ, что одна дѣвушка пошла на Воздвиженье въ лѣсъ и тамъ попала въ одну изъ такихъ ямъ и въ ней прожила всю зиму вмѣстѣ съ гадюками, которыя пили кровь дѣвушки, а она лизала ихъ камень. На Руфа, когда все пробуждается отъ зимняго оцѣпенѣнія, змѣи вылѣзли изъ ямы, вылѣзла и дѣвушка. Она была до того истощена, что едва дотащилась до своего дома, гдѣ успѣла рассказать только о томъ, что съ нею случилось,—и умерла (г. К., сл. Пря, Ар.).

— «На цей день земля здвигуется ночью, такъ шо ниhto и нызайте, окромы благочыстывыхъ людей» (х. М.).

— Въ этотъ день гадюки собираются въ свои гнѣздовья на зиму, но тѣ, которыя въ теченіе года укусили человѣка или скотину, не принимаются въ кругъ, а должны оставаться и мерзнуть на поверхности. Всѣ такія, отверженныя своимъ обществомъ, змѣи выползаютъ въ этотъ день на дороги, чтобы погибнуть подъ колесами проѣзжающихъ (г. К., сл. Кбѣ).

64. Сентябрь 23-е.

Зачатіе Предтечи и Крестителя Іоанна. Нельзя на Ивана Черного ничего заготовляты на зиму, бо почерніе все (сл. Бор.).

65. Октябрь 1-е.

Покровъ Пресв. Богородицы, Покрова. Наканунъ этого дня перебрасываютъ три раза черезъ хату гноину (кусокъ сухого навоза), «щобъ хата не курна була», а на самый праздникъ «до схидь сонця» топятъ въ грубкахъ, «щобъ хата зимою тепла була».

— Въ этотъ день вырѣзываютъ четыре плиты дерна и кладутъ ихъ на чердакъ сырого дома по угламъ травую внизъ, чтобы домъ былъ зимою сухой (сл. Бор.).

— Замѣчаютъ откуда въ этотъ день дуетъ вѣтеръ: если съ сѣвера или востока, то зима будетъ холодная, малоснѣжная; если съ юга, — то теплая, съ запада, — снѣжная.

Съ Покрова свадьбы и вечерницы въ полномъ разгарѣ. Пословица: «Прыйшла Прычиста, — носе старостивъ нычиста,» такъ говоритъ деревенская красавица, разборчивая невѣста. «А якъ прыйде Покрова, зареве дивка, якъ корова: що старостивъ нема, щобъ замижъ скорій отдалы».

66. Октябрь 26-е.

Вм. Дмитрія Солупскаго. «До Мытра дивка хытра, говоритъ народъ, имѣя въ виду невѣсть, перебирающихъ женихами, а послѣ Дмитрія: «хоть за старця: абы не остатця».

67. Октябрь 28-е.

Вм. Параскевы, св. Пятинки, Пятници. День почитаемый преимущественно женщинами: не прядутъ, не шьютъ, не золятъ бѣлья и не расчѣсываютъ волосъ на головѣ.

68. Ноябрь 1-е.

Св. безср. Космы и Даміана. Въ этотъ день нѣкоторые изъ крестьянъ не работаютъ, считая Косму и Демьяна защитниками людей и скота отъ укушенія змѣй и разныхъ гадовъ.

Легенда о Космѣ и Даміанѣ. Рассказываютъ, что св. Косма былъ искусный кузнецъ, такой мастеръ, что для него ничего не стоило и стараго человѣка перековать на молодого.

Приходитъ разъ къ нему въ кузницу красивый юноша и проситъ принять его работникомъ. Косма отослалъ этого юношу къ себѣ въ домъ, чтобы онъ тамъ переночевалъ, а на утро явился въ кузницу. Когда

жена Косьмы увидала молодого работника, то такъ и вспыхнула страстью къ нему. Она была и сама очень красива, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, страшная вѣдьма. И вогь начала она увиваться около Демьяна, такъ звали юношу: подчуеъ его и водочкой, и виномъ, угощаетъ яичницей, варениками, всячески ластится къ нему и соблазняетъ его. Но Демьянъ относился холодно и къ ея словамъ, и къ ея ласкамъ. На утро, пришедши къ Косьмѣ въ кузницу и видя, что тотъ беретъ голыми руками раскаленное желѣзо, снова сталъ просить его поучить своему искусству. Косьма сказалъ: смотри и учишь, на ночь же вторично отправилъ его къ себѣ въ домъ. Трудно было Демьяну устоять противъ всѣхъ прелестей и чаръ красавицы вѣдьмы, жены Косьмы, но все же онъ устоялъ, не соблазнился ни на вторую, ни на третью ночь, когда вѣдьма являлась къ нему на постель совсѣмъ обнаженной. Когда, затѣмъ, утромъ послѣ третьей ночи Демьянъ пришелъ въ кузницу и обратился съ прежней своей просьбой къ Косьмѣ, тотъ ему отвѣтилъ: «тебѣ нечего учиться: ты побѣдилъ самый страшный огонь, пламени котораго не противустоятъ ни одинъ человекъ,—ты побѣдилъ пламя страсти,—теперь тебѣ не можетъ вредить никакой огонь. Смѣло бери голыми руками раскаленное желѣзо: оно холоднѣе женскаго тѣла». И стали Косьма и Даміанъ работать вмѣстѣ, ковать плуги да сохи да учить людей земледѣлію. Только въ одномъ сплосали они. Жена Косьмы рѣшила отомстить Даміану, сдѣлалась змією, прилетѣла къ кузницѣ и стала требовать у мужа, чтобы тотъ выдалъ ей Даміана, грозя въ противномъ случаѣ уничтожить ихъ обоихъ. Святые схватили раскаленными щипцами ее за языкъ, когда она, пролизавъ двери, начала шарить имъ по кузницѣ, и убили ее молотами, а убивши трупъ сожгли и золу развѣяли. Да вотъ бѣда: изъ этой то золы и выплодился разныя вредныя насѣкомыя (г. К.).

69. Ноябрь 21-е.

Введеніе во храмъ Пресв. Богородицы, Выдынья.

— На цей день Богъ отпускае праведныхъ душъ подывыця на свое тило; потому воно и называця цей день Выдыньямъ, шо душа дывыця на свое тило (хут. Мал.).

— Якъ Веденья мосте мостки, а Мыкола забыва гвиздки, то люта зима буде (сл. Ар).

— Якъ ляже глыбока зима, готовъ глыбоки закрома: будетъ хо-рошій уражай (сл. Пря).

70. Ноябрь 24-е.

Вм. Екатерины. Въ этотъ день дѣвушки срѣзываютъ съ вишневыхъ деревьевъ вѣточки и ставятъ ихъ въ воду. Если на этихъ вѣточкахъ появятся къ Рождеству цвѣты, то гадающая выйдетъ замужъ. Иныя срѣзываютъ столько вишневыхъ вѣточекъ, сколько душъ въ семействѣ, а затѣмъ, по числу нерасцвѣтшихъ въ кувшинѣ съ водою до Рождества вѣточекъ, судятъ сколькоихъ членовъ лишится семейство въ теченіе будущаго года (сл. Св.-Л.).

71. Ноябрь 30-е.

Ап. Андрея Первозваннаго, Андросыма. Наканунѣ этого дня, а въ иныхъ слободахъ въ этотъ самый день, дѣвушки-невѣсты ничего не ѣдятъ, на почъ же, ложась съѣдаютъ небольшой коржикъ, сильно соленый, или выпиваютъ паперстокъ воды съ солью и кладутъ 100 поклоновъ, прося св. Андрея показать во снѣ суженаго.

Гадасть также по кольямъ плетня, по соломинкамъ изъ крыши, по полѣньямъ дровъ. Короче сказать, употребляютъ тѣ же способы гаданья, какъ и наканунѣ Новаго года.

— «Въ цей день одна баба шыла сорочку, а друга—сусида прыйшла тай каже:» що ты, моя голубочко, робышь,—сѣгодня Андросыма?!

— Якъ буде на усе Андросымы, то ничымъ буде и реберъ прыкрыты, отвѣтила хозяйка.

Тагъ зъ нею якъ сталось! такъ уся шкура одстала видъ ребрь,—и до вечыра Богу душу отдала (хут. Мил.).

72. Декабрь 1-е.

Пророка Наума. До открытія въ уѣздѣ земскихъ училищъ, крестьяне имѣли обыкновеніе отдавать своихъ дѣтей въ школу на этотъ день, придерживаясь стариннаго обычая, объясняемаго отчасти и поговоркою: «пророкъ Наумъ наведе на умъ.» Впрочемъ и теперь еще говорятъ: «въ цей день треба дитей въ школу отдаваты, шобъ умни були» (сл.-Св.-Л.), и считаютъ: «хто на цей день народыця на свить, то вить буде умный и небесне буде знаты, не учившись» (хут. Мал.).

73. Декабрь 4-е.

Вм. Варвары, Варьки. Празднуется преимущественно женщинами. Говорятъ: «Варвара почи урвала, а дня прыточыла на макове зерно», или «Варвара почи вкрала, дня доточыла».

74. Д е к а б р ь 5-е.

Пр. Саввы освященнаго. Говорятъ: Варвара мосте, Сава гостре, а Мыкола гвозде (г. К.), когда на Варвару выпадеть снѣгъ, а на Савву и Николая усилятся морозы. Или, Савушка да Варварушка мосты мостятъ, а Николушка—батюшка гвозди забиваетъ (сл. Покр.).

Три дня; 4, 5 и 6 декабря называются «Николины святки» и на эти дни варятъ кутью и узварь, чтобы на будущій годъ былъ урожай на плоды и на ячмень (г. К., сл. Св-Л.).

75. Д е к а б р ь 6-е.

Св. Николая чудотворца. Савва-Мыколынъ батько.

Легенды о св. Николаѣ. Однажды Савва съ сыномъ своимъ Николаемъ пошли на обѣдъ къ знакомому богатому человѣку, когда было приглашено много людей разнаго званія, знатныхъ и простыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ: обѣдъ былъ поминальный. Когда всѣ усѣлись за столы, собираясь приступить къ трапезѣ, оказалось, что ѣсть нечего: Николай всѣ кушанья и напитки, приготовленныя для угощенія гостей, повыбрасывалъ и повыливалъ на дворъ. И когда его спросили, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ, Николай отвѣчалъ, что онъ потому такъ поступилъ, что все приготовленное къ столу было осквернено лихою личиною, такъ какъ хозяинъ поставилъ этотъ обѣдъ не отъ усердія и чистаго сердца, а изъ тщеславія, поэтому то лиха личина (чертъ) не только осквернилъ кушанья, но и сидитъ между людьми за столомъ, чтобы поселить въ нихъ чувства зависти и вражды. Но какъ Николай въ то время былъ еще мальчикомъ, то его словамъ не повѣрили, а отецъ, разсердившись на него за такой дерзкій, по мнѣнію его, поступокъ, прогналъ сына изъ дому. Николай поселился въ глухомъ лѣсу, въ которомъ, впрочемъ, спасался одинъ пустынникъ, питавшійся лишь травою. Юноша же Николай ловилъ птицъ, варилъ ихъ и ѣлъ ихъ мясо. Пустынникъ, увидѣвъ, что Николай употребляетъ въ пищу мясо, сталъ упрекать юношу, говоря: Вотъ ты тоже захотѣлъ быть, подобно мнѣ, пустынникомъ, пожелалъ жить, какъ и я въ уединеніи, для чего же ты ѣшь мясо? «Николай ничего не отвѣтилъ старцу, но продолжалъ вести прежнюю жизнь. Когда же они оба померли, то Богъ сопрічислилъ Николая къ лику святыхъ, а пустынникъ попалъ въ стадо грѣшниковъ, потому что хотя Николай ѣлъ и мясо, но онъ ѣлъ въ три дня всего одинъ разъ, а пустынникъ, осудившій его, наполнялъ свое чрево ежедневно травою: «пасся якъ скотына». (сл. Ар.).

— Мыколай угодникъ изъ попивъ: винъ творивъ вылыки чудыса и за те присвятывся. Чудыса его булы привылыки, ну, а обычай у него була, якъ бы и сказаты—напросто ныгарна, хай Богъ простыть въ цимъ слови:—винъ бувъ чмутъ (шутникъ) здоровый. Разъ Мыколай вылыкйй чудотворыць ихавъ въ одно сыло церкву святыты, чы можы такъ на храмъ службыты, и дорогою нагнавъ его другый священникъ, который то жъ туды ихавъ. Въ цего булы кони, якъ змйи, а въ Мыколая чудотворця такъ, яки Богъ давъ. Тому здумалось похвастатыця, — винъ звернувъ и ахнувъ впередъ, тико курява встала.

Ну, выдалеко залытышь, держе соби на уми Мыколай и поихавъ шагомъ. Онъ провхавъ той мало—багато, и остановывся въ поли коней кормыты: положывъ имъ сина, чы можы такъ выпустывъ пастысь, а самъ лигъ спаты. Затымъ пидйхавъ туды и Мыколай чудотворыць, дывыця,—кони йдять, а хозяйинъ спыть. Винъ, пыдовго думавшы, взявъ и поодризувавъ тымъ конямъ головы, а своихъ пустывъ пастысь. Той проснувся, ажъ лышычко! та до Мыколая: такъ и сякъ ставъ прохаты. А чутка давно пройшла, що Мыколай творыть чудыса. «Ашо будышь тикаты?» кажы чудотворыць, а дали помутывъ, пошутывъ надъ тымъ священнымкомъ, трохы поучивъ его та й змылувався: прыложывъ головы конямъ, и вопы ожылы. И ото за таку его голахтырь винъ и ны удостоився стояты у церкви на нравомъ крыласи, а повсыгда икона его стоить на ливому (сл. Пря).

— Жило два сосѣда: одинъ челоувѣкъ богатый, другой—бѣдный. Вотъ пошелъ бѣдный къ своему богатому сосѣду занять денегъ. Пришелъ, поклонился и сказалъ: «позычь мнѣ денегъ рубля три; я дпя черезъ три отдамъ. — «Не вѣрю, не отдашь». Клянусь, отдамъ!» — «Не отдашь». Не вѣришь мнѣ, повѣрь Богу и угоднику Его: вотъ тебѣ икона Николай-угодникъ свидѣтель, что отдамъ! она мой поручитель». Позычилъ богачъ три рубля. Прошло три дня, не несеть сосѣдъ денегъ. На четвертый день пошелъ богачъ къ своему сосѣду за долгомъ,—не отдаетъ. Разсердился тогда богачъ, снялъ икону Николая-угодника, ну бить ее, бьетъ да приговариваетъ: «давай мнѣ три рубля: ты былъ свидѣтель и поручитель! давай, а то понесу на базаръ и продамъ!» Взялъ икону и понесъ продавать. Несеть на базаръ, а мальчикъ на встрѣчу и спрашиваетъ: «куда ты, дядинька, несешь эту икону?» — «Позычалъ я три рубля денегъ одному тутъ мужику, Николой былъ поручитель, а теперъ ни мужикъ не отдаетъ мнѣ моихъ денегъ, ни этотъ поручитель, такъ вотъ я и хочу продать поручителя, чтобы не пропали за мужикомъ мои деньги; сказавши эти слова, богачъ снова ударилъ икону и на ней показалась кровь.

Мальчикъ сталъ просить его не быть иконы, повелъ его въ лавку къ своей матери и сказалъ ей: «маменька, вотъ человекъ продаетъ икону».

Женщина взяла икону, посмотрѣла и видѣть на ней кровь: «чего на этой иконѣ кровь?» спросила она. Продавецъ и ей рассказалъ тоже, что и мальчику. Тогда женщина дала ему три рубля, взяла икону, поставила въ лавкѣ, повѣсила предъ иконой лампаду и по утрамъ, проходя въ лавку, и по вечера, уходя домой, молилась передъ этой иконой. Съ тѣхъ поръ какъ купила она икону, торговля у нея пошла лучше, а до того лавочка у нея была маленькая и изъ покупателей рѣдко кто туда заглядывалъ, развѣ бѣдняки, что покупаютъ на копѣйку, а торгуются на грошъ; богатые же люди всѣ шли въ лавки богатыхъ братьевъ ея, а теперь народъ такъ валомъ и валить къ ней въ лавку: не успѣваютъ вдвоемъ съ сыномъ отнискать. Черезъ нѣсколько времени приходитъ къ нимъ старичекъ, перспочевалъ да и остался у нихъ жить. Увидѣли дяди этого мальчика, что у нихъ покупатели уменьшаются, а у сестры съ племянникомъ дѣло идетъ чѣмъ дальше тѣмъ шире и порѣшили поѣхать въ чужія земли, привезти новаго товару, стали подмывать и племянника ѣхать вмѣстѣ съ ними за море, въ дальнія страны за товаромъ.

Мальчикъ приходитъ домой и говоритъ: «маменька, благословите меня,—я поѣду съ дядьками за море товаръ набирать!»—Съ чѣмъ же ты, сыночекъ, поѣдешь! денегъ у насъ немного, а суденушко всего одно. Спрашиваетъ мальчикъ у дѣдушки: «чы можно мнѣ ѣхать за товаромъ?»— Можно, скажи маменькѣ, что мы поѣдемъ вдвоемъ. «А какъ же мы поѣдемъ? вонъ дяденьки по шести суденъ берутъ, а у насъ одно да и то плохенькое, развѣ мы на немъ доѣдемъ?»—Доѣдемъ, внучекъ, доѣдемъ и товару больше, чѣмъ они, привеземъ. Дяденьки попаймали по пятнадцати человекъ на судно, а тотъ мальчикъ поѣхалъ только съ дѣдушкой вдвоемъ. Тѣ ѣдутъ по морю, всѣ люди работаютъ, управляютъ суднами, а ихъ суденушко само идѣтъ да играетъ.

И приѣхали они на мѣсто первыми, остановились, прибрались; тутъ приѣзжаютъ и дяди. Понесли дяди къ царю той земли гостинцы,—мальчикъ и говоритъ дѣдушкѣ: «Дѣдушка, вонъ дяди понесли царю гостинцы, что жъ я понесу ему за гостинецъ?»—На тебѣ этотъ камушекъ, сказалъ дѣдушка, подавая мальчику камень; возьми въ платочекъ, отнеси и отдай вмѣстѣ съ платочкомъ царю. Когда царь развернулъ поданный ему мальчикомъ платочекъ, камень такъ всю комнату и осіялъ и Богъ его знаетъ, чѣмъ этотъ камень сдѣлался. Царь сильно удивился и обрадовался и сказалъ: «много бываетъ у меня народу за товаромъ, много у

меня разныхъ дорогихъ гостинцевъ, но никогда никто не приносилъ мнѣ такого дорогого гостинца, какъ этотъ мальчикъ!» Затѣмъ приказалъ всѣхъ угостить. По окончаніи угощенія призвалъ къ себѣ всѣхъ пріѣхавшихъ къ нему за товаромъ купцовъ и сказалъ имъ: «Вы люди торговые, во многихъ земляхъ бываете, разные науки знаете, не можетъ ли кто изъ васъ мою дочь заклятую изъ монастыря выручить, отъ заклятья освободить? Кто мою дочь выручить, дамъ тому я даромъ столько товару, сколько ему угодно будетъ взять самому, да и всѣмъ вамъ торговать безданно, безпошлинно во всемъ моемъ государствѣ». Возвратился мальчикъ на свое судно и рассказалъ дѣдушкѣ, что говорилъ имъ царь. А дѣдушка и говоритъ мальчику: пойдѣ ты и выручи царевну. На тебѣ три палочки, возьми Евангеліе: а когда прійдешь на мѣсто въ монастырь обведи кругомъ себя этими палочками, очеркни каждой по кругу, стань и читай Евангеліе, не бойся ничего: никто не посмѣетъ переступить черезъ черту.» Пошелъ мальчикъ въ монастырь, обвелъ вокругъ себя три городка: одинъ маленький, другой большій, а третій, самой длинной палочкой то большій, сталъ по серединѣ и читаетъ Евангеліе.

Вотъ настала лунная ночь, выбѣгаетъ изъ склепа дочь царя, кричить: съѣмъ, съѣмъ! протягиваетъ къ мальчику руки да достать не можетъ; бѣгаетъ кругомъ, а достать не достанетъ: городки мѣшаются. А мальчикъ стоитъ да все читаетъ, все читаетъ. Бѣгала, бѣгала царевна, а тутъ пѣтушокъ запѣлъ, она и спряталась. Настало утро, царь собралъ свой сенатъ и пошли въ монастырь; пришли, смотрятъ,—мальчикъ стоитъ да Евангеліе читаетъ. Взяли его подъ руки, повели къ царю въ домъ; привели и угостили на славу. На другую ночь опять идетъ мальчикъ въ монастырь, даетъ ему дѣдушка снова три палочки и три камня и говоритъ емъ, чтобы онъ палочками очеркнулся, а камни кидаль царевнѣ, когда та станетъ бѣгать вокругъ него. Пришелъ мальчикъ въ монастырь, засвѣтилъ свѣчу, очеркнулся три раза, сталъ и читаетъ Евангеліе. Настала лунная ночь, поднимается царевна и кричитъ: «кто въ моемъ домѣ? съѣмъ?» Бѣгаетъ да щелкаетъ зубами; онъ кинетъ ей камень, а самъ все читаетъ, все читаетъ, а она погрызетъ, погрызетъ камень, да опять кричитъ: «кто въ моемъ домѣ? съѣмъ?»

Вотъ пѣтухъ запѣлъ, затѣмъ, она спряталась. Когда настало утро, приходитъ къ нему царь съ сенатомъ, отперли монастырь, входятъ,—мальчикъ стоитъ да Евангеліе читаетъ. Взяли его подъ руки, повели на прогулку, привели къ царю въ домъ, угостили на славу и отпустили на судно къ дѣдушкѣ. На третью ночь опять беретъ мальчикъ у дѣдушки три палочки, идетъ въ монастырь, засвѣтилъ свѣчу, очеркнулся три раза,

сталъ и читаетъ Евангеліе. Настала лунная ночь, выбѣгаетъ царевна и кричитъ: «кто въ моемъ домѣ? съѣмъ!»

Бѣгала бѣгала кругомъ городка и переступила черезъ одну черту, а дали и черезъ другую и черезъ третью, а потомъ стала около мальчика, стоитъ сбоку него и вздыхаетъ. Гдѣ ни взялася подъ евангеліемъ съ лентой крестъ, мальчикъ взялъ его да и надѣлъ на нее, а самъ все читаетъ.

Настало утро; царь взялъ свой сенатъ и пошелъ въ монастырь. Входятъ, смотрятъ,—мальчикъ читаетъ, а около него стоитъ царевна и крестъ у нея на шеѣ. Взяли мальчика подъ руки, ведутъ изъ монастыря и дѣвица за нимъ идетъ слѣдомъ. Привели его во дворецъ и она пришла, начали его угощать и она просить хлѣба. Обрадовался царь и сталъ совѣтоваться съ сенатомъ, какъ наградить мальчика. И говоритъ царь: «я желаю отдать ее замужъ за того, кто ее выручилъ». Царь и выдалъ свою дочь за этого мальчика замужъ. Сыграли свадьбу, подарили дяди своему племяннику по судну, а царь подарилъ три судна, да свое одно, вотъ и стало у него шестеро суденъ. Понадавалъ ему тестъ всякихъ товаровъ, нагрузили всѣ шесть суденъ до верху и поѣхали домой. Дяди ѣдутъ, командуютъ, кричатъ на матросовъ а его судна сами идутъ, что лебеди бѣлые плывутъ; никто не правитъ,—сами путь держать. Приѣхали домой, понанимали амбары, лавки, разложили товары и начали торговать. Тогда дѣдушка пришелъ къ нему попрощаться и сказалъ: «ты меня выручилъ, а я тебя наградилъ; теперь торгуй себѣ съ Богомъ!» Былъ дѣдушка и нѣту. (сл. Н.-Н. кр. Д. Дворняковъ).

76. Д е н а б р ь 9-е.

Зачатіе св. Анны. Не работаютъ, чтобы волки не нападали на скотъ. «На цей день вовки зачинають бигаты тпчками и бигають ажъ до Крещенія, тоди ихъ розганяють, якъ стріляють на Іордани изъ руживъ; посли цѣго вони бигають по одному та по два». (г. К. сл. Св.-Л., Н., х. М.).

77. Пища и питье.

(Отдѣльная статья, составленная В. Д. Щ., отослана въ Редакцію журнала «Этнографическое Обзорніе» въ 1891 году).

78. Вечерницы.

Съ наступленіемъ долгихъ осеннихъ вечеровъ крестьянская молодежь: парни и дѣвки, начинаютъ собираться по вечерамъ на такъ называемыя «вечерницы», — въ сл. Араповкѣ: «вечерушки». Вечерницами называютъ вообще собраніе собственно дѣвушекъ въ отдѣльной сборной избѣ для работъ по вечерамъ и досвѣткамъ; но на такія вечернія собранія дѣвушекъ обыкновенно являются и парни: причемъ дѣвушки работаютъ: прядутъ, шьютъ, вышивають, поютъ пѣсни и большею частію энергично противодѣйствуютъ заигрываніямъ парней, которые не работаютъ, а только всячески любезничаютъ съ дѣвками, рассказывая имъ разнаго рода были и небылицы, сказки, поютъ, танцуютъ или играютъ въ карты.

Тутъ то молодые люди сближаются, коротко узнають физическіе и нравственные недостатки и достоинства одинъ другаго, потому что къ полуночи дѣвки, приготовивъ постели, выбираютъ себѣ каждая парня и ложатся парами спать, прикрывшись вдвоемъ одною свиткой. Спять до 3 или 4-хъ часовъ утра, потомъ встають и дѣвки снова садятся работать, а парни отправляются къ себѣ домой.

Кромѣ обыкновенныхъ вечерницъ бываютъ еще такъ называемыя «складки», преимущественно на Рождественскихъ и Пасхальныхъ святкахъ и наканунѣ заговѣвъ на Филипповку и Великій постъ. На складкахъ все время посвящается увеселеніямъ и взаимнымъ угощеніямъ. Дѣвки угощаютъ парней чаемъ, «орешками», блинами, яичницей и вообщеужиномъ, а парни подчуютъ дѣвокъ виномъ (въ г. Купянскѣ), водкою, пряниками, конфетами и другими лавочными сластями. Сверхъ того, парни нанимають на свой счетъ музыкантовъ.

Для вечерницъ избирается хата, принадлежащая какой-нибудь бѣдной вдовѣ или солдаткѣ, или же, въ крайнемъ случаѣ, и бездѣтнымъ хозяйкамъ. Уступить состоятельному крестьянину свой домъ для вечерницъ считается предосудительнымъ, говорятъ: «хорошій хозяинъ никола не буде заниматься такими пустяками», а на отдачу бѣднякамъ хаты подъ вечерницы смотрятъ, какъ на одно изъ средствъ къ прокормленію неимущаго человѣка, положимъ изъ числа не вполне благовидныхъ средствъ, но все же стоящихъ выше прошенія милостыни; хожденія по дворамъ за кусками хлѣба.

Помѣщеніе для вечерницъ пріискивается и нанимается дѣвками; онѣ же и уплачивають за него хозяйкѣ продовольственными припасами и работою, доставляя ей печеный хлѣбъ, муку, пшено, картофель, сало, а также дрова или навозъ для топлива, и работая для хозяйки одинъ день

въ недѣлю, чаще — субботу, или же каждая изъ посѣщающихъ вечерницы дѣвокъ шьетъ изъ своего холста хозяйкѣ хаты сорочку.

При такихъ условіяхъ хата поступаетъ въ полное распоряженіе одной изъ дѣвокъ, избираемой по возможному соглашенію между ними хозяйкою. Но такъ бываетъ лишь тогда, когда хозяйкою хаты окажется ветхая старуха, которая и не вмѣшивается въ распоряженіе своей замѣстительницы: а лежитъ обыкновенно на печи и оттуда наблюдаетъ за выходками собравшейся молодежи, изрѣдка позволяя себѣ выразить одобреніе или порицаніе. Въ большинствѣ же случаевъ распорядительницею на вечерницахъ, бываетъ хозяйка хаты «паннматка», какъ женщина болѣе опытная, чѣмъ дѣвки, а поэтому и пользующаяся среди собирающейся молодежи бѣльшимъ, сравнительно съ ними, авторитетомъ.

На вопросъ: сколько же бываетъ одновременно въ слободѣ вечерницъ? — получены отвѣты: не только каждая часть слободы имѣетъ свой особый сборный для вечерницъ домъ, но и каждая почти улица заботится о томъ-же.

Въ большихъ хуторахъ тоже находится нѣсколько хатъ для вечерницъ. Вездѣ же стараются имѣть по крайней мѣрѣ два особыхъ дома, потому что считается неприличнымъ ходить на однѣ и тѣ же вечерницы вмѣстѣ роднымъ братьямъ и сестрамъ.

Осенью и зимою вечерницы бываютъ каждый вечеръ, а весною и лѣтомъ, вмѣсто вечерницъ, молодежь по ночамъ собирается на такъ называемыя «вулицы», преимущественно въ праздничные дни, такъ какъ въ будни работаютъ въ поляхъ, гдѣ не рѣдко и ночуютъ.

Кромѣ того, на «вулицяхъ» преобладаютъ подростки, потому что большая часть взрослыхъ парней и дѣвокъ съ ранней весны уходитъ въ южныя губерніи на заработки, гдѣ и остается до Покрова или даже до 14-го ноября.

На вечерницы собираются дѣвушки и парни; женатыя мужчины и замужнія женщины никогда на вечерницы не ходятъ, да если бы кто изъ нихъ и рѣшился пойти, то такой его поступокъ вызвалъ бы со стороны всего общества громкое осужденіе, какъ безнравственный, и встрѣченъ былъ бы прямымъ противодѣйствіемъ со стороны парней.

Впрочемъ иногда, хотя и очень рѣдко, случается, что и женатыя молодые крестьяне ходятъ на вечерницы, съ согласія парней и дѣвокъ, послѣ определеннаго угощенія; но это снисхожденіе допускается лишь относительно неудачниковъ, женившихся большею частью по принужденію и никакъ не могущихъ или не умѣющихъ примириться со своей горькою судьбою. Въ такомъ случаѣ многіе изъ крестьянъ смотрятъ снисхо-

дительно на эти посѣщенія женатымъ молодымъ человѣкомъ вечерницъ. Сдѣлай же то же самое молодая замужняя женщина, «молодыца», хотя бы и она находилась въ такомъ же точно положеніи, ее всѣ безъ исключенія строго судятъ. А потому, говорятъ, никогда не бывало, чтобы молодыца ходила на вечерницы. Точно также никогда не бываетъ и того, чтобы мужъ и жена вмѣстѣ посѣщали эти собранія готовящейся ко вступленію въ брачный союзъ молодежи.

На вечерницы дѣвки собираются вечеромъ, какъ только стемнѣетъ. Идя туда въ будни, непременно берутъ съ собою какую нибудь работу, большею частію вооружаются самопрялкой, допцемъ и гребнемъ съ мычками; только подъ пятницу запасаются иною работою, потому что въ пятницу прясть грѣшно. Пришедши на вечерницы, принимаются за работу, и сперва работаютъ всѣ очень прилежно, большею частію молча; разговоръ бываетъ мало, развѣ перекинутся двумя-тремя словами. Но вотъ у болѣе подвижныхъ начинается обнаруживаться нетерпѣніе, то та, то другая взглянетъ на окно или затянетъ заунывную пѣсню: Парни являются на вечерницы всегда позже дѣвокъ, предварительно стучать въ окно и просить позволенія войти въ хату. Такъ поступали прежде и такой же порядокъ соблюдается и теперь, по крайней мѣрѣ среди чистаго малорусскаго населенія, въ селеніяхъ же великорусскихъ, а равно и тѣхъ, гдѣ большая часть молодежи успѣла побывать на заводахъ, парубки съ шумомъ и гамомъ прямо врываются въ хату, несмотря даже на то, что двери заперты.

Однако большинство спрашиваетъ позволенія.

Дѣвки прежде, чѣмъ отпереть двери, смотрятъ, тѣ ли это парни, которыхъ онѣ ожидаютъ, или пришли другіе-чужіе,—первыхъ принимаютъ, вторымъ отказываютъ послѣдніе, постучавъ въ дверь и не получивъ приглашенія войти въ хату, уходятъ назадъ, если только пришли безъ уговора съ мѣстными парнями. Если же явились по предварительному уговору, то поджидаютъ прихода здѣшнихъ парней, чтобы вмѣстѣ съ ними войти въ хату.

Войдя въ хату, здороваются: «добрый вечерь!» и пожимаютъ дѣвкамъ руки, причемъ иныя добавляютъ: «мое потѣпіе» (почтеніе).

«Боже поможи». На привѣтствіе парней, дѣвки отвѣчаютъ большею частью односложно: «здраслуйты!» Дѣвки сидятъ кругомъ стола на лавкахъ и скамейкахъ поближе къ огню «свиту» и занимаются пряжею или шитьемъ, поэтому вошедшіе парни размѣщаются гдѣ возможно и какъ попало: одни садятся около дѣвокъ на полу, другіе ложатся на солому, приготовленную для постелей, третьи стоятъ у порога, опершись о при-

толки дверей, или возлѣ пѣчи. Начиается сообщеніе новостей для, пересышаемое островами и шутками, часто неприличнаго свойства, но тѣмъ не менѣе встрѣчаемыми дружнымъ смѣхомъ; дѣвки незамѣтно втягиваются въ разговоръ, оставляя на минуту свою работу. Чѣмъ пользуются парни, подсаживаются къ нимъ поближе, начинаютъ мѣшать работать. Поднимается шумъ, визгъ, пока «панيماتка» не сочтетъ нужнымъ возстановить порядокъ, прикрикнувъ на парней, чтобы не мѣшали дѣвкамъ работать. Но сдѣлать скромно и вести чинный разговоръ было бы и скучно и несвойственно подвижной молодости. Вотъ какой-нибудь парень побойчѣе и начинаетъ рассказывать одну изъ обращающихся въ народѣ небылицъ или побрехенекъ, напр., въ такомъ родѣ (сл. Ар):

Нисенитниця. «Слушайте, дивчата! я вамъ роскажу, шо колысь зо мною було. Та тилко чурь не перебуваты и брешешь не казаты, а то й бросю расказуваты. Було це ще тоди, якъ мого батька й на свити не було, а мы зъ дидомъ вдвохъ на печи жили, та ще й добре жили на комини хлибъ сіялы, та було въ насъ пять куроць дойныхъ, симъ пивнивъ їзджалыхъ. Отъ разъ дидъ давъ мни здоровенный грошъ та й каже:» пойдь на ярмарокъ та купы тамъ кобылу та сокырку. Поїхавъ я на ярмарокъ, купывъ самого бильшого оселедця та вяязку бубликивъ; поспидавъ гарненько, а дали купывъ кобылу та сокырку, увьязавъ сокырку въ торокы и поїхавъ соби до дому. Моя кобылка трюхъ-трюхъ, а моя сокырка цюкь-цюкь, та й обрубала кобыльци ногу. А я, бачь, бувъ соби хлопець не дурный заразы злизъ съ кобылки, взявъ сокырку, ярубавъ шо не на естъ выщу вербу та й привьязавъ їи кобыльци замисць ногы. Сивъ ото я та й поїхавъ. Їхавъ, їхавъ и зачепылась моя верба ажъ за самисяньке небо. Шо тутъ ёго робыты? Полизъ я по тій верби, щобъ, бачь, то їи видченыты, та й злизъ ажъ на небо. Дывлюсь, а тамъ цыганъ лопатою гроши віе. Я поздоровкався зъ нымъ и пишовъ дальше. Колы слухаю, ажъ це: телень-теленъ!.. Ну, думаю соби. оце чорты станового несуть —достапця мни. Пидъизжае блыжче, дывлюсь, ажъ самъ ёго благородіе въ корени, а писмоводытель на прыстяжци, а кони, бачь, панамы въ карети сидять. Іду дальше дывлюсь, —кумъ Стецько, шо торикъ умеръ въ казани сыдыть, а въ тимъ казани смола кыпыть, а въ Стецька ще щось изъ носа сыпыця. Я ёго и пытаю: чого се ты, куме, сюды забрався?» — Але тоби, каже, чого? Оце за те, шо на тимъ свити табакъ нюхавъ. Я скориншъ у кешеню та за рижокъ, та якъ попудю ёго зъ неба. «Хай тоби, кажу, бись! а то й мни те буде». Ишовъ я йшовъ и дїйшовъ ажъ до раю. А въ раю ричка сметаны тече по надъ пеку деревья ростуть, а на нпхъ все гречани вареникы,—та здорови! По пидъ тумы

деревьямы люди лежать, та все въ билыхъ сорочкахъ, а чоботы добрымъ дѣгтемъ понамазувани, ажъ тече! Отъ якъ тилко який ѣсты захоче, заразы ротъ роззяве, а вареныкъ зъ дерева та въ сметану, а тоди прямо ему въ ротъ. Я ѣ кажу: «чы не можно, паныбратци ѣ мини коло васъ прылетгы?» — Э, кажуть, ты ще не вмерь, иды соби до дому! Ото я ѣ пишовъ назадъ.

Дѣйшовъ ажъ до того цыгана, що гроши вѣе, дывлюсь,—нема моеи вербы. Якъ же теперь зъ неба зляты? Выпросывъ я у цыгана половы зъ грошей и давай зъ неи веревку плесты. Спливъ таку довгу, що якъ звисывъ, такъ якъ ѣ до земли достала. И полизъ по тѣй веревци. Лизъ, лизъ,—уже до земли осталось снѣ зъ двое, або зъ трое. Де не взялась чортова руда мыша, перегрызла мою веревку. Я якъ полытивъ та прямо въ болото, загрузъ, тилько одна голова выдна.

Прылытила дыка вутка, змостыла на мойй голови гниздо и нанесла яечокъ. Дывлюсь, иде вовчака та зъ довгымъ хвостякою, и ставъ винъ яечка ѣсты. Я якъ ухватюсь ѣму за хвистъ, якъ тюкну, винъ рванеця,—одирвавъ хвиствъ и втикъ. Стою я, горюю. Колы се прыходе видмедяка та ще зъ бильшимъ, чымъ у вовка, хвостякою, и тожь ставъ яечка ѣсты. Я и сѣму якъ ухватюсь за хвистъ, якъ тюкну, якъ свисну: винъ якъ рванеця, та ѣ вытягъ мене зъ болота. А то о це може бѣ и доси тамъ кысь».

Вообще же на вечерницахъ рассказывается все, что ни взбредеть на умъ, причемъ нисколько не стѣсняются, особенно парни, ни содержаніемъ сообщаемого и формою выраженія, дѣвушки ведутъ себя скромнѣе.

А то появится на сцену балалайка, гармоника или сопилка и отдереть кто-нибудь изъ парней такого трепака «ажъ земля загуде».

На вечерницахъ обыкновенно танцуютъ одни парни, дѣвушки продолжаютъ работать, на такъ называемыхъ «складкахъ» же танцуютъ всѣ.

Или парни затынутъ пѣсню, дѣвушки начнутъ имъ вторить, составится хоръ; не то парни и дѣвки очередуются въ пѣніи.

Старинныя пѣсни постепенно вытѣсняются новыми, заносимыми съ отхожихъ промысловъ,—съ Дона, съ шахтъ, сахарныхъ заводовъ, куда мѣстная молодежь ходить на заработки.

Вотъ нѣкоторыя изъ числа распѣваемыхъ на вечерницахъ пѣсенъ:

1.	Съ кумыною дочкою повинчаюся.
Черезъ дорогу то жъ кума моя,	Пипъ не винчае: за себе чае;
А въ кумы моей та гарна дочка;	Пономарь моркоче: за себе хоче;
А я зъ кумою розкумлюся,	Дьячки читають: за себе бажають.
	Утки-качанкы гречку поїлы.

На попивъ становъ та й полетили.
Пидь терпомъ-терпомъ, пидь тер-
ныченькомъ,
Стоить дивчына съ билымъ лычинь-
комъ;

Дивчина моя, воз.ноблынная,
Квиточка моя, жоржыповая!
(сл. Кбя).

2.

У Борисова купца,
Прикащика молодца,—
Ой лёли! ой да лёли!—при-
кащика молодца.
Для сроковыхъ дураковъ
Объдъ варять съ бураковъ,—
Ой лёли; ой да лёли;—Объдъ
варять съ бураковъ.

А на ужинъ то—кандёръ¹⁾,
Штобъ животики подпёръ,—
Ой лёли! ой да лёли!—штобъ
животики подпёръ.

Только зорька загорится,
Ужъ прикащикъ горячится,—
Ой лёли! ой да лёли!--ужъ
прикащикъ горячится.

Громкимъ голосомъ кричить,
На работу всёхъ турить,—
Ой лёли! ой да лёли!—на ра-
боту всёхъ турить.

На работу всё идутъ,
Дѣвки, бабы слезы льють,—
Ой лёли! ой да лёли!—дѣвки,
бабы слезы льють.

А съ работушки идутъ,
Пѣсно весело поють,—
Ой лёлю! ой да лёли!—пѣсно
весело поють.

Да мы сроку доживемъ
И въ конторушку поидемъ,—
Ой лёли! ой да лёли!—и въ
конторушку поидемъ.

Заработокъ свой возьмемъ
Да до домушку уидемъ,—
Ой лёли! ой да лёли! да до
домушку уидемъ.

Всѣмъ сосѣдямъ мы закажемъ
И собакъ на цѣпь повяжемъ,—
Ой лёли! ой да лёли!—и со-
бакъ на цѣпь повяжемъ.

Штобъ на сроки не наймались,
Къ Борисову не попались,—
Ой лёли! ой да лёли!—къ
Борисову не попались. (Св.-Л.).

3.

На заводцькому стыпу
Нашлы вугля три пласту,
Тамъ порылы ямы-норы,
Тамъ работали шахтѣры.
А тамъ яма есть такая,
Прыогромная большая:
Сорокъ сажень глубины
А два сажня ширины;
Туда пущено шпурокъ,
А вверху высать звонокъ.
Якъ потягне за шпурокъ,
А машина й во свистокъ.
Сталь во клѣточку сациця:
Нижъ по сердце ажъ колпѣть:
Ей батюшка, батя мой,
Висать камень надо мпой,
Надъ моею головой!
Волга рѣчущка шумить,
Параходъ скорѣй бижить;
Параходъ бижить съ накладомъ:

¹⁾ Самый жидкій кулпшъ.

Тры Наташи сидять рядомъ.
Тры Наташички сидять,
Попырочки курять,
Про шахтёровъ говорятъ:
Нѣту въ свити удалцовъ
Надъ шахтёровъ молодцовъ.
Шахтёръ рубить, шахтёръ бьётъ,
Подъ землею ходъ ведётъ.
День и почъ все со свичами,
А смертъ висыть тутъ за плечами:
Ой, Боже мой, Боже жъ мой,
Висыть камень надо мной,
Надъ моею головою!
Прыйде празникъ-воскресенье,
Шахтёръ иде у кабакъ,
Бере водку и табакъ.
Табакъ курить, водку пьётъ,
Съ кабака пьяный идётъ;
Онъ идётъ переборомъ,
Ще й почуе пидъ заборомъ.
А тамъ лаптями торгуеть.
Ще й онучи продаеть,
А въ шахтёра й ни гроша,
Только тѣло та душа,
Та дивчына хороша (сл. Н-Н).
Ой мы ходымъ заробляемъ,
Все съ нагрудничкомъ живемъ,
Намъ жениться не годится,—
Холостому лучше жить:
Холостого дѣвки кличуть,
Женатому дули тычуть;
Женатому—проклятому
Жена воли не даеть:
Она лае проклинае,
На улицу не пускае (г. К.).

4.

Наказалы на базари,
Шо мій милый на вокзали.

Охъ, охъ милый мой!
Я горюю за тобой!
Яй машина невыдыма,—
Сидить мила, якъ картина;
Яй машина съ чорнымъ кругомъ,—
Сидить мила съ милымъ другомъ
Машинистъ машину праве,
Кочегаръ картошку жаре.
Яй машина бѣжить, скаче,—
Сидить мила горько плаче.
Яй машина бѣжить тише,
А мій милый сидить пише.
Накажите Алексѣю,—
Я любить его не смѣю,
Накажите Николаю,—
Любить его не желаю.
Наливайте стаканъ чаю,—
Я безъ милого скучаю;
Наливайте стаканъ меду,—
Я до милого поѣду;
Наливайте стаканъ рому,—
Я поѣду къ мировому.
Ахъ ты, душенька—конфетка,
Чего ходишь ко мнѣ рѣдко? (г. К.).

5.

Быля греческихъ воротъ
Е наливо поворотъ;
Тамъ стоявъ домикъ мидный,
Ще й зъ рѣшоткою залізной;
На придворнычкахъ часы,
Серебряни хорошы.
Мы пидъ горушку зайдемъ,
Лутше этого найдемъ:
Тамъ мы бачимъ стовбивъ много,
Ще й залізную дорогу.
По дорожкамъ лыжать шыны,
По путямъ бижать машины:
Троне зъ миста, засвыстыть,

Подъ кустикомъ сидѣль-дремавъ;
 Изъ подъ кустика поднялся,
 Въ высокъ теремъ я зашелъ.
 А въ высокомъ теремочкѣ
 Много зеркаловъ картинъ,—
 Сидитъ Ваня самъ одинъ,
 На немъ бѣлая манишка,—
 Онъ хорошенькій мальчишка;
 На немъ бархатный жилетъ,—
 Краше Вани въ свѣтѣ нѣтъ:
 Въ него карые глаза
 Рѣжутъ сердце безъ ножа;
 Въ него черныя брови,
 Все подъ полку волоса. (г. К.).

10.

Ой чіи то волы сири
 По гори ходылы,
 Чи того жъ, того козаченька,
 Шо мы въ трехъ любылы?
 Й а первая полюбыла,—
 Платокъ подарыла;
 А другая полюбыла,—
 Душенькой назвала;
 А третя полюбыла,
 Та й причарувала.
 Чаруй, чаруй, дивчынонько,
 Колы довылося,
 Колы жъ твое било личко
 Та й полюбылося.
 Ой литила зузуленька черезъ садъ
 куючи,—
 Зажурывся козаченько зъ вечер-
 ныць идуче.
 Якъ прійшовъ же до дому, та сивъ
 въ кинци столу;
 Входе маты изъ кимнаты, били
 ручки ломе:
 «Ой на шо жъ намъ богатство,
 буде зъ насъ и трошке—

«Сажень земли, сажень земли, ще й
 чотыре дошки,
 «Ще й будемо старатыся, щобъ и
 къ христу ножки. (сл. Кбя).

11.

Ой сызынькій ты голубчикъ
 Чого въ гору високу несесся?—
 Скажы, скажы, рассукинъ сынъ,
 Чи ты любышь, чи смієшься?
 Колы любышь,—любы двичи,
 А не любышь,—скажы въ вичи;
 Колы любышь,—любы гораздъ,
 А не любышь,—скажы заразъ.
 Парынь зъ дивкы насміявся,
 Изъ инчюю повинчався.
 Ой, Боже жъ мій, мылостывый,
 Якъ терплю я въ свити муку:
 Получила отъ мылого вичную раз-
 луку! (тамъ же).

12.

Якъ пишлы наши подруженьки
 Въ лисъ ягідокъ ирваты.
 Они ягидъ не нарвалы—
 Зла корынья накопалы.
 Накопавши зло-корынья,
 Пишлы въ ричку его мыть,
 А помывши зло-корынья,
 Поставылы натомять.
 Натомывши зло-корынья,
 Дружка въ гости зазвалы,
 А зазавши дружка въ гости,
 Сталы ёго угощать:
 Выпый, выпый, другъ любезный,
 Свою чарочку вина,
 Та й почувстуй, другъ любезный,
 Что на сердцѣ у меня!
 На моему серденятку

Та й пішла пидь ту яблуньку жу- «То я бь твое пирьячко позоло-
рытыся тыла,
«Ой, голубе мій, якь бы ты оживь, «А крылушка посеребрила
(тамъ-же).

Иногда парни садятся въ кружокъ среди хаты и играютъ въ карты, а дѣвки имъ припѣваютъ.

Хотя иныя изъ стариковъ и считаютъ игру въ карты грѣхомъ, но вообще не препятствуютъ играть молодежи, а нѣкоторые даже отчасти поощряютъ, видя въ картахъ лишь невинную забаву. Но, къ сожалѣнію, въ настоящее время въ такъ называемыя невинныя игры играютъ не только въ городѣ, но и въ слободахъ лишь дѣти да дѣвушки, да развѣ пожилые люди, парни же и даже семейные играютъ преимущественно въ азартныя игры на деньги, а за неимѣніемъ послѣднихъ на сѣрнички (спички) или на тыквенныя и подсолнечныя сѣмена (все же интересъ). И подобное явленіе наблюдается какъ въ торговыхъ центрахъ, такъ равно и въ самыхъ глухихъ селеніяхъ уѣзда. Вотъ напр., что пишетъ по этому вопросу учитель начального училища въ сл. Араповкѣ, М. Д. Скубакъ: «Азартныя игры занесены въ Араповку лѣтъ 10-ть тому назадъ тѣми изъ мѣстныхъ парней, которые ходили на заработки въ приморскіе города и въ станицы земли войска донского, и съ тѣхъ поръ вся мѣстная молодежь сильно пристрастилась къ картамъ. Съ грустью приходится смотрѣть, какъ въ праздники молодые парни изъ болѣе или менѣе зажиточныхъ семей по цѣлымъ днямъ, а зимою и по цѣлымъ ночамъ просиживаютъ за картами, проигрывая послѣдніе жалкіе, гроши, которые изрѣдка удается имъ зарабатывать. Но еще грустнѣе то, что родители этой безпечной молодежи и до сихъ поръ не принимаютъ почти никакихъ мѣръ къ искорененію съ годами усиливающагося зла».

Смотрящіе на игру въ карты, какъ на грѣховное дѣла, говорятъ, что карты выдуманы жидами и что Іуда предалъ Христа потому, что любилъ играть въ карты.

«Идетъ Іуда поздно вечеромъ по улицѣ и видитъ черезъ окно, жиды сидятъ въ хатѣ и играютъ въ карты. Остановился онъ посмотрѣть на играющихъ, а тѣ начали спорить, кричать и браниться. Замѣтивъ же человѣка передъ окномъ, выбѣжали изъ комнаты, схватили его и стали допрашивать: кто онъ и зачѣмъ подсматриваетъ. Іуда назвалъ себя, сказалъ, что онъ ученикъ Иисуса, а остановился посмотрѣть потому, что самъ любитъ играть въ карты. Жиды, услышавъ отъ Іуды, что онъ любитъ карты, вывели заключеніе, что онъ долженъ любить и деньги, по-

этому тотчасъ предложили ему 30 серебряниковъ за выдачу имъ Иисуса Христа. Иуда согласился предать своего Учителя, такъ какъ предъ тѣмъ онъ проигралъ всѣ бывшія у него деньги, а теперь рассчитывалъ на 30 серебряниковъ отыграться». (Отъ кр. Ольги Доценко).

Другіе не совѣтуютъ играть въ карты весною и лѣтомъ, когда хлѣбъ еще на корню, потому что во время игры (которая б. ч. идетъ сидя прямо на землѣ) карты прибиваются, прикрываются сверху, то, молъ, и хлѣбъ въ полѣ будетъ прибитъ къ землѣ.

На вечерницахъ въ карты на деньги никогда не играютъ, а предпочитаютъ игры съ жгутомъ, вообще же въ ходу слѣдующія игры: 1) Лава, 2) Кобыла, 3) Чмыхъ, 4) Колодезь, 5) Дуракъ: а) простой б) невырннй и в) пидкидннй, 6) Хвылька, 7) Свиня, 8) Видьма, 9) Пьяныця, 10) Зявака, 11) Мельникъ, 12) Кулыпа, 13) Городокъ, 14) Король, 15) Возокъ или въ своего козыря, 16) Въ носка, 17) Трилистъ, 18) Заборона или пятакъ, 19) Шлепки или окружной, 20) Хрысть 21) Пятифиль.

Для игры употребляется колода 36 картъ; масти называются: пики—выно, вынова масть; трефы—жыръ, или крести, жирова масть; бубны—звинка, или бубна, бубнова масть, и черви—чурва, червова масть. Карты называются: шестерка, шестака, шестирка, сѣмака, восьмака, двѣятка, десятка, фыль—валеть, краля—дама, король, тузь.

79. Игра въ лавы.

Садится шестеро парней, по трое съ каждой стороны, другъ противъ друга и играютъ попарно. Одинъ изъ крайнихъ сдаетъ карты, по три, сперва каждому изъ членовъ противной лавы, а потомъ своимъ товарищамъ и себѣ.

Положивъ себѣ три карты, одну изъ нихъ открываетъ для козыря, а затѣмъ еще сдаетъ каждому по три карты. Начинаютъ играть попарно, брать взятки. Окончивъ игру, сосчитываютъ взятки. Если у каждой стороны (лавы) окажется по девяти взятокъ,—игра окончилась розыгрышемъ; если же одна изъ сторонъ взяла больше взятокъ, то каждый членъ проигравшей стороны получаетъ по одному удару жгутомъ по рукѣ отъ каждаго члена противной партіи. При второмъ подрядъ проигрышѣ каждый получаетъ по 2 удара, при 3-мъ по 3 и т. далѣе до 9-ти ударовъ, послѣ чего, если игра продолжается счетъ начинается снова. Сдаетъ карты выигравшая сторона. Въ сл. Араповкѣ выигравшая

сторона бьетъ жгутомъ каждыа изъ противоположной лавы столько разъ, на сколько взятокъ взяла эта послѣдняя сторона меньше.

80. В ъ кобылы.

Въ «кобылы» играютъ обыкновенно въ пятеромъ. Сдается вся колода, и тотъ, у кого окажется пиковый тузъ, считается «головою» или старшиною, у кого — король, тотъ считается «атаманомъ» или старостою, получившій даму пикъ — «хозяйка», получившій валета — «писарь» или полнцейскій, а десятку — «десятникъ». Пиковая шестерка считается «кобылой», но тотъ, кому она сдана, не заявляетъ объ этомъ; между тѣмъ какъ каждый изъ получившихъ одну изъ вышеназванныхъ картъ открываетъ ее и кладетъ подъ свои карты, оставляя на виду половину; только въ томъ случаѣ, когда «кобыла» окажется у хозяйки, послѣдняя о томъ заявляетъ и карты передаются. Случается, что кому-нибудь изъ участвующихъ въ игрѣ дадутъ двѣ изъ сказанныхъ картъ, тогда тотъ, кто не получилъ должностной карты, беретъ себѣ одну у того, кому сдано двѣ. Разобравшись, начинаютъ игру. «Хозяйка» беретъ жгутъ, бьетъ имъ «десятника» по ладони и говорить: «десятникъ, кобыла пропала!» Десятникъ съ своей стороны бьетъ жгутомъ хозяйку, говоря: «пиды до атамана». То же самое продѣлывается и у атамана и у головы, который отправляетъ хозяйку къ писарю. Писарь, получивъ ударъ, отвѣчая на заявленіе хозяйки, говорить слѣдующія слова, сопровождая каждое ударомъ жгута по рукѣ хозяйки: «писарь пысавъ, подорожно казавъ, отъ хаты до хаты кобылы шукаты. Надивай малахай та йды кобылы шукай». Хозяйка беретъ у писаря жгутъ и говорить: «руки на базарь!» Каждый кладетъ правую руку на столъ ладонью вверхъ, а хозяйка бьетъ жгутомъ по ладони того, у кого по предположенію ея должна быть «кобыла», т. е., шестерка пикъ. Если хозяйка ошиблась, ей возвращается ударъ со словами: «не порочь!» а если узнаетъ, то того, «хто кобылу вкравъ», бьетъ каждый изъ играющихъ по шести разъ.

Воръ остается безъ наказанія, когда онъ открытъ послѣднимъ. Таковъ вообще ходъ игры въ «кобылы», но встрѣчаются и варианты и отступленія. Напримѣръ, въ г. Купянскѣ, «кобылой» называется дама пикъ; ищетъ кобылу тотъ, у кого на рукахъ не будетъ карты, означающей должность: ни туза пикъ, ни короля, ни валета, ни десятки. Когда обращается къ головѣ, то онъ возвращая хозяину ударъ жгута, говорить: «отъ тоби хомуть и дуга, — я тоби не слуга». Въ слободѣ Кабаньей, при игрѣ въ «кобылы», ищетъ кобылу или тотъ, кому при здачѣ картъ

достанется валетъ бубень, или оставленный при предварительной игрѣ въ «дурачки» дуракомъ. Въ первомъ случаѣ получившій валеа бубень называется «ѣздокомъ» или «паномъ», во второмъ—«жгутовщикомъ».

«ѣздокъ» обращается прежде всего къ писарю и говорить: «господынь пысарю, кобыла пропала», и если карта, означающая кобылу, окажется у писаря, то бьетъ его три раза жгутомъ по рукѣ. Если же у писаря этой карты нѣтъ, то онъ даетъ ѣздоку одинъ ударъ жгутомъ и при этомъ говорить, передавая ему жгутъ: а я пышу, пидпышу и дорогу покажу отъ хаты до хаты кобылу шукаты. Беры батигъ, малахай, сидай на коня и махай».

ѣздокъ обращается къ старшинѣ и говорить: «рапортую, господынь старшина, шо кобыла пропала», и, если кобыла окажется у старшины, бьетъ его жгутомъ три раза; если же нѣтъ, то самъ получаетъ одинъ ударъ со словами: «паняй дальше». То же продѣлывается у старосты, у сотскаго и у десятскаго, когда играющихъ бываетъ больше пяти; но, во всякомъ случаѣ какъ только кобыла найдена и воръ получилъ возмездіе,—игра кончена.

81. В ъ ч м ы х а.

При игрѣ въ «чмыха» сдаютъ всю колоду, козырей не назначаютъ, а сказавши: «запирается городъ Чмыхъ, хто буде отпираты, того будемъ катуваты», играющіе начинаютъ по порядку одинъ за другимъ бросать карты одну на другую, не разбирая масти; причемъ каждый старается всячески, ужимками и гримасами, расмѣшить кого-либо изъ своихъ товарищей. Кто засмѣется (чмыхнетъ), того бьютъ по одному разу жгутомъ. Строго говоря, карты въ этой игрѣ не имѣютъ никакого значенія, а даютъ играющимъ только поводъ къ разнымъ выходкамъ и шуткамъ.

82. В ъ к о л о д е з я.

Въ «колодезя» играютъ четверо. Каждый изъ играющихъ назначаетъ себѣ масть и потомъ вся колода складывается на столѣ или на землѣ, смотря по тому, гдѣ играютъ, четыреугольникомъ въ видѣ колодца, карты кладутся рубашкой вверхъ. Послѣ этого каждый поочередно начинаетъ брать изъ «колодезя» по одной картѣ и если возьметъ карту своей масти, то откладываетъ ее въ сторону, если же изъ чужой масти, то, не показывая какая это карта, только объявляетъ масть, тогда тотъ, кто назначилъ себѣ эту масть, бьетъ его жгутомъ по ладони.

Суть игры состоитъ въ томъ, чтобы узнать, сколько разъ, согласно уговору, ударить, потому что если сбѣлаешь свыше положеннаго числа ударовъ, лишеніе будутъ возвращены тебѣ, не добить же многихъ ударовъ невыгодно: смѣлые игроки не пощадятъ тебя. Обыкновенно число ударовъ соотвѣтствуетъ числу очковъ карты; въ фигурахъ же, за валета даютъ 15 ударовъ, за даму—20, за короля—30 и за туза 40 ударовъ. Когда изъ колодезя взяты всѣ карты,—игра конечна. Въ сл. Ново-Николаевкѣ подобная же игра извѣстна подъ названіемъ игры въ «медна». Разница состоитъ въ томъ, что играющихъ можетъ быть больше четырехъ, что они не назначаютъ себѣ масти, а каждый беретъ по порядку изъ колоды карты пока не возьметъ козыря, которой узнается слѣдующимъ игрокомъ, получающимъ двойное число ударовъ жгутомъ, въ случаѣ, если онъ не узналъ карты. Козыремъ считается верхняя карта.

84. Въ дурачки (дурня).

а) Дуракъ простой. Въ эту игру играютъ отъ 2 до 6-ти. Каждому сдается по 5-ти картъ, сперва по 3, а потомъ еще по двѣ, затѣмъ открывається козырь, а на него сверху кладутъ оставшіяся карты такъ, чтобы половина его была видна.

Козырь называется «свиткою», онъ *свитыть*, указываетъ, какая масть считается на эту игру козырной. Сидящій съ лѣвой стороны сдававшего ходитъ къ своему сосѣду одну, три или пять картъ, т. е. *пары съ придачію*. Если тотъ всѣ эти карты побьетъ старшими той же масти простыми или, за неимѣніемъ старшихъ, козырями, то побитыя карты отбрасываются въ сторону, а ходившій и бившій добираютъ изъ лежащей колоды недостающее имъ до 5 число картъ, и тотъ, кто побилъ, ходитъ одну карту или пару съ придачей къ своему сосѣду. Больше двухъ паръ съ придачей нельзя ходить потому, что у каждаго на рукахъ бываетъ сначала только по 5 картъ. Если же не всѣ карты побиты, то непобитыя принимаются, а ходитъ уже слѣдующій игрокъ. Когда у кого-нибудь изъ играющихъ окажется козырная шестѣрка, то онъ можетъ ее «высвитыть», т. е. положить ее на мѣсто козыря, что подъ колодой, взявъ его себѣ. У кого послѣдняго останутся карты, тотъ—дурень, и «на стилько годивъ винъ дуракомъ остався,» сколько у него картъ на рукахъ. Ни у кого не осталось картъ—называется «*розыгра*».

б) Дуракъ нывирный, или игра въ вирки. Сдается по шести картъ, ходятъ пары, но только безъ придачи. Кроющій прикрывъ пойденныя ему карты своими такъ, чтобы пошедшій не могъ видѣть, по-

биты ли онѣ или нѣтъ, спрашиваетъ его: «виришь чы ны виришь? и тотъ долженъ отвѣтитъ или утвердительно, или отрицательно. При утвердительномъ отвѣтѣ если карты были покрыты правильно, онѣ отбрасываются, неправильно, — беретъ ихъ отгадывавшій, при отрицательномъ отвѣтѣ, если карты не были побыты, беретъ покрывавшій. Конецъ такой же, какъ и при простомъ дурачкѣ.

в) Дуракъ пидкыдный. Сдають по шести картъ, можно ходить по 1, по 2, по 3 и по 4 одинаковыхъ карты, сверхъ того еще можно «пидкынуты» подбросить двѣ карты одинаковыя съ тѣми, какими бьющій покрываетъ пойденныя ему. Напр., ему пошли двѣ семерки, прочіе играющіе добавили еще двѣ семерки, онъ побилъ одну восьмеркой, а другую десяткой, ему подбросили еще двѣ десятки; онъ и долженъ всѣ эти карты побить, а больше подбрасывать нельзя, потому что у него только 6-ть картъ. Хотя одна карта не убита, принимаютъ всѣ, даже и правильно побитыя; въ виду этого, имѣя плохія карты или тотчасъ принимаютъ пойденныя, или бьютъ ихъ наибольшими, чтобы вызвать большія отъ подкidyвающихъ. Иначе, при второмъ кругѣ, имѣющему много картъ на рукахъ почти невозможно отыгратъся, такъ какъ ему могутъ набросать столько картъ, сколько у него ихъ на рукахъ.

84. Въ хвыльки (хвыля), или хвальни.

Въ этой игрѣ участвуютъ обыкновенно четыре игрока, притомъ играютъ два противъ двухъ сидя на-крестъ. Значеніе козыря получаютъ всѣ валеты (хвыли) и шестерка трефовая (хвалька, въ сл. Араповкѣ-дзифирка). Впрочемъ хвалька бываетъ иногда и переѣнная, смотря по условію, чаще шестерка козырной масти; она считается самымъ старшимъ козыремъ. За ней слѣдуетъ трефовый валетъ (старый), потомъ пиковый, червонный и, наконецъ, бубновый (будочникъ, водовозъ, кабыця). Сдають всю колоду по три карты, такъ что каждый получаетъ по 9 картъ. Получившій первыя карты «хвалытся», т. е., объявляетъ одну изъ мастей козырной, обыкновенно объявляется та, изъ мастей, которой дано всѣ три или по крайней, мѣрѣ двѣ карты, иначе по первому разу не хвалятся, а хвалятся на шестую или на девятую карту. Похвалившійся, начинаетъ ходить и брать взятки, товарищъ, сидящій насупротивъ, помогаетъ ему. Кто взялъ взятку, тотъ и долженъ ходить; не имѣя масти можно бить козыремъ, но можно и «спускать», давать другую масть. Похвалившійся долженъ взять съ своимъ товарищемъ или не менѣе пяти взятокъ, или же ни одной не взять. Если они взяли менѣе 5-ти, то говорятъ, что

имъ дана «*хвалена*», притомъ если взята только одна взятка, то это значить, что имъ данъ «*рогъ косая*», «*слипа*». Противники смѣются надъ ними «*пидь церкву,—бубликивъ прохаты!*» Не взято ни одной: дана противникомъ «*суха*, «*бочка*». Игра въ фильку самая распространенная игра между крестьянами среднихъ лѣтъ. За неимѣніемъ четвертаго товарища играютъ и втроемъ, но въ такомъ случаѣ не бываетъ хвальки, а главенствуетъ валеть трефей; тотъ, у кого онъ окажется, играетъ самъ и онъ же объявляетъ по своему усмотрѣнію козырь.

85. В ъ с в ы н и.

Играютъ «у свыни» большею частію двое, но можетъ быть и большее число играющихъ.

Кладется колода картъ рубашкой вверхъ. Одинъ открываетъ верхнюю карту, положимъ даму, и кладетъ ее около колоды, второй долженъ отыскать короля, чтобы прикрыть даму, третій—туза, чтобы прикрыть короля и т. д., при этомъ масть не принимается во вниманіе. Второй, отыскивая короля, беретъ себѣ на руки всѣ карты изъ колоды, пока не найдетъ его, а нашедши кладетъ взятыя изъ колоды карты около себя по порядку въ одну кучку лицомъ вверхъ; то же дѣлаетъ и первый, если играютъ вдвоемъ, или и слѣдующій, но только онъ, отыскивая туза можетъ класть на колоду второго карту и выше и неже очкомъ противъ той, какая лежитъ верхней у второго; такъ, напр, если верхняя карта въ кучкѣ второго восьмерка, то первый, беря изъ колоды карты, чтобы найти нужнаго ему туза, взявши семерку или девятку имѣетъ право положить ихъ ко второму на восьмерку. Когда вся колода разобрана, то каждый переварачиваетъ лежащую передъ нимъ кучку картъ и открываетъ одну за другой, чтобы найти нужную для покрытія карту. Если у него въ кучкѣ такой не оказывается, то онъ беретъ себѣ верхнюю изъ той кучки, что образовалась около бывшей колоды, а остальные, тамъ лежащія карты, откладываются въ сторону. Игра продолжается на лежащія около игроковъ карты, и послѣдній, у кого останутся на рукахъ карты, получаетъ названіе по названію игры. Встрѣчаются и отступленія отъ вышеуказаннаго порядка: на кучку предыдущаго игрока картъ не кладутъ, или, наоборотъ, набрасывая на карту его высшія и низшія на одно очко карты, кучку, что около колоды, не принимаютъ: она постепенно увеличивается въ восходящемъ порядкѣ картъ.

86. В ъ в ы д ь м ы.

Выбрасываютъ изъ колоды трехъ дамъ, за исключеніемъ пиковой, которая называется «*видьмою*», и еще одну какую-нибудь карту. Играютъ «у видьмы отъ 2 до 10 душъ!» раздаютъ всю колоду, сначала всѣмъ по двѣ карты, а остальные на сколькихъ хватить. Каждый изъ сданныхъ ему картъ выбрасываетъ на середину пары, а оставшіяся на рукахъ безъ пары подаетъ своему товарищу закрытыми, чтобы онъ выбралъ себѣ одну. Кому первому сданы карты, тотъ первый и предлагаетъ слѣдующему за нимъ выдернуть одну карту; выдернулъ къ парѣ, — отбрасываетъ, нѣтъ беретъ и, перемѣшавши съ своими, предлагаетъ слѣдующему. У кого останется дама пикъ, тотъ видьма.

87. В ъ п ь я н ы ц и.

Дѣтская игра. Играетъ двое, одинъ беретъ себѣ красныя масти, другой черныя или, давъ снять другому, сдаетъ всю колоду, и каждый кладетъ свои карты передъ собою кучкой рубашкой вверхъ. Затѣмъ открываютъ верхнія карты; у кого карта старше, тотъ беретъ карту противника и обѣ карты кладетъ подъ-исподъ своей кучки. Если откроются двѣ одинаковыя карты, напр., два валета, то ихъ кладутъ вмѣстѣ, говоря: «воны сплать,» а открываются слѣдующія карты и чья будетъ старше, тотъ забираетъ себѣ и прежнюю пару. Проигравшій всѣ свои карты, считается пьяницей.

88. В ъ з и в а к и.

Сдается вся колода двумъ, тремъ или болѣе играющимъ, послѣдняя или первая карта открывается и кладется по серединѣ стола, она называется «*казною*» (сл. Араповка). Каждый складываетъ свои карты передъ собою, рубашкой вверхъ, въ кучку, а потомъ по очередно открываетъ верхнюю карту и кладетъ ее или въ казну, или на открытую карту одного изъ играющихъ, или же «дома», т. е. у себя возлѣ своей кучки. Открываемыя карты складываются въ казну и на чужія карты въ определенномъ порядкѣ: на туза шестерку, дама семерка..., если же не приходятся, складываются у себя. На чужія карты и въ казну можно складывать изъ своей кучки изъ числа домашнихъ, когда въ казнѣ или у кого-либо изъ игроковъ откроется подходящая карта. Кто зазѣвался: положилъ открытую имъ карту у себя дома, когда ее слѣдовало положить

въ казну или на чужую карту, тому каждый изъ играющихъ даетъ по одной картѣ, чтобы онъ не зѣваль. Зѣвакой считается тотъ, у кого останутся карты; однако, если оставшіеся у него карты расположились въ такомъ порядкѣ, что ихъ можно сложить въ казну, то—«розыгра».

89. В ъ м е л ь н и к а .

Различаютъ два вида игры въ «мельника»: съ раздачею картъ на руки и безъ раздачи: а) каждому изъ играющихъ, которыхъ бываетъ до 6-ти, сдается по три карты, а потомъ открывается козырь и кладется подъ оставшуюся колоду. При этой игрѣ берутъ взятки, если есть чѣмъ побить пойденную карту, или принимаютъ эту карту, или сдаютъ пошедшему, если есть меньшая карта той же масти. Взявъ взятку или славъ, берутъ себѣ изъ колоды верхнюю карту и ходятъ къ слѣдующему. Когда разберутъ всю колоду, играютъ на взятки. Ходятъ съ самой меньшей карты, слѣдующій долженъ побить ее большей, которую третій игрокъ долженъ побить еще большей и такъ до послѣдняго, который уже, «отбивается», т. е. побивъ верхнюю карту, отбрасываетъ всю кучу. Если кому-нибудь нечѣмъ убить, то онъ беретъ себѣ эту карту, а слѣдующій долженъ побить лежавшую подъ нею, ставшую теперь верхней, карту. Отбивать и отбрасывать можно только тогда, когда въ кучкѣ столько картъ, сколько игроковъ; одному тузу дѣлается исключеніе: тузомъ можно отбить и уменьшить число картъ.

У кого послѣдняго остались карты на рукахъ, тотъ мельникъ.

б) Кладется вся колода и поочередно открываютъ карты. Первый открытую имъ верхнюю карту кладетъ около колоды, второй дѣлаетъ тоже, если его карта меньше открытой или иной масти, а если старшая, то бьетъ первую и беретъ себѣ взятки. Слѣдующіе поступаютъ такимъ же образомъ.

Взявшій послѣднюю изъ колоды карту забираетъ и всѣ лежащія около нея открытыя, оставшіеся не побитыми, карты, и эта послѣдняя карта считается козыремъ при дальнѣйшей игрѣ на взятія каждымъ карты, которая ведется такимъ же порядкомъ, какъ это бываетъ при розыгрышѣ взятокъ въ первомъ видѣ «мельника».

90. В ъ К у л ы н ы .

Сдается по шести картъ; игра идетъ какъ въ простого дурачка, но съ тѣмъ отличіемъ, что ходятъ не пары, а карты одной масти отъ 1 до

6 картъ заразъ; кромѣ того «Кулына» (дама пикъ) не бьетъ, но и сама не можетъ быть побита, а потому только мѣшаетъ розыгрышу. У кого она останется на рукахъ, тотъ—«Кулына».

91. В ъ г о р о д к а.

При игрѣ «у городка» разбрасывается вся колода, карты рубашкой вверхъ, за исключеніемъ одной, которая открывается и кладется въ сторону,—она служитъ козыремъ. Каждый изъ играющихъ беретъ поочередно любую карту изъ колоды и если у него окажется старшая противъ пойденой ему или козырь,—бьетъ, если у него младшая, то принимаетъ. При игрѣ вдвоемъ, принимаетъ, пока у него не окажется старшей, тогда бьетъ и ходитъ изъ числа имѣющихся у него въ рукахъ картъ. Проигралъ «городокъ» тотъ, у кого остались карты. (хут. Нижній-Соленый).

92. В ъ к о р о л я.

Весьма распространенная въ уѣздѣ игра. Играютъ четверо; сдается вся колода, безъ козырей. Первый взявшій 9 взятокъ называется «*королемъ*», второй принцемъ, третій—солдатомъ, а четвертый—золотаремъ, лакеемъ или сдатчикомъ. Съ этого времени короли считаются старше тузовъ и играютъ уже съ козыремъ, которымъ бываетъ та масть, подъ какую солдатъ сниметъ сдатчику. При сдачѣ первая карта дается королю и онъ имѣетъ право «бунтовать» до трехъ разъ, т. е. требовать передачи картъ, когда у него на рукахъ нѣтъ козыря выше девятки; сверхъ того онъ получаетъ одну взятку даромъ, «на кухню». Но зато, съ другой стороны, король, снявшій, вмѣсто солдата, по забывчивости поднесенную ему сдатчикомъ колоду картъ, становится сдатчикомъ, а сдатчикъ—королемъ.

93. В ъ с в о г о к о з ы р я, и л и в ъ в о з к а.

Играютъ «у своего козыря» большею частію двое, но могутъ играть и четверо. Передъ началомъ игры «хвалятся» мастью, т. е. каждый назначаетъ себѣ козыремъ одну изъ мастей.

Сдаютъ всю колоду, ходятъ по одной картѣ, которую должно побить, а сверху «навалить» другой сосѣду. Когда битыхъ картъ наберется большая куча, тогда стараются навалить своему противнику такого его козыря, чтобы онъ не могъ побить, а потому долженъ взять «повезти» себѣ всю кучку.

94. В ъ н о с к а.

Играющихъ бываетъ отъ 3 до 10 и каждому сдаётся по три карты; одну изъ остающихся «высвѣчиваютъ» козыремъ и на нее кладутъ остальные карты колоды. Каждый изъ играющихъ старается подобрать себѣ «хлюста», т. е., три карты одной масти, для этого онъ, взявъ одну изъ своихъ картъ протягиваетъ её, не показывая, къ сосѣду со словами шушу, шушу: на что тотъ съ своей стороны отвѣчаетъ тѣмъ же, заявляя этимъ, что онъ согласенъ на обмѣнъ картъ. У кого составился хлюстъ, тотъ кладетъ его около себя, а изъ колоды беретъ себѣ три карты и снова повторяетъ прежній приѣмъ. Когда колода вся разобрана, то всѣ, составившіе себѣ хлюстъ, бьютъ тремя картами по носу того, кто не собралъ себѣ ни одного хлюста, бьютъ по три раза каждый взятый хлюстъ, а имѣющій въ хлюстѣ козырнаго туза предварительно даетъ его еще и понюхать.

95. В ъ т р и л и с т и к а.

а) Трилистикъ простой. Играющіе, которыхъ бываетъ отъ 2-хъ до 11-ти, ставятъ «выкачуютъ» на конь по копѣйкѣ или и больше, смотря по условію. Каждому сдаютъ по три карты, а затѣмъ высвѣчиваютъ козырь. Первый ходитъ одну карту, второй бьетъ ее и «наваливаетъ» своей и такъ далѣе, при чемъ каждый старается навалить такой картой, чтобы ни одинъ изъ играющихъ не могъ убить ее. Тогда онъ выигралъ и забираетъ себѣ всю ставку.

б) Трилистикъ съ подходомъ, или съ темною. Тотъ, кому сдана первая карта, долженъ поставить на конь «темную»: т. е. одну или нѣсколько копѣекъ; слѣдующій игрокъ можетъ пасовать или *поднимать* темную. Въ послѣднемъ случаѣ онъ долженъ поставить на конь не менѣе какъ двойную противъ темной сумму, причемъ обыкновенно говорятъ «поднялъ», «вышелъ», или просто «разъ».

Играющіе одинъ за другимъ по порядку или пасуютъ, или выходятъ, увеличивая каждый темную вдвое. Такъ продолжаетъ возрастать темная, пока не спасуютъ всѣ, за исключеніемъ двухъ, которые и кончаютъ игру или тѣмъ, что одинъ изъ нихъ спасуетъ, или «замирить», т. е., положить на конь только половину суммы своего противника. Теперь, если у обонхъ игроковъ окажутся хлюсты, смотрятъ, чей хлюстъ старше, причемъ козырный хлюстъ принято считать старше простого, хотя бы по числу очковъ онъ былъ и меньше. Фигуры: валетъ, дама и король счи-

таются въ 10-ть очковъ, тузъ — въ 11; если бываетъ хвалька и «бардадымъ» (король трефъ), то первая считается въ 10^{1/2} очковъ, а послѣдній въ 12-ть. Обыкновенно же три туза составляютъ самый старшій хлюсть. Если хлюсть только у одного, то онъ выигралъ; если же у обоихъ не окажется хлюста, дѣло о выигрышѣ рѣшается игрою. Замиравшій ходитъ своему противнику обыкновенно небольшую карту потому, что послѣднему предоставляется право первую карту не бить, а покрыть меньшею; побивши карту противника, наваливаютъ ему самую большую, чтобы онъ не могъ побить ее, напр., козырнаго туза, это называется: «дать отказъ, якъ шило». Игра выиграна, деньги, скопившіеся на кону, всё забираются выигравшимъ.

Изъ приведеннаго описанія ясно, что трилистикъ одна изъ самыхъ азартныхъ денежныхъ игръ: для усиленія же увлеченія риску въ этой игрѣ предоставляется желающимъ право «перетемнять», т. е. открывать какую угодно изъ сданныхъ картъ, прежде чѣмъ посмотрѣть ихъ, объявлять ее «хвалькой» и ставить темную вдвое больше установленной. Притомъ открывать хвальку можетъ не одинъ, а каждый изъ игроковъ и всякій разъ послѣ этого темная увеличивается вдвое, а послѣдняя хвалька считается старше всѣхъ предыдущихъ.

96. Въ заборона, или въ пятака.

Каждый изъ играющихъ ставитъ на конъ извѣстное, опредѣленное по условію, число копѣекъ, чаще всего по 5 коп., почему и игра въ нѣкоторыхъ мѣстахъ носитъ названіе игры въ пятака. Ведется она или какъ въ трилистика простого, отличаясь отъ послѣдняго въ томъ, что выигравшій не забираетъ сразу всей ставки, а беретъ лишь одинъ пятакъ; поэтому о выигравшемъ первый пятакъ (свой) говорятъ: «винъ заборонылся». Или же слается не по три карты, а по числу игроковъ, высвѣчивается козырь и берутся взятки. Кто сколько возьметъ взятокъ, столько же беретъ съ кона копѣекъ или пятаковъ.

97. Въ шлѣпки, или въ окружной.

Игра отличается отъ простого трилистика только названіемъ да развѣ еще тѣмъ, что въ иныхъ мѣстахъ выигравшій забираетъ не весь конъ сразу, а одну ставку; значить, чтобы взять весь конъ нужно выиграть столько разъ, сколько играющихъ. Въ эту игру играютъ преимущественно

неимѣющіе денегъ, но желающіе «шлѣпать» въ карты. Въмѣсто денегъ, ставятъ на-конь спички, сѣмена тыквенныя, арбузныя и подсолнечныя. На спички играютъ курящіе табакъ, а на сѣмена—хлопцы подростки.

98. Въ хрыста, или хвыля.

Играющихъ четверо; игра тождественна съ игрою въ хвыльки, съ тою только разницею, что тамъ (при игрѣ въ хвыльки) надъ проигравшей стороною насмѣхаются, а здѣсь съ проигравшихъ, взявшихъ меньшее число взятокъ, берутъ деньги, по условію за взятку. Въ слободѣ Ново-Николаевкѣ сдается не по 9, а по 5 картъ; значить, чтобы выиграть, нужно взять не меньше трехъ взятокъ.

99. В ъ п я т и ф и л я.

Играетъ пятеро; сдается вся колода. Сдающій, давъ всѣмъ по три карты, свою третью открываетъ: она служитъ козыремъ, затѣмъ раздаетъ и остальные карты. У кого окажется козырный филь (валетъ), тотъ называется «шукайло», потому что онъ долженъ «шукать» себѣ товарища, выбрать изъ четырехъ игроковъ одного, съ которымъ и долженъ обыграть трехъ остальныхъ. Когда товарищъ выбранъ, всѣ играющіе оставляютъ у себя на рукахъ по пяти картъ каждый, излишніе отбрасываютъ; а «шукайло» съ товарищемъ берутъ поясъ и бьютъ имъ каждого изъ своихъ противниковъ по одному разу. Затѣмъ ужъ приступаютъ къ игрѣ, берутъ, какъ обыкновенно, взятки. Взять «шукайло» съ товарищемъ три или болѣе, взятки,—игра выиграна, взято менѣе трехъ—проиграна: противники забираютъ съ кона деньги и, сверхъ того, возвращаютъ шукайлу съ его товарищемъ удары поясомъ въ двойномъ числѣ противъ полученнаго каждымъ.

Ужина на вечерницахъ не бываетъ, а изрѣдка готовятъ завтракъ. Тамъ же, гдѣ готовится ужинъ, что, какъ исключеніе, случается вездѣ, приготовленіемъ его и завтраковъ занимается хозяйка съ помощію наиболѣе расторопныхъ изъ дѣвокъ. Припасы вручаются хозяйкѣ вечерницъ, а если былъ сборъ деньгами, то деньги хранятся у одной изъ дѣвокъ по соглашенію. Взносъ деньгами бываетъ обыкновенно для всѣхъ равный, а припасами—кто сколько въ состояніи.

Поработавши и пошутивши, садятся, если готовился ужинъ, ужинать. Парни садятся на почетномъ мѣстѣ ближе къ «покути» за столомъ,

а дивчата противъ парней на «ослони». Если же ужина не бываетъ, то хозяйка выпроваживаетъ лишнихъ парней, и остающіеся ночевать идутъ съ дѣвками за соломой для постели. Постель стелеть каждая дѣвка для себя общую съ парнемъ, котораго она выбираетъ, но сама лично не приглашаетъ, а проситъ подругу, чтобы та передала парню о ея желаніи ночевать съ нимъ. Соглашается парень, — остается; нѣтъ уходить съ вечерницъ, а дѣвка выбираетъ, такимъ же образомъ, себѣ другого парня. Когда принесутъ соломы, то дѣвушки разстилаютъ ее по полу и, застлавъ своими свитками, тушатъ огонь и ложатся, а каждый изъ парней ложится тогда къ своей дѣвушкѣ.

Часа за два до разсвѣта дѣвушки встаютъ и начинаютъ работать, а парни уходятъ домой.

Ходить на вечерницы дѣвушки начинаютъ лѣтъ съ 13—14-ти, а парни — съ 15—16; ночевать же парами дѣвушки начинаютъ лѣтъ съ 16—17, а парни съ 18—19-ти. Каждая дѣвушка считаетъ за честь, гордится если у нея есть парень, съ которымъ она ночуетъ, хотя рѣдко случается, чтобы она вышла за него замужъ. И въ крестьянской средѣ при заключеніи браковъ обращается гораздо больше вниманія на состояніе, чѣмъ на взаимное расположеніе молодежи: «сживется, слюбится», говорятъ крестьяне. Поэтому нерѣдки случаи, что дѣвка, ночевавшая съ однимъ парнемъ годъ и болѣе на вечерницахъ, выходитъ замужъ за другого.

Понятно, что по выходѣ замужъ ее почти неизбѣжно ожидаютъ упреки, ревность, а иногда и жестокіе побои мужа, хотя бы она и сохранила на вечерницахъ свое имя незапятнаннымъ.

Впрочемъ между, деревенскими дѣвушками, хотя и рѣже, чѣмъ между городскими, встрѣчаются переборчивыя красавицы, любящія часто мѣнять своихъ парней, потому ли что въ первомъ избранникѣ найдетъ какой-либо недостатокъ, или просто изъ тщеславія, что ни одинъ, моль, парень не откажется ночевать съ нею, дѣвушка отказываетъ своему парню, а приглашаетъ черезъ подругу къ себѣ другого. Такая измѣна, однако, рѣдко проходитъ безъ мести со стороны отвергнутаго парня. Послѣдній мститъ и дѣвкѣ и своему болѣе счастливому сопернику: дѣвкѣ — мажутъ ворота дегтемъ, парня бьютъ; достается при этомъ иногда и хозяйкѣ вечерницъ. Нерѣдко обиженный собираетъ себѣ партію, является въ хату, гдѣ ночуетъ съ другимъ парубкомъ отвергнувшая его дѣвка... и между соперниками и ихъ товарищами начинается свалка, во время которой достается не только участвующимъ въ дракѣ, но и хозяйкѣ, если она не успеетъ куда-нибудь скрыться, и даже хатѣ: бьютъ и ломаютъ окна, двери, лавки, столы. Такъ что дѣло кончается иногда въ волостномъ судѣ.

При повтореніи дракъ на вечерницахъ или при жалобахъ на буйство молодежи, сельскія власти отдають сотскимъ и десятскимъ строгій приказъ разгонять всякія вечернія и ночныя собранія парубковъ, а буяновъ забирать на ночь въ холодную; но дѣло обыкновенно ограничивается тѣмъ, что десятскіе и сотскіе, получивъ на водку и преподавъ молодежи совѣтъ вести себя поскромнѣе, не трогаютъ вечерницъ.

На хожденіе взрослыхъ своихъ дѣтей на вечерницы родители смотрятъ различно: люди богатые просто не пускаютъ своихъ дочерей на вечерницы, не пренятствуя, однако, сыновьямъ посѣщать ихъ; люди бѣдные,—одни, хотя и сознають, что поступаютъ дурно, но объясняютъ условіями ихъ жизни, говорятъ: «при нашей жизни нельзя взрослыхъ дѣтей оставлять дома ночевать, особенно зимою, когда мы всѣ спимъ въ хатѣ, они насъ, родителей, сильно стѣсняли бы. Какъ вамъ извѣстно, женимся мы рано, лѣтъ въ 18—19, къ 35 годамъ у насъ могутъ быть уже взрослыя дѣти: дочь—невѣста, сынъ женихъ. А живемъ мы въ одной небольшой хатѣ, спимъ на «полу» покотомъ (рядомъ одинъ около другого); на печи—отецъ старикъ, на лежанкѣ—мать старуха, такъ что парню или дѣвкѣ приходится рядомъ спать съ отцомъ и матерью... Вотъ почему и мы не удерживаемъ своихъ взрослыхъ дѣтей дома, а дозволяемъ ходить, даже посылаемъ ихъ сами на вечерницы». Другіе считаютъ нахождение на вечерницахъ для ихъ дѣтей даже обязательнымъ, объясняя это стариннымъ обычаемъ, тѣмъ, что сами они, родители ихъ, дѣды и прадѣды ходили на вечерницы, а потому запретить это своимъ дѣтямъ они признають несправедливымъ, тѣмъ болѣе, что дѣти должны погулять,—на то молодость,—иначе у нихъ не будетъ товарищей и подругъ, такъ какъ посѣщающіе вечерницы не будутъ принимать ихъ и внѣ вечерницъ въ свое общество. Иныя изъ матерей сами посылаютъ свою взрослую дочь на вечерницы, говоря «беры, дочка, штыя або прядива та иды до тетки, тамъ хата просторнѣе, нхто не мишатеме, бильше вробешъ. Тилько гляды, бисова, ходы та розумъ при соби носы!». Поэтому матери рѣдко отказываютъ своимъ дочерямъ, когда тѣ просятъ у нихъ какихъ-либо съѣстныхъ припасовъ для вечерницъ, тѣмъ болѣе, что, получивъ отказъ, дѣвка все равно сдумѣтъ взять и тайкомъ нужное ей: курицу, масла, пшена. На этомъ основаніи благоразумные изъ отцовъ также не отказываютъ своимъ сыновьямъ въ деньгахъ, хотя парни чаще сами зарабатываютъ на этотъ предметъ деньги; а если нѣтъ заработка и ожидаютъ отказа со стороны отца, то воруютъ у себя изъ дому мѣшками зерно и продають его, понятно, по дешевой цѣнѣ извѣстнымъ, въ каждой слободѣ существующимъ лицамъ.

Когда на вечерницахъ бываетъ складка, то приглашаются иногда на нее парни и изъ сосѣднихъ селеній или другихъ концовъ слободы; дѣвушки же чужія никогда не приглашаются. Приглашенные парни участвуютъ въ складчинѣ и съ ними обращаются вѣжливо, уступая первыя мѣста за столомъ и всячески стараются угостить ихъ какъ можно лучше. Мало того; они остаются иногда и ночевать съ тѣми изъ дѣвушекъ, которыя въ данное время никѣмъ изъ мѣстныхъ парней не заняты, такъ какъ неизвѣстно ни одного случая, чтобы парень добровольно уступилъ свою дѣвушку другому, хотя на одну ночь. Но случается изрѣдка, что парни одной части слободы отправляются на вечерницы не къ своимъ дѣвкамъ, а въ другую часть къ чужимъ дѣвкамъ, куда насильно, обыкновенно послѣ упорнаго сопротивленія мѣстныхъ парней, и врываются. Такіе набѣги стороннихъ парней бываютъ всегда съ согласія дѣвокъ, но не всегда оканчиваются побѣдой нападающей стороны; нерѣдко нападающіе встрѣчаютъ такой сильный отпоръ, что вынуждены бываютъ спасаться бѣгствомъ, а не успѣвшіе улизнуть жестоко расплачиваются за свое желаніе полюбезничать съ чужими подругами.

Съ наступленіемъ Великаго поста собранія на вечерницы оканчиваются, и въ теченіе всего поста не бываетъ ни одного собранія, впервыхъ, потому, что это считается всѣми за великій грѣхъ, а вовторыхъ и потому, что въ эти дни родители строго слѣдятъ за тѣмъ, чтобы дѣти ихъ ночевали дома, тогда какъ въ другое время на отсутствіе взрослыхъ дѣтей по ночамъ изъ дому смотрятъ снисходительно.

Лѣтомъ вечерницъ не бываетъ; онѣ замѣняются такъ называемою «улицею». Улица бываетъ большею частью только подъ праздники или въ праздники вечеромъ. Молодежь собирается или на улицѣ, или гдѣ-нибудь на выгонѣ вблизи селенія и веселится почти всю ночь. По окончаніи «улицы» парни каждый съ своей дѣвушкой идутъ спать всего чаще въ клуни.

Примѣчаніе. У старовѣровъ вечерницъ не существуетъ: парни и дѣвушки всегда ночуютъ дома.

Для болѣе яснаго представленія о вечерницахъ считаемъ нелишнимъ здѣсь, сверхъ вышензложеннаго, еще дословно описаніе ихъ, составленное однимъ изъ представителей крестьянской молодежи въ слободѣ Преображенной. Вотъ оно:

Выйшовъ на вулицю Якуша и думаетъ: до кого бѣ упередъ зайты, чы до Лывка, чы до Ивана Павловича. Ни, мабутъ зайду до Лывка, а тоди пидымо и до Ивана Павловича. Пишовъ винъ до Лывковой хаты,

пидойшовъ пидъ викно та й каже: «чы Лывко дома?»—Дома. «Чи винъ выйшовъ на вулицю?»—Ни, ще. «Ну ныхай винъ скорій убираетьця».—А ты пидожды жъ пидъ хатою, сядь на прысьпи, а я затымъ убурюсь. Отъ выйшовъ Лывко и кажыть: «Здоровъ бувъ, Яшка!»—Здоровъ! и давъ ему руку». «Ну, до кого жъ пидымъ?» кажыть Лывко.—Та мабуть пидымъ до Ивана Павловича: у его гармонія ё, тамъ будымъ граты, отвича Якуша. Пидойшли вони до Ивановой хаты та й кажуть пидъ викно: «Иванъ Павловичъ, пусты въ хату!» Иванъ пустывъ ихъ у хату. «Ну, заграй намъ на гармонію».—Та я ны умію, отказуетьця Иванъ. «Та якъ нубудь: абы звынило». Иванъ бере гармонію и начынае граты. «Ну, танцюйте жъ, хлопци, чого жъ вы такъ стоете?»—Та мы бо ны вміемъ, отвичають хлопци. «Та танцюй, якъ попавше», говорыть Иванъ: «аче жъ чортъ ладу не спрашуе, абы шумъ бувъ». «Ну, хлопци, трохы погралысь, давайте иты», говорыть Якуша: «убырайсь, Иванъ, та быры и гармонію, тамъ будымъ заграваты». Выйшли вони изъ хаты. Ну, до кого жъ, хлопци, пидымъ?» спрашуе Иванъ.—А хто-е-зна куды... ходять до Татарки, говорыть Лывко. «Ну, ходить». «Иванъ, почнай писни, та заспиваемъ», просе Якуша. Иванъ почавъ:

«Ой за яромъ за бугромъ,
Тамъ стоявъ вокзалный домъ,
Весь шалеваный кругомъ.
Лыжать шины въ тры аршыны,
По ныхъ бигають машины;
А въ машины шнеть колёсь,—

Вона бигаеть—ны бойсь;
Ны ёсть сина ни вивса,—
Все березови дрова,
Понемногу воду пьеть,
Всю дорожку пронесеть».

Якуша каже: «а ну, Лывко, свысны». Лывко свыснувъ. На ёго свысть то-же свыснуло и крыкнуло: «бу-у-у-уй!» «Цытьте! це хлопци йдуть; похоже—Максымъ, та Иванъ, та Семень, та Андрій». Хлопци зострилысь.

«Здоровы булы!» говорыть первы.

—«Гораздъ шо самы здоровы, такъ ще й на другихъ нападаюцца». отвѣчаютъ имъ ти.

«Ну, ты й вытіешь!»

«Куда вы идете?»

—«Та мабудь пидымъ до Татарки. А вы куда?»

«А мы туда, куда вочи бачуть».

—«Ходить зъ нами». «Ходить».

«Почынай пьсьни хто-ныбудь», гаворыць Максымъ. Якуша почавъ:

«Сколько разъ я зарикався
По той вулицы ходыть.—
Въ одну дѣвушку влюбывся,
Я не могъ ее забыть.
Улюбывся, уризався,
Бувъ бы ножыкъ,—заризався;
Бувъ бы ножыкъ, булобъ два,—
Заризався бѣ обома;
Бувъ бы ножыкъ погострѣй,—
Заризався бѣ поскорѣй.
Тутъ и ричка, тутъ и мость,
Тутъ хорошій перевозъ,

А я свою роздушеньку
На рученькахъ перенесь.
Перепесь, перескочилъ,
Ничого я ны замочывъ,
Только съ правон ножыныгы баш-
мачекъ
Въ воду изскачывъ.
Ны жаль минн башмачка,
Жалко былого чулка:
Башмачекъ батюшка купывъ.
Чулокъ мылый подарывъ».

Отъ дойшлы вони до вычырыныць, пидойшлы подъ викно и кажуть:
«дывчата, одчынить!» А дывчата кажуть: а багацько васъ?»—Ни, насъ
ны багато, тилко два. «Ну, якъ шо два, такъ пустымо. Бижы, Параско,
одсунь сины». Параска одсунула сины. «Шобъ васъ грець забравъ,
стервивъ! казали, шо тилко два, а ихъ цѣла сотня».—Та ничого, колы
одчыныла, такъ теперь пускай. «Ну, та идить». Хлопци ввійшы.

«Здрастуйте, изъ святымъ вечеромъ!»—Спасибн.

«Бодай васъ лыха годына забрала, проклятыхъ!» каже паниматка:
«стѣлко набылось!»—Та ничого тѣтюня, насъ ны багато,—мы ны довго
будымъ. «Глядить, а то знаете, теперь карасына дорога».

«Ну, Иванъ, грай на гармоніи», гаворыць Максымъ: «а я буду
танцоваты». «А хйба у васъ ше й гармонія есть? спросылы дывчата.—
Есть. «Ну такъ мы жъ ны зналы, шо у васъ гармонія ё, а то мы давно
уже упустылы бѣ васъ».

«Грай, Иванъ!» Иванъ начавъ граты; Максымъ давай бытъ трытяка,
щыпка, и приказуваты: «Ой, маменька, костыщи булять, пусты мене на
вечоркы гулять».

«Ну, хлопци, давайце у карты заграемъ», гаворыць Лывко. «А въ
кого ё карты?» спрашуе Андрій. «А онъ у Ивана». «Ну сидайте жъ»,
гаворыць Семень. «У чога жъ мы будымъ граты».—Та мабуць у хвалькы,
обизвався Якуша. Чотыри хлопци силы и началы граты у хвалькы, а
остальни посидали на лавци коло Ивана Павловича и дывляцца, якъ
винъ граеть. Иванъ Павловичъ грае, а дывчата началы прыспивуваты:

«А въ насъ завтра билый день,
Билый день, билый день,

Отъ билый день, билый день!
Яшечка ковалерь,

Ковалерь, ковалерь,
Вотъ ковалерь, ковалерь!
А Присюня барыня,
Барыня, барыня,
Вотъ барыня, барыня!
Та вона его любыла, любыла,
Вотъ любыла, любыла,
Вотъ любыла, любыла!
Та золоть перстень дарыла, дарыла,
Вотъ дарыла, дарыла!

Та золоть перстеньколечко, колечко,
Вотъ колечко, колечко!
Та булыть въ ёго сердечко, сердечко,
Вотъ сердечко, сердечко!
А отъ чого воно булыть?
Вотъ булыть, булыть,
Вотъ булыть, булыть, булыть!
Шо Яшуня ны любыть,
Вотъ ны любыть, ны любыть;
Вотъ ны любыть, ны любыть!»

«Ловка писня, чы вона ще довга?» говорыть Максимъ.—Та вона довга, та оце йй край, отвитылы дивчата». Ну ничего,—якъ бы такихъ, та почаше», продолжае Максимъ: «а пуще яку-ныбудь давайте заспи-ваемъ».—«Давайте», соглашаюця дивчата: «Ну починайты жъ!» Дивчата почалы:

«Охо-иха-ха, шось Парася зна,
Охо-иха-ха шо ходе смутна.
Вона думае-гадае,
Шо Максимко покыдае.
Полно же тужыть
По мпломъ своемъ,
Полно тускувать
По дружккѣ такомъ!
На то парень дивку любе,
Вишь прыгорне, прыголубе,—

За рученьку взявъ,
Тай поцылувавъ;
За другую взявъ,
Подарочекъ давъ,
Подарочекъ ны большой:
Зъ руки перстень золотой.
Хто ёго купывъ?
Максимко-душа.
Хто ёго зносывъ?
Параня наша.

Якъ ны скаже спасыби, буде сычь и сова, совыняча голова, перы-кручыная, переверчыная; сорокъ сорокывъ солоныхъ жукывъ, сорокъ ка-душокъ солонихъ лягушокъ».

«Гарна и це писня!» прихвалое Иванъ Павловичъ: «та тилькы на неи смерты нымае». «Ну дивчата, давайте ще заспи-ваемъ», говорыть Савка. Та якои жъ мы будемъ спиваты?» спрашуютъ дивчата. «А ось я самъ пошну» — Ну починай. Савка почавъ:

«Стыдно, брыдно дивчинонци
Позно зъ вечера ходыть;
Ще й стыднише, ще й брыднише
Двохъ молодчыковъ любыть.

Дивчыночка застыдылась:
Показався въ лычку жаръ,
И поплылся слезы зъ глазъ.
Парню дѣвки жалко стало,

Начавъ дѣвку увицать,
Вынявъ розовый платочекъ,
Начавъ слезы утирать:
«Ны плачь, дѣвка, ны плачь,
красна,
«Не плачь, мылая моя!
«Розгорыця сердце мое,
«Возьму замужъ за себя:

«Розгорыця рытывое,
«Повынкаюся съ тобой.
—Ой ны можно пѣму стаця,
Шобъ була я за тобой:
Въ тебе батынько багатый,
Не позволють мене взять;
Ты—красавчикъ самъ собою,
Ты—насмышныкъ надо мою».

«Ну, хлопци, годи вамъ уже у карты граты, а то тилко свѣтло для васъ горыть», говорыть хозяйка: «колы хочеты, выкыньте на карасу по копійци, тоди хочъ всю ничъ граты». Хлопци выкынули по копійци. «Ну теперь, рыбагата, усю ничъ гуляй!» говорыть Андрий: «за свѣтло отдады».— «А ще до Буривской, хйба и ны пидымо? обзлався Иванъ. Ни, пидымо, чога же?» отвичають хлопци. «Ну, дивчата, почпнайте пьсьни ище», говорыть хазыйка. Дивчата почалы, а хлопци пидхватылы:

«Ни на кого я такъ ны вдаряла,
Какъ на этотъ большой домъ боль-
шой домъ,—
Гей-гей! охо-хо-хо—якъ на
этой большой домъ!
Ни на комъ я такъ ны страдала,
Какъ по мыломъ по своемъ,—
Гей-гей! охо-хо-хо,—какъ по
мыломъ по своемъ!
Глянупу, гляну на малютку,—
Точно варваръ былъ такой,—
Гей-гей! охо-хо-хо,—точно
варваръ былъ такой!
Какъ возьму я тѣ дитятко
Къ родной сестрѣ отнесу,—
Гей-гей! охо-хо-хо,—къ род-
ной сестрѣ однесу!
«Ты, сестрица, ты, родная,
«Воскорми мое дытя,—
Гей-гей! охо-хо-хо,—воскор-
ми мое дытя!

«А я пойду въ морѣ утоплюся,
«Противъ мылого дворца,—
Гей-гей! охо-хо-хо,—противъ
мылого дворца!
Выйды, выйды, мій мыленькій,
Якъ я буду потопать,—
Гей-гей! охо-хо-хо,—якъ я
буду потопать!
Долго, долго потопала
Своей русою косою,—
Гей-гей! охо-хо-хо,—своей
русою косою!
И манула правою рукой:
«До свиданья, мылый мой!—
Гей-гей! охо-хо-хо,— до сви-
данья, мылый мой!
«До свиданья, мылый мой!
И зъ тобою все послѣдняя любовь,
Гей-гей! охо-хо-хо,—все по-
слѣдняя любовь,—

Лырко каже: «а давайте ище «бражыци» усхнемъ, починайте!» Дивчата почалы, а хлопци подхватылы.

«А ты, бражыця, ты, бражыця моя,
Чого въ тебе, бражыня, нѣтъ купця?

Гей, гей, гей! чого въ тебе,
бражыця, нѣтъ купця?

Ни вдалого, привдалого молодца?

Гей, гей, гей! —

Ни русскаго цылувалнычка?

Гей, гей, гей! —

Съ Пытыбурга обнималнычка?

Гей, гей, гей! —

Обнималась красна дѣвица-душа, —

Гей, гей, гей! —

На высокомъ теремочку спать
лягла, —

Гей, гей, гей! —

Якъ прывыдивсь мини сонъ увоснѣ, —

Гей, гей, гей! —

Будто мой мылой съ походу идѣть, —

Гей, гей, гей! —

Дорогой мини подарокъ несѣть, —

Гей, гей, гей! —

Шовковый бархатный батожокъ, —

Гей, гей, гей! —

А я молода догадалася, —

Гей, гей, гей! —

Перыдъ мылымъ оправдалася:

Гей, гей, гей! —

Я въ сусиды на бесѣдушки була, —

Гей, гей, гей! —

Противъ парпя холостого сыдила, —

Гей, гей, гей! противъ парня

холостого сыдила!

«Ну, хлопцы, просылы батько и маты, шобъ вы ишли съ хаты»,
говорять дивчата: «кому дило — сыдять, а кому ныма дила, — идить». —
«Ну ходить, хлопцы!» говорыть Иванъ Павловичъ: «по чести, а то,
пожалуй, нашнуть и лаяты».

— Ну, ходить. Выйшли уси хлопцы изъ хаты, а дивчата и ка-
жутъ: «чого жъ вы, хлопцы? оставайтесь нучуваты, кого оставляють,
а ти ныхай идуть, куды знаютъ». Тры хлопцы осталысь нучуваты, а
останни пишлы до дому спаты.

Идуче до дому, воны заспывалы:

«Мальчишечка, бидняжычка
Склонывъ свою головушку
Да на правую сторонушку:
На правую, на лѣвую,
На грудь свою на бѣлую.

Онъ спать ны спавъ, — всю ночь
дримавъ,
Давъ послѣдній разъ прощай сказава;
Да прощай, прощай, красавыця,
Красота жъ твоя ны правыця,
Да до ынчои жылаиця!»

Такъ проходятъ дни за днями. Отъ прошло уже шість ныдиль
Пылыпивки. Дивчата за це время багацько собрали муки, сала, масла,
сахарю и разныхъ припасивъ для складки. Отъ прыйплы святкы Ризд-
вяны; тутъ ще воны у матыривъ яка выпросе, яка украде свынныны, муки
и разного прочого. Назначають вечеръ, въ який будутъ гуляты. Хлопцы

тожь заробляють все время Пылыпивкы поденно, а хто у батька попросе грошей на складку.

Отъ наступылы Риздвяни святкы. На третій день дивчата ще зъ обидь забралысь у хату до хозяйкы вычырыць и хто кисто мисе на оришкы, хто кача, хто пече, а хто пишовъ у лавку за разными прыпасамы.

Хлопци прыходять увечери и идутъ прямо у хату. Тутъ дивчата выбираютъ, кого хотять, а остальные идутъ до дому. Хлопци скидаюця по ровну грошей и йдутъ, чоловіка два, у шынокъ за горилкою, а прочи сидають за стилъ и играють у карты.

Отъ уже дивчата напыклы оришкивъ, а хлопци прыпыслы горилкы. «Ну, хлопци давайте музыкантивъ наймымъ», сказавъ одынь изъ ныхъ. — Давайте, согласылысь ти. Два хлопци пышылы и прывылы музыкантивъ. Музыканты ввійшылы у хату и кажутъ: «здраслуйты, изъ святкамы васъ поздравляемъ!»

— «Спасиби», каже хозяйка: «ну сидайте отуть, дядькы, на лавци» Хлопци кажутъ: «ну грайте намъ сычасъ дудочки». Музыканты начали граты, а два парубкы схватылысь и начали танцюваты.

«Ну, теперь заграйте и намъ», просятъ дивчата.

И гуляють вони такъ до пивночи, а тоди пачынають вечераты и сидають по парамъ, кажна дивка изъ своимъ парубкомъ, кромы старшого парубка и старшой дивкы. Старшій парубокъ той, шо веде порядокъ мижъ хлопцямы, а старша дивка та, котора веде порядокъ мижъ дивчатамы.

Старшій парубокъ бере пляшку и чарку, а старша дивка—тарилку оришкивъ, и пидносе парубокъ заразы хозяйну хаты чарку горилкы, а дивка жменю оришкивъ. Потимъ хозяйци, музыкантамъ, а остальнымъ парнямъ становлять на стилъ въ тарилкахъ оришкивъ и самъ старшій парубокъ пидносе имъ по чарци. Тоди жъ кончуть вечерю, дивкы угощають хлопцивъ вареною. Варену варють изъ сахарю, разведеного теплою водою изъ перцемъ.

Якъ повечеряють, тоди старша дивка каже: «ну, ны гнивайтесь, господа, яка хлибъ силь була». Хлопци и дивкы вылазатъ изъ-за стола; музыканты бырутъ скрипку и бась и, заграють разивъ два, разходяця по домахъ, а хлопци и дивчата лягають спаты. На другый вечеръ дивчата угощають хлопцивъ чаемъ уже на свій счетъ. (сл. Преображенная).

Указатель собственных именъ.

- Ааронъ**, 104.
Авраамъ, 52, 105.
Агаѳія (Гапка) муч., 167.
Адамъ, 30, 104.
Акилина, (Кулына) муч., 147.
Алексѣй (Олексій) св., 83.
Андрей (Андросымъ) ап., 179.
Анна, св. зачатіе, 184.
Араповка, слобода (записывалъ учитель Моисей Давидовичъ Скубакъ), 9, 11, 12, 13, 15, 19, 23, 37, 38, 42, 44, 52, 54, 66, 67, 80, 81, 90, 91, 92, 96, 98, 108, 110, 111, 118, 125, 138, 141, 142, 147, 157, 158, 159, 175, 176, 178, 180, 185, 188, 202.
Аванасій (Апанасъ, Панасъ), 34, 35, 36.
Благовѣщеніе, праздн., 16, 83, 84.
Богородица, 50, 66, 106.
Богоявленіе Господне, праздн., 72.
Борисъ, (Бориско), 155.
Боровая, слобода, 39, 45, 52, 54, 83, 108, 176, 177.
Варварка, вм. 179, 180.
Варварка (Варя, Варичка, Варюша), 42, 158.
Васплій (Василько), 43, 44, 50, 51, 57, 59, 60, 65, 118, 119, 122, 151, 158.
Великдень (Пасха), 74, 79, 91, 93, 106.
Великій постъ, 80.
Византія, 38.
Виеліемъ, городъ, 27, 29, 30, 31, 32, 33.
Власій, муч., 74.
Воздвиженіе креста, праздн., 176.
Вознесеніе Господне, 16, 106.
Волоско-Балаклейка, слобода, 39.
Воротынскій Иванъ, князь, 48.
Гавриилъ, арх., 52, 53, 85.
Галька (Анна, Галя), 112, 160.
Гарькавая Евгенія, кр., 20.
Георгій (Юрій, Ягорій) св., 74, 137, 138, 139.
Голгова, 103.
Гончаровка, слобода, 70, 117.
Гороховатка, слобода, 116.
Григорій (Гриць, Грыцько, Грышка), 121, 122, 128, 143, 192.
Гусинка, слобода (записк. бывш. уч. Анна Александровна Склабинская), 99, 120, 147, 155, 157, 168.
Давидъ, царь, 105.
Дворняковъ, Д. крестьянинъ, 184.
Двурѣчная, слобода, (записк. уч. Адрианъ Матвѣевичъ Кабловъ), 16, 17, 55, 61, 67, 75, 91, 100, 106, 140.
Димитрій Солунскій, св., 177.
Донъ, рѣка, 125.
Доценко Ольга, кр., 196.
Дунай, рѣка, 58, 119, 133, 134, 144, 160.
Дуняша (Евдокія), 123, 155.
Дѣва Марія, 54, 55, 56.
Ева, 104.
Евдокія, муч., 80, 82, 85.
Евтихій (Явтухъ), 35, 36.
Египеть, 32, 38.
Егоровка, хуторъ, 71, 159, 163, 164, 167, 170.
Екатерина, вм., 179.
Екатерина (Катерина, Катря, Катюша), 42, 118, 119, 125, 126, 159, 168.
Елисей, 104.
Емельянъ, (Омелько), 40.
Есѡвъ, 105.
Зосима, св., 137.
Иванъ (Иванко, Иванько, Ивашко, Ваня), 39, 118, 120, 125, 144, 151, 153, 158, 159, 162, 210.
Иванъ воинъ, св., 166.
Иванъ креститель, Іоаннъ предтеча, 16, 43, 44, 51, 54, 59, 174.
Илья, пророкъ, 16, 49, 50, 67, 104, 165, 166.
Иродъ, царь, 30, 31, 32, 33, 52, 53.
Исаакъ, 104.
Исавъ, 104.
Исидора (Сидоръ), 167.
Иеусъ Навинъ, 104.
Іерусалимскій свитокъ, списокъ, 18.
Іерусалимъ (іорусалимъ), 18, 33, 49, 58, 62.
Иеусъ Христосъ (Сусъ), 17, 18, 30, 48, 49, 50, 51, 53, 54, 55, 56, 90.
Іоаннъ Дамаскинъ, 90.

- Иоаннъ многострадальный, 164.
 Иорданъ, рѣка (Орданъ, Ярданъ), 48, 61, 72.
 Иосифъ (Ицько, Ёсипъ), 32, 33, 42.
 Иуда, 32, 86, 195.
 Кабанья, слобода (зап. уч. Павелъ Михайловичъ Марусовъ), 46, 56, 57, 67, 74, 75, 76, 80, 84, 89, 96, 92, 98, 99, 100, 106, 114, 116, 126, 137, 142, 155, 156, 157, 158, 162, 163, 164, 170, 175, 176, 190, 192, 193.
 Каменка, слобода, 40, 83, 169.
 Кассіанъ, св., 74, 75, 76.
 Кіевъ, гор., 22, 60.
 Колодежная, слобода (зап. быв. уч. Александра Андреевна Ковалевская), 16, 37, 40, 44, 46, 49, 51, 54, 56, 60, 75, 76, 84, 91, 92, 124, 132, 155, 157, 163, 167.
 Кононь, св., 81.
 Константинъ, (Костюша), 38, 155.
 Косма и Даміанъ, свв., 16, 177.
 Крещеніе, Богоявленіе, 72, 73.
 Крымъ, 133.
 Кругляковка, слобода, (зап. уч. Григорій Максимовичъ Блезно), 96, 108.
 Ксенія (Оксана), 41.
 Куземовка, слобода, (зап. бывш. уч. Анна Гавриловна Троицкая), 46, 60, 61, 66, 67.
 Купала, 118, 156, 157, 161, 163.
 Купянскъ, городъ, 7, 8, 15, 16, 17, 18, 19, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 37, 39, 41, 42, 43, 45, 46, 47, 49, 50, 51, 52, 53, 55, 57, 58, 59, 60, 61, 66, 67, 74, 76, 91, 92, 98, 99, 104, 101, 102, 105, 106, 109, 111, 110, 115, 118, 120, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 140, 142, 143, 147, 155, 156, 157, 158, 159, 162, 163, 167, 168, 169, 170, 171, 175, 178, 180, 184, 191, 192, 193.
 Левъ, св., 74.
 Лія, 105.
 Лоть, 104.
 Лука (Лукаша), 132.
 Лукія (Лукиневка), 42.
 Мавра (Мавруся), 40, 41.
 Май, 34, 140.
 Маккавій, муч., 173.
 Макрина, св., 165.
 Максимъ, 112, 212.
 Маліевъ, хуторъ (зап. уч. Михаила Ивановича Нетреба), 8, 9, 11, 14, 22, 26, 81, 84, 85, 87, 97, 111, 134, 136, 140, 146, 151, 153, 154, 175, 176, 178, 179, 184.
 Малуца Скуратовъ, 48.
 Марія Магдалина, св., 90, 103.
 Марія (Маруся, Марусенька, Марьечка), 29, 31, 32, 39, 40, 41, 49, 60, 110, 112, 123, 133, 144, 158, 167.
 Маринка, 159, 160, 161, 162, 163.
 Марко, 128.
 Мартъ, 80, 81, 82, 83.
 Меланія, св., 50, 57.
 Михайль-архистратигъ, 17.
 Михайлушка, князь, (Скодинъ - Шуйскій), 47, 48.
 Мозговой. М., кр., 37.
 Морена, 159.
 Моисей (мусій), 34, 104.
 Мѣловатка, слобода, 29.
 Назаретъ, 53.
 Наталья, 24, 191.
 Наумъ, прор. 179.
 Нетреба, М. И., учитель въ хуторѣ Маліевѣ, 8.
 Нижній-Соленный, хуторъ, 60, 62, 170, 204.
 Николай, 45, 46, 191.
 Николай (Миколай) чудотворецъ, 50, 51, 75, 140, 180, 181.
 Ново-Глуховъ (слобода Кременная), 82.
 Ново-Николаевка, слобода (зап. уч. Александра Александровна Складбинская) 9, 11, 12, 15, 24, 26, 27, 30, 32, 65, 68, 91, 98, 99, 103, 138, 152, 153, 154, 157, 158, 167, 168, 169, 175, 176, 184, 191, 207.
 Ново-Осинова, слобода, 124.
 Ной, 105.
 Олена (Елена), 121, 122, 123.
 Ольшана, слобода, 142, 158.
 Омелько (Емельявъ) 122.
 Оринка (Ирина), 120, 121, 123, 151.
 Павелъ, ап., 147, 163.
 Павько, Палій (Пантелеймонъ), 35, 36, 166.
 Параскева, св. (Парасковія-пятница), 13, 14, 177.
 Петровка, постъ, 146, 152.
 Петропавловка, слобода, 49, 54, 61, 111.
 Петръ, ап., 49, 50, 66, 81, 118, 146, 168, 164.
 Пилать, 103.
 Филиппъ (Филиппъ), 118.
 Покровскъ, слобода (зап. бывший учитель Андрей Васильевичъ Венедиктовъ), 11, 25, 31, 34, 36, 39, 47, 48, 50, 52, 54, 57, 93, 98, 105, 111, 172, 180.
 Покровъ Пресв. Богородицы, 177.
 Поляковъ, Гр., крестьянинъ, 34.

- Преображенная, слобода (зап. уч. Харитина Герасимовна Сильченкова), 12, 15, 23, 26, 27, 41, 46, 49, 52, 53, 54, 55, 57, 58, 59, 60, 61, 66, 67, 70, 73, 74, 75, 80, 81, 82, 85, 86, 89, 91, 92, 99, 106, 107, 110, 111, 112, 115, 120, 136, 137, 138, 140, 146, 147, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 161, 164, 167, 171, 172, 176, 178, 181, 216.
- Прокопій, св., 164.
- Протась (Протасій) 34, 35, 36.
- Радьковскіе Пески, слобода, 35.
- Рахиль, 105. Ревека, 105.
- Рождество Пресв. Богородицы, 176.
- Рождество Христово (Риздво) 24, 43, 51, 58.
- Руфь, св. 136, 176.
- Савва, освящ., 180. Самсонъ, 104. Сара, 105.
- Сватова-Лучка, слобода (Ново-Екатеринославль) 23, 28, 43, 49, 51, 52, 57, 61, 62, 64, 75, 87, 89, 91, 92, 93, 98, 99, 106, 137, 140, 165, 172, 179, 180, 184, 190.
- Свистуновка, слобода (зап. бывший учитель Василій Васильевичъ Кисляинскій) 49, 52, 53, 54, 55, 57.
- Свѣтъ, Варвара Николаевна, бывшая учительница въ слободѣ Тарасовкѣ.
- Святвечерь, 22, 23, 38.
- Сильченкова, Харитина Герасимовна, учительница въ сл. Преображенной.
- Симеонъ, св., 175. Симонъ Зилоть, 140.
- Склабинская, Александра Александровна, учительница въ сл. Ново-Николаевкѣ.
- Склабинская, Анна Александровна, бывшая учительница въ слободѣ Гусинкѣ.
- Скубакъ, Моисей Давидовичъ, учитель въ слободѣ Араповкѣ.
- Соломонъ, 105. Спиридонъ, св., 21.
- Срѣтеніе Господне, праздн., 73.
- Стельмаховка, слобода, 27.
- Столяревская, Марфа, кр. 7, 8. Сусанна, 105.
- Тарасовка, слобода (зап. уч. Варвара Николаевна Свѣтъ), 10, 14, 36, 37, 55, 87, 90, 105.
- Тверій, римск. импер., 90.†
- Тополи, слобода (зап. бывш. уч. Варвары Ильиничны Шовгениной) 41, 46, 51, 54, 61, 165.
- Торская, слобода, 36, 40, 42, 45, 51, 54, 55, 62, 67, 117.
- Украина, В. З., 149.
- Уляна (Іуліанія), 162, 163.
- Успеніе Пресвят. Богородицы, праздн. 16, 174.
- Февраль, мѣсяць, 70, 74, 76.
- Филиппъ (Пыльшъ), 41, 118.
- Хамъ, 105.
- Христось, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 36, 49, 50, 52, 53, 57, 58, 103, 104, 195.
- Шейковка, слобода, 9, 12, 13, 17.
- Юрій, св. (Георгій), 137, 138, 139.
- Яковъ (Яцько), 34, 35, 126.
- Январь, мѣсяць, 65, 70, 72, 73.
- Ѳеодоръ (Ѳедько), 110. Ѳеодосія (Ѳенночка) 41.
- Ѳеодотъ (Ѳедотка), 159. Ѳома (Хома), 46, 59.

Указатель предметовъ.

Адъ, 18, 27, 32, 86, 63. Ангелъ (янголь), 17, 19, 27, 28, 29, 32, 36, 50, 51, 54, 55, 94, 125. Анекдотъ, 173. Архангелъ, 52. Арбузь, 174.

Баба, бабка, 12, 33, 47, 56, 59, 74. Бабакъ, 80. Багно, 75. Базаръ, 21. Базъ, 34. Бакша, 13, 86, 140. Баранъ, 46. Барвинокъ, 110, 118, 119. Барыло, 120. Батракъ, 171. Батько (батенько), 31, 40, 57, 58, 60, 88. Башмакъ, 60, 63, 64, 133, 134. Берегъ, 58, 133. Береза, 59. Бишиха, 98. Богатырка, 6. Богъ, 34, 39, 42, 43, 44, 45, 46, 48, 51, 57, 65, 66, 75. Бокирь, 126. Блинь, 57, 70, 77, 78. Блоха, 147. Болото, 128. Болячка, 120, 121. Борода, 166. Борона, 175. Борщъ, 24, 69, 77, 153. Боръ, 125. Бочка, 121. Бояринъ, 47. Брага, 34. Брама, 104, Братъ, 42, 88. Бричка, 120. Брови, 74, 75, 119, 124. Брюква, 84. Бубликъ, 81. Бузу-виръ, 106. Будякъ, 121. Буравъ, 21. Буракъ, бурякъ, 86. Бурлакъ, 37, 132. Бутылка, 69, 172. Выкъ, бычокъ, 37, 56, 59, 76, 116. Вѣлило, 124. Вѣль, 162. Вѣлье, 12, 15, 17, 73. Вѣсь, 28, 165.

Валокъ, 148. Вареникъ, 57, 70, 77. Васильки, 48, 59, 70, 71, 118, 121. Вагата, 34, 35. Вдова, 46, 82, 94, 124, 135. Верба, 86, 118, 125, 133, 158. Вертепъ, 28, 29, 31, 33, 34, 51, 52, 53. Вершовщикъ, 26. Весна, 34, 76, 117, 118, 122, 144. Веснянка, 79, 108. Вечерицы, 177, 185. Вечерь, 38, 39, 40, 41, 42, 49. Вивчаръ, 134. Видмедыкъ, мелвѣдь, 124. Вилы, 148. Вино, 42, 44, 45, 121, 131. Виноградъ, 152. Вирши, 24, 26. Витушка, 120. Вихоть, 71. Вишня, 120, 127, 179. Вода, 25, 35, 70, 71, 72, 74, 83, 118, 156, 157. Водка, 69, 73, 74, 77, 78, 106. Водяной, 13. Возъ, 75, 168. Войско, 33. Волкъ, 117, 124, 138, 161. Волоса, 8, 12, 17, 36, 84. Волошки, цв., 115, 120. Волхвъ, 29, 32, 33. Волчець, раст., 156. Воль, 29, 46, 47, 49, 61, 64, 124. Воробей (горобчикъ), 70, 72, 112, 126, 175. Ворона, воронъ, 89, 139, 145. Ворота, 44, 54, 71, 135, 138. Воръ, 34, 35, 36, 84. Воскресенье (неделя), 6, 18, 19, свѣтлое—93. Воскъ, 133. Востокъ, 33. Вошь, 84. Вужака (ужъ), 120. Вулыця (улица), 121, 122. Вустилка, 23. Вымя, 23. Вѣдьма, 21, 93, 98, 105, 158, 163, 178. Вѣи (вѣки), 75. Вѣкъ, 37, 53. Вѣникъ, 64. Вѣнокъ, 40, 41, 55, 59, 156, 158, 161. Вѣтеръ, 51, 129, 134, 136. Вѣтка, 21.

Гаврашокъ, 80. Гадюка, 7, 14, 15, 120, 136, 176. Гай, 125, 129, 135, 136. Галунъ, 90, 99. Галушка, 47, 78, 153. Гвоздика, 120. Гвоздь, 55. Гетманъ, 30. Глава, 54. Глечикъ, (кувшинъ), 71. Гнѣздо, 23, 157. Годъ, 75, 76. Новый—65, 66, 68, 70. Голова, 12, 15, 56, 62, 166. Голосъ, гласъ, 34. Голубня, 53. Голубъ, 99, 127, 129. Гопакъ, 105. Гора, 42, 52, 54, 132. Горе, 74. Горилка, 46, 68, 107, 135, 150, 151. Горище (чердакъ), 65, 89. Горныця, 13. Горохъ, 23, 65, 67, 81. Горстка, 8. Горшокъ, 11, 23, 60, 71. Гостинецъ, 33. Гость, 43, 58, 76. Грабли, 150.

Градъ, 84, 140. Грачи, 72. Гребень, 8, 12, 64. Гребля, 125, 172. Гречаникъ, 43. Гречка, 43, 71, 72, 89. Грибъ, 154. Гробъ, 21, 43, 54, 55, 134. Гроза, 137, 165, 166. Громада, 33. Громъ, 16, 19, 122, 137, 165. Грошъ, 65. Грудь, 55. Груша, 68, 173, 174. Губа, 120. Гумно, 66. Гурьба, 35, 37. Гусеница, 68, 142. Гусь-гусята, 11, 81, 122, 154. Гусли, 52.

Даръ, 28, 30, 31, 33, 43, 49. Дерево, 43, 55, 58, 156. Дерягъ, 177. Дижа, 142. Діаволь, 87. Дянще, 74. Дойница, 115. Дождь, дощъ, 35, 45, 67, 122, 150, 165. Докторъ, 33. Доливка, 17. Долина, 156. Доля, 15, 24, 71, 72, 97. Домовой, 89, 96. Домъ Давида, 93. Дочь, доня, 41, 46, 135. Драбина, 141. Дривитня, 138. Дрима, 114. Дружина, 53. Дубина, дубъ, 34, 59, 128, 162. Дуброва, 39, 118, 147. Дуларъ, 112. Дудка, 30, 33, 121. Душа, 32, 34, 48, 61, 62. Дѣвица, 16, 28, 34, 40, 47, 51, 52, 53, 57, 70, 71, 131, 132, 134, 153, 155, 177, 208, 210, 212, 213, 214, 215, 216. Дѣдъ (дядко), 24, 37, 47, 153. Дѣти, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 44, 46, 47, 51, 56, 70, 122, 125, 126, 142.

Евангеліе, 188.

Жаба, 13. Жаворонокъ, 81, 82, 83. Жажда, 70, 25. Желудокъ, 77. Желчь, 18. Жемчугъ, 162, 163. Жена, 24, 44, 46, 47, 48, 52, 70, 77, 85, 129, 132, 153, 164. Женихъ, 16. Жертва, 28. Животъ, 33, 135, 152. Жиды, 18, 54, 55, 56. Жплиники (коржи), 80. Жито (рожь), 42, 43, 45, 57, 63, 65, 66, 67, 79. Жменя, 8. Жукъ, 153. Жупанъ, 37. Журавль, 137.

Заговоръ, 139, 140. Заговѣны, 77. Загорода, 64, 74, 141, 158. Закромъ, 82. Замокъ, 93, 138. Запасочка, 131. Заря, 36, 41, 42, 46, 52, 132, 134, 152, 173. Заушница, 77. Заяць, 124. Звиздаръ, 53. Звычай жиновцькій, 87. Звѣзда, 19, 22, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 51, 52, 53, 159. Звѣрь, 45, 165. Зелье, 125, 130, 162, 173. Земледѣлецъ, 65. Земля, 19, 27, 30, 43, 45, 49, 62, 118, 152. Зѣрно, 63, 65. Зика, 73, 177, 178. Злато, золото, 30, 46, 48, 53, 58. Злыдни, 25. Змѣя, 176, 177. Знахарка, 165. Знахарь, 11. Зозуля, 84, 118, 126, 139, 146, 157. Зола, 73, 15, 158. Золотуха, 11. Зона, 13, 73, 80, 89. Зять, 77, 79.

Игра, 79. Игра въ карты, 195, 196. Икона, 23, 65, 166, 175. Имя (менье), 49, 50. Индыкъ, 146. Иней, 25, 70, 73. Искра, 48.

Кабакъ, 47, 57, 61. Кабанъ, 69. Каблукъ, 149. Каганецъ, 33. Кадило, 48. Кадильница, 57. Кажанъ, 97. Калачъ, 43, 45, 58, 145, 148, 151, 168. Калина, 41, 61, 115, 118, 123, 126, 127. Калиточка, (кашелекъ) 59. Камень, 55, 164, 176, 182. Камышь, 153. Капуста, 23, 24, 69, 165, 174. Карты, 195. Картофель, 23, 143. Катъ, 78. Каша, 9, 34, 47, 153. Кварта, 150. Квась, 10, 12, 15, 80. Квитка, 49, 60, 129, 130. Квичало, 141. Квочка (насъдка) 65, 131. Кирпичъ, 64. Кислица, 144. Китайка, 48. Кишка, 47, 60. Кладбище, 79, 96. Кленъ, 128, 141. Клуя, 172. Клѣтъ, 66. Ключъ, 61, 62. Книга, 49. Книгъ, 172. Книшь, 23, 57, 61. Князь, 47. Кобыла, 46, 47, 48, 95, 197. Коваль, 59. Кожухъ, 167. Коза, 57, 153. Казакъ, 125. Козель, 108. Колбаса, 21, 24, 38, 47, 60. Колодка, 47. Колосъ, 46, 63, 64, 70. Колѣни, 37, 49, 51, 52, 141. Колъ, 63. Колыска, 126. Кольцо, 60. Коляда, 22, 38, 44, 46. Колядникъ, 46. Комаръ, 109, 147. Комора, 125, 147, 161. Кондакъ, 38. Конь, 31, 39, 47, 48. Копа, 8, 150, 66. Копыто, 48. Кошь, 18. Копѣйка, 15. Кора, 59, 63. Корабль, 40, 75. Корагодъ (хороводъ), 122, 123. Коржъ, 152. Кормъ, 34, 35, 74. Коробъ, 66. Корова, 10, 23, 98. Королевна, 39, 40, 41. Король, 48, 55, 110, 111, 112. Коса (орудіе), 153, 155. Коса женская, 14

60, 157. Костерь, 156, 158. Кострица, 15. Кочерга, 65, 104, 155. Кошара, 34, 35, 36, 48. Кошка, 21. Красавица, 39. Крамь, 119. Красило, 124. Красно (кросно), 147. Крашанки, яльца, 90, 96, 93, 96, 166. Крейда, 71. Крестъ, 21, 27, 57, 67, 71, 72, 82, 166. 184. Криница, 114, 132, 147. Кровать, 64. Кровь, 55. Кропива, 145, 156. Кропило, 59, 70, 71. Крыло, 34. Крыша, 63, 158. Кряжъ, 54. Кубокъ, 44, 45. Кувшинъ, 172. Кузнецъ, 177. Кузнечикъ, 149. Кукла, 159, 161, Куколь, 131, 132. Кукушка, 164. Кума, 8, 47. Кумъ, 20, 47. Куна (Кувныя), 39, 60. Купецъ, 39. Курица, куры, 38, 56, 57, 63, 65, 71, 76, 120. Кустъ, 28. Кутья, 23, 24, 71, 72. Кухоль, 33.

Лавка, лавка, 135, 136. Ладанъ, 24, 69, 74. Ладышка, 47. Ланъ, 43. Лапша-70. Ласточка, 137. Лататье, 125. Лебедь, 122, 145, 167. Легенда, 81, 94, 21, 105, 177. Ледъ, 78, 135. Лента, 131, 132. Ленъ, 8, 80, 85, 117. Ливада, 6. Ливанъ, 30. Лимышка, 60. Линь, 128. Лица, 149. Лиса, 39. Лпхорадка, 173. Лицо, 119. Лобода, 124, 168. Лобъ, 36. Ложка, 24, 25, 69, 70, 72, 78, 120, 142. Локшина, 24. Лопата, 24, 110. Лошадь, 71, 75, 97. Лугъ, 35, 54, 133, 152. Лужа, 76, 80. Луковица, 64. Лукъ, 38, 39, 60, 142. Лычманъ, 35. Лѣсъ, 40, 132, 139. Лѣто, 35, 51, 52, 53, 73, 125. Любистокъ, 141. Люди, 28, 33, 45, 56, 74. Люциперъ, 52.

Макагонъ, 71. Маковики, 173. Макъ, 56, 98, 114, 158. Малина, 126. Мальчикъ, 65, 70. Масло, 78. Масляница, 76, 77, 78, 79. Материнка (раст.), 167. Мать, 24, 31, 40, 48, 58, 77, 129, 209, 215. Мачиха, 162, 163. Медъ, 44, 45, 80, 84, 131, 135, 168, 173. Мережка, 169. Мечъ, 16. Мирю, 49. Миска, 24, 67, 69, 72. Миръ, 37, 45, 49, 52. Младенецъ, 31, 32, 49, 51, 70. Млинъ, 124, 131, 132. Могла, 22, 46, 56, 106, 107. Молоко, 10. Молнія, 16, 19, 89. Молоть, 76. Монастырь, 54, 183. Монахъ, 14. Монета, 65. Монисто, 159. Море, 19, 40, 122, 127, 136, 156. Морозъ, 36, 71, 73. Моръ, 73, 75. Москаль, 24, 25. Мостъ, 62, 64. Моши, 91. Мудрецъ, 30, 33. Мужикъ, 75. Мужъ, 74, 77, 132, 164. Мука, 55, 56, 62, 70. Муравей?, 84. Муръ, 104. Мученикъ, 11. Мышь, 166, 189. Мычка, 12, 14, 26, 56. Мѣль, 71. Мѣсяцъ, 41, 45, 64, 122, 123, 126, 159. Мѣшокъ, 81. Мясо, 25, 73, 153, 180. Мясоѣдъ, 77. Мятель, 68, 76.

Нагайка, 104, 110, 111, 125. Нагидки, раст., 168. Налыгачъ, 6. Намысто (манисто), 134, 159, 162. Народъ, 30, 31. Насѣкомое, 178. Небо, 19, 27, 28, 31-34, 43, 45, 54, 55. Неводъ, 122. Недогарокъ, 22. Недѣля, (выдѣля) 6, 8, 62. Ненька (мать), 41, 62, 129. Нечистый (чертъ), 14. Нава, 82. Нитки, 137. Новля, 33. Новый годъ, 64, 65, 66, 68, 69. Нога, 33, 46, 55, 56, 129. Ножъ, 24, 174. Ноздря, 48. Носъ, 19, 33, 143. Ночь, 21, 22, 36, 63, 64.

Оборка, 143. Образъ, 24. Обѣдня, 69. Обѣдъ, 24, 70. Овесь, 42, 43. Овощъ, 86, 142. Овца, 23, 35, 48, 63, 71, 121. Огонь, 18, 24, 51, 62, 156. Огородъ, 130. Огурцы, 86, 140. Окио, 24, 33, 54, 57, 125. Око (глазь), 14, 26, 33, 75. Орель, 40, 122, 147. Орѣхи, 24, 27, 46. Осель, 37. Осетрина, 51. Осина, 141. Ослонъ, 208. Отецъ, 24, 41, 62, 65, 77. Очи, 48, 70, 146.

Пава, 40, 41, 42. Падѣжь, 73, 75. Пазушка, 42. Палецъ, 10. Палка, 99, Паляница, 42, 43, 59. Панотецъ, 33, 41. Панчошки (чулки), 60. Павъ, 35, 36, 46, 66, 172. Паня, 36, 37, 42, 168. Парубокъ, 113, 116. Паска, 92, 97, 106. Пастухъ, 29, 51. Пастыръ, 53. Пасѣка, 137. Пахолокъ, 26. Пашница, 48, 65, 66, 67. Пекло,

61, 62, 104, 105. Пелена, 52. Передникъ, 63. Переулокъ, 61. Перець, 84. Перо, 40, 41, 56. Перстень, 40, 118, 160. Перчатка, 75. Песокъ, 19, 40. Петрушка, 158. Печь, 17, 46, 64, 66, 67, 70, 73, 126, 161. Пивень (пѣтухъ), 146. Пивмотокъ, 129, 170. Пиво, 44, 105. Пивоварня, 34. Пидпасычъ, 35. Прогъ, 23, 46, 57, 66, 68. Писанки, 90, 105. Письмо, 40. Пища, 76, 77. Пламя, 48. Пластырь, 33. Платокъ, 40. Плахта, 131, 134, 160. Плащаница, 83, 92. Плугъ, 16, 66, 82, 124, 130. Побрехенька, 78. Повивачъ, 48. Повѣрье, 173. Повѣтъ, 28. Погода, 22, 73, 84. Подарокъ, 35, 40, 53. Подорожникъ, раст. 158. Подошва, 106. Подруга, 40. Подушка, 23, 63, 92. Пожаръ, 17, 73, 75, 91, 166. Покрышка, 63, 80. Покута, 7. Покутъ, 21, 23, 68, 69. Поле, 39, 53, 66, 67. Полова, 46, 119, 189. Полотно, 163. Полянъ, 141, 142, 163. Поляно, 6, 63. Поминки, 107. Помость, 45. Понедѣльникъ, 9, 19, 72. Понивна, 44. Порогъ, 24, 65, 126, 142. Породила, 35. Поросята, 77, 91, 126. Посады, 127. Постъ Великій, 78, 80, 185. Посыпальникъ, ница, 65. Постѣвъ, 82, 83. Потылица, 33. Починокъ, 73. Прадѣды, 24. Престолъ, 16, 17, 58. Припечекъ, 17. Проводы, 106, 107. Пропасыця (лихорадка), 14, 146. Пророки, 28. Просо, 8, 115, 137, 147, 163. Просфора, 83. Проходчикъ 26. Прядиво, 15, 26, 56. Пряжа, 73. Прядка, 120. Прялка, 14. Пряникъ, 65, 119. Пряха, 15, 34, 36. Псалтырь, 105. Птица, птаха, 19, 21, 34, 36, 42, 54. Пуга, 67. Пупъ, 33. Пчелы (бжолы) 73, 74, 76, 82, 83, 84, 91, 137, 164, 166, 167. Пшеница, 42, 43, 45, 65, 66, 67, 73, 135. Пшено, 23, 124, 125. Пятакъ, 47, 56, 61, 66. Пыка (лице), 143. Пышка, 47. Пѣтухъ, 63, 74, 164. Пятница, св. (пятаынка), 13, 14, 15, 16, 19, 62.

Рада, 51, 52, 55. Размай, зелье, 135. Рай, 27, 30, 44, 48, 52, 61, 62, 93, 104, 108, 165, 188. Рана, 55, 56. Ребенокъ, 75. Ребята, 25. Релець, 36. Риза, 51, 61, Ринокъ, 156. Ровня, 40. Рогачъ, 155, Рогъ, 46, 56, 57, 61, 124. Родимчикъ, 33. Родына, 33, 51, 118. Рожка, 54, 91, 118, 120, 121, 131, 157, 170. Рой, 72, 82, Ромень, 160. Роса, 64, 74, 139, 159, 157. Ружье, 71. Рука, 46, 51, 55, 56. Рукавица, 23, 65, 174. Рукавъ, 40, 42, 119. Русалка, 12, 91, 141, 142, 159, 163. Руся, 36. Рута-мята, 119, 124, 131, 132. Рушнякъ, 93, 127, 151. Рыба, 45, 51, 55, 56, 82. Рѣлька, 80, 139. Рѣка, 51, 127. Рѣсница, 75. Рѣшето, 119, 120. Рюмка, 69, 78. Рядно, 167. Ряска, 131.

Садъ, 51, Сажа, 124. Сало, 9, 14, 34, 38, 46, 60. Самоваръ, 167. Сапогъ, 63, 64, 94. Сапожникъ, 14, 94. Сатана, 28, 104. Свердло (буравъ), 21. Свиинна, 25, 69. Свинья, 47, 56, 71, 73, 75, 119, 140. Сволокъ, 89. Свѣтлица, 41, 44, 45, 60, 126. Свѣтъ, 45, 49, 51, 52, 53. Свѣча, 22, 23, 24, 42, 54, 56, 57, 89, 133, 165, 166. Святвечерь, 22, 38. Святки, 73. Селезень, 121. Село, 47, 65, Сердце, 10, 36, 127, 133. Серебро, 47, 53, 58. Серета, 11, 19, 62, 140. Сернь, 6, 136, 145, 171. Сестра, 43. Сивуха, 33. Синагога, 103. Сиривецъ, хл. квась, 12, 16. Скамейка, 24, 40, 41. Скатерть, 24, 25, 69, 130. Скиндявочка, 119. Скорлупа яичная, 10, 85, 97, 98. Скота, 83. Скоръ рогатый, 64, 71, 73, 74, 75, 137, 138, 140. Скрижали, 104. Скрипка, 131, 145, 148. Слеза, 55, 73. Слуга, 32, 47, 53. Смерть, 104. Сметана, 70. Смирна, 30. Смола, 121. Снасть, 124. Сивгъ, 23, 25, 46, 72. Собака, 47, 62, 63, 121, 150. Соборъ, 49. Сова, 79. Создатель, 50. Сокира (гопоръ) 68. Соколь, 126. Солдатъ, 32, 173. Солнце, 21, 40, 45, 49, 52, 75, 76, 130, 136. Соловей, 118, 124, 126. Солома, 63, 73, 137. Солонина, 24. Солонка, 69. Соль

64, 88. Сошилка, 122, 149, 168. Сорока, 81, 145, 149. Сорочка, 10, 83, 104, 131, 145, 159, 165, 176, 186. Сорь, 63, 68. Сосулька, 76. Сосѣдь, 48. Соха 16, 7. Сочельникъ, 22. Спина, 34, 137. Списокъ іерусалимскій, 18. Станокъ, 41, 176. Старикъ, 6, 25, 68, 78. Староста, 130. Старуха, 68, 73. Стежка (дорожка), 169. Стегно, 110. Степь, 33, 136. Стерны, 8. Стогъ, 42, 153. Столь, 24, 44, 45, 46, 67, 69. Страва, 71, 107. Струна, 52. Стрѣла, 165. Ступня, 8. Суббота, 17, 19. Судитель 53, Судь, 55. Сукно, 60, 119. Сынъ, 24, 29, 32, 46, 50, 51, 65. Сыринь, 77. Сырь, 24, 70. Сѣни, 41. Сѣно, 23.

Табакъ, 47, 48, 127, 128. Таборъ, 148. Таланъ, 68. Танокъ, 40, 110, 111, 122. Тарелка, 24, 56, 64, 70, 74. Тата, татко (отець) 57. Творецъ, 52. Творогъ, 57. Теличка, 46, 56, 59, 75, 78, 145. Теремъ, 39. Тренъ, 48. Тесакъ, 32. Тестъ, 77. Тетеря, 146. Тетка, 47. Теща, 77, 126, 129. Теля, 86, 106. Товарищъ, 45. Товаръ, 58. Толока, 130. Топоръ, 6, 68, 85. Торба, 150. Трава, 42, 128, 152, 155, 173. Тропарь, 38. Трубка, 128. Трудовница, 62. Труна, 55, 128. Трясовица, 16. Тума, 111. Турокъ, 42. Туча, 128, 130. Тынь, 121, 155. Тырло, 35. Тѣло, 55, 62. Турьма, 75. Тяпка, 143.

Уголь святой, 71. Уголь, 64, 159. Узварь, 23, 24, 71. Укропъ, 137, 164. Уродъ, 87. Урожай, 8, 21, 25, 64, 65, 67, 70, 80, 82, 83, 137, 165, 178, 180. Утка, 122, 189. Утрениа, заутрениа, 24, 65, 67, 91, 93. Ухо, 33.

Фитиль, 67. Фонарь, 38. Франтъ, 75.

Хата, 11, 17, 38, 57, 63, 64, 65, 68, 71, 75, 76, 177. Хахлы, 24, 25. Хвалька, 206. Хвороба черна, 86. Хвля (волна), 156. Хлопецъ, хлопья, 21, 27, 34, 36, 52, 65, 71, 114. Хлѣбъ, 9, 14, 23, 25, 34, 38, 45, 47, 64, 66, 73, 77, 145, 159, 166. Хлюсть, 205. Хмара, 52, 128. Хозяинъ, 44, 45, 64, 185, 216. Хозяйка, 10, 45, 57, 207, 244, 216. Холодецъ, 69, 77. Холстъ, 10, 17, 186. Хорты, 39, 139. Хоругвь, 72. Храмина, 32. Хронъ (хрѣнь), 69, 80, 91, 114, 166. Худоба, 69, 71. Хустка, 47, 126. Хуторъ, 10.

Царивна, 39, 183. Царица, 128. Царь, 28, 30, 31, 33, 35, 49, 52, 53, 58, 138. Цвѣты, 156, 173. Церковь, 89, 18, 19, 41, 42, 54, 55, 56, 64, 69, 72, 75, 76, 166. Цибуля (лукъ), 64, 71, 85, 90, 158. Цивка, 147. Цыгарка, 127. Цыплята, 23, 71, 137.

Чавунъ (чугунокъ), 70. Чайка, 135. Чара, черка, 59, 128, 143, 153. Часовня, 72, 75. Чась, 50, 51. Чебрець, 141, Чека, 138, 174. Человѣкъ, 51, 52, 58, 74, 75, 97, 105, 138, 164, 175, 177. Челядь, 120, 134, 156. Черви, 78, 99, 142. Чердакъ, 158, 177. Черевичекъ (башмакъ), 111, 118, 126, 144, 158, 160, 162. Череда, 20, 146. Черенаха, 11. Черепокъ, 24. Черепъ, 15, 84. Чернило, 124. Черноклець, 156, 159. Черныченка, 62, Чертополохъ, раст. 156. Чертъ, 13, 73, 76, 105, 121, 180, 211. Чесотка, 23, 88. Четвергъ, 12, 19, 20, 77, 95, 141. Чечевица, 23. Чирій, 33, 81, 82. Чмели (шмели), 36. Чмуть (гутникъ), 181. Чоботы (сапоги), 14, 23, 60. Човень, (челнокъ), 137. Чернобривчикъ, цвѣтокъ, 115. Чубъ, 134. Чудо, чудосія, 28, 34, 175. Чумакъ, 138, 139. Чуприва, 47, 56, 61. Чурбакъ, 159, 163.

Шабля (сабля), 110, 111. Шагъ, шажокъ, леон. 61. Шапка, 40, 41, 126, 148, 156. Швачка, 42. Шелкъ, 49. Шелячъ, мон. 59. Шерсть, 121. Шестъ, 148. Шило, 14. Шинкарочка, 123. Шинокъ, 73, 74, 78. Шпшка, 96, 98. Шкарбъ, 92.

Школа, 26. Шкура, 36. Шляпа, 75. Шматьа, 120. Шнуръ, 33. Шпычка, 146.
Штавы, 10, 85. Штыкъ, 31. Шуба, 59, 60. Шулика (коршунъ), 137. Шуляки, 173.
Щедривки, 57. Щека, 14. Щелокъ, 10. Щетина, 56. Щука, 82, 84, 128, 131.
Юльця (улица), 123, 126. Юночка, 126. Юшка, 38, 47.
Яблова, 8, 68, 114. Яблоко, 8, 23, 119, 173. Яворъ, 125. Ягня, 29, 33,
34, 35, 36, 37, 51, 52, 59. Ягода, 126, 158. Ядро, 56, 67. Яйцо, 14, 84, 85,
97, 189. Яичница, 78, 185. Ялына, 61, 122. Янголь см. ангелъ. Яръ, 128, 145.
Ясли, 29, 31, 37, 49, 51, 53. Ятровка, 14, 15. Ячмень, 64, 65.

ОПЕЧАТКИ.

<i>Стр.:</i>	<i>Строка:</i>	<i>Напечат.:</i>	<i>Слѣдуетъ:</i>	<i>Стр.:</i>	<i>Строка:</i>	<i>Напечат.:</i>	<i>Слѣдуетъ:</i>
4	сверху 15	семойныхъ	семейныхъ	111	сверху 20	по надъ	по подъ
4	• 5	сами	самыя	111	снизу 4	не идежъ	не идешъ
9	снизу 16	илъ	изъ	113	сверху 17	скажи!	скажи,
10	сверху 10	неначе	неначе	114	» 8	дрима	дрима,
13	• 3	тыю	тыею	119	• 12	саказала	заказала
13	• 5	горпыця	горныця	120	снизу 1	тай	тай та
13	снизу 14	Шайконка	Шейковка	130	сверху 15	донько	донько,
13	» 9	анокрифамъ	анокрифамъ	136	снизу 10	дитки	дитки,
19	• 16	неподнятъ	исполнять,	138	» 15	заръжеть	заръжеть
24	сверху 8	утрени	утрент	139	» 16	пойдаты	пойдаты
27	снизу 5	зато-срибро	злато-срибро.	141	сверху 14	ясени	ясеня
34	сверху 8	Панась	Панась—	142	» 11	на поминали	не поминали
35	» 11	пидпасычъ	пидпасычъ	143	• 10	молотъбы	полотъбы
44	• 12	святителя	три свитителя	144	снизу 12	Давно	Довго
46	снизу 5	коляда	каляда	147	• 19	Акулины	Акилины
51	» 8	Божал,	Божая	147	» 8	оглашается	оглашаетъ
61	• 8		15.	147	» 4	Архиповки	Араповки
65	сверху 13	мальчыкъ	мальчыкъ бе- реть	148	» 1	земли	землѣ
67	• 11	Ав	Дв	150	» 4	Боже	Боже,
71	снизу 11	розъ	розъ	156	сверху 12	Vinka	Vinsa
73	• 1	изъйбы	изъйды	156	• 12	диндзиверъ	диндзиверъ
79	» 2	хото	хто	156	• 13	Mocloa	Malua
82	» 2	въ поли	въ поле	156	» 13	Althaca	Althaea
84	• 7	брюкова	брюква	161	» 14	они	онѣ
84	» 1	согодня	сѣгодня	161	снизу 5	до мені	до менѣ
85	сверху 13	зъйды (?)	зъйиды	161	» 10	свекорю	свекорю
85	снизу 17	робы	роды	163	сверху 18	выхръ	вихръ
86	» 16	патыльницы	попыльницы	169	снизу 12	ручку	ручки
87	сверху 15	калѣки	калѣки	170	сверху 14	да	да
88	снизу 12	недѣли	недѣлѣ	171	» 2	однолютки	однолютки
91	» 18	зв	Дв	173	» 2	Саца	Саца
92	сверху 6	Кал.	Кол.	179	» 2	вышневыхъ	вишневыхъ
97	• 12	позтому,	позтому	182	» 7	но вечера	по вечерамъ
98	• 6	священной	освященной	183	• 17	то большій	наибольшій
100	• 16	царей,	царь	188	• 1	пѣчи	печи
100	снизу 2	найвсякъ	найвся	189	» 11	синь	гинь
103	сверху 16	молодыци—	молодыци— ныгодныки,	201	снизу 16	неже	ниже
103	снизу 3	хтось	хтось	202	сверху 1	выдьмы	видьмы
104	» 19	симтянь	египтянь	205	• 1	раза каждый	раза за каж- дый
106	• 10	веля	тля	211	снизу 10	идить	идуть
109	сверху 18	за жменю	со жменю	212	» 8	аграемъ	заграемъ
				214	» 2	ухнемъ	ухнемъ